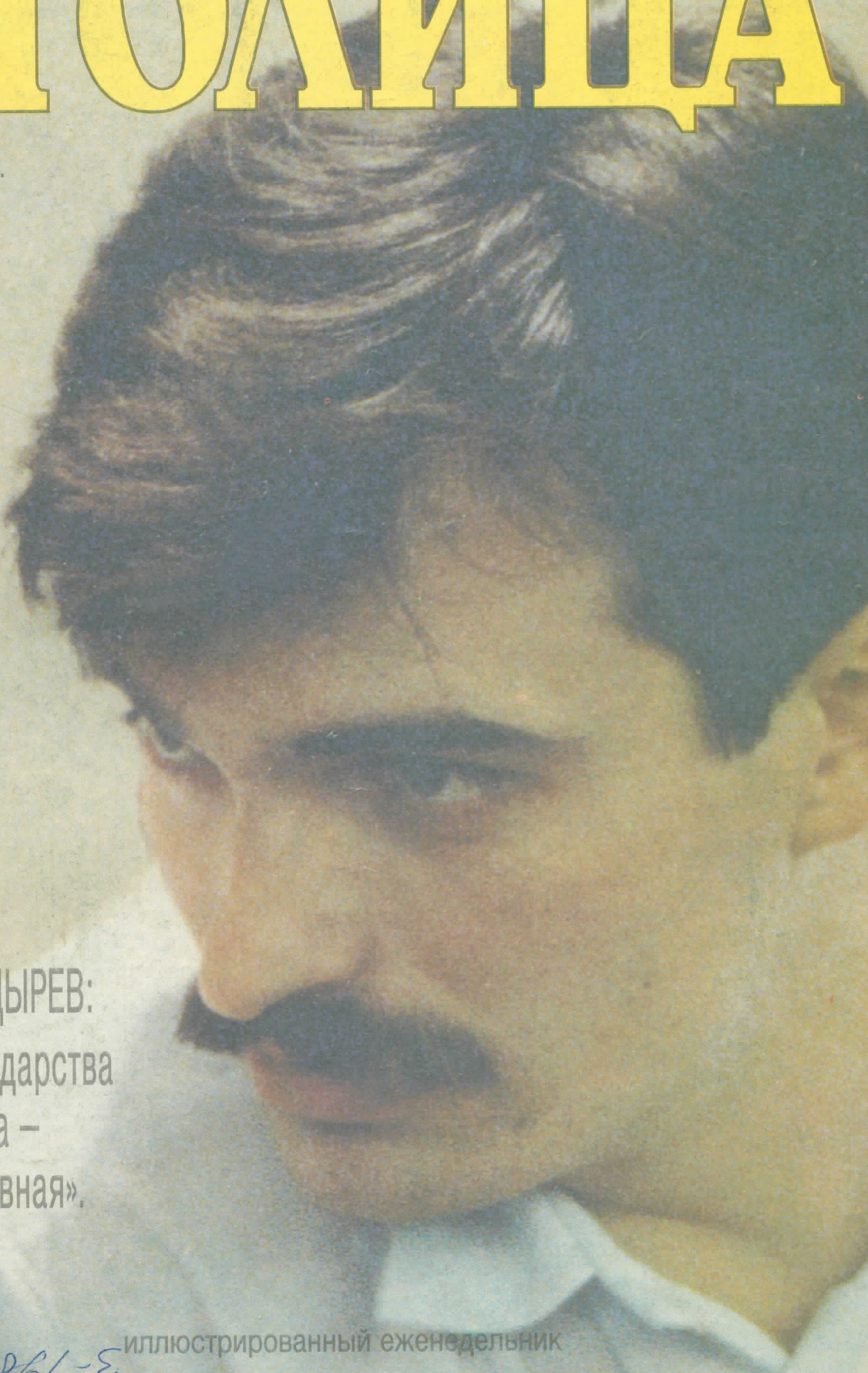

СТОЛИЦА

№20 (130) 1993г.

A close-up, black and white portrait of a man with dark, wavy hair and a mustache, looking downwards and to the left. He is wearing a light-colored collared shirt. The background is a plain, light color.

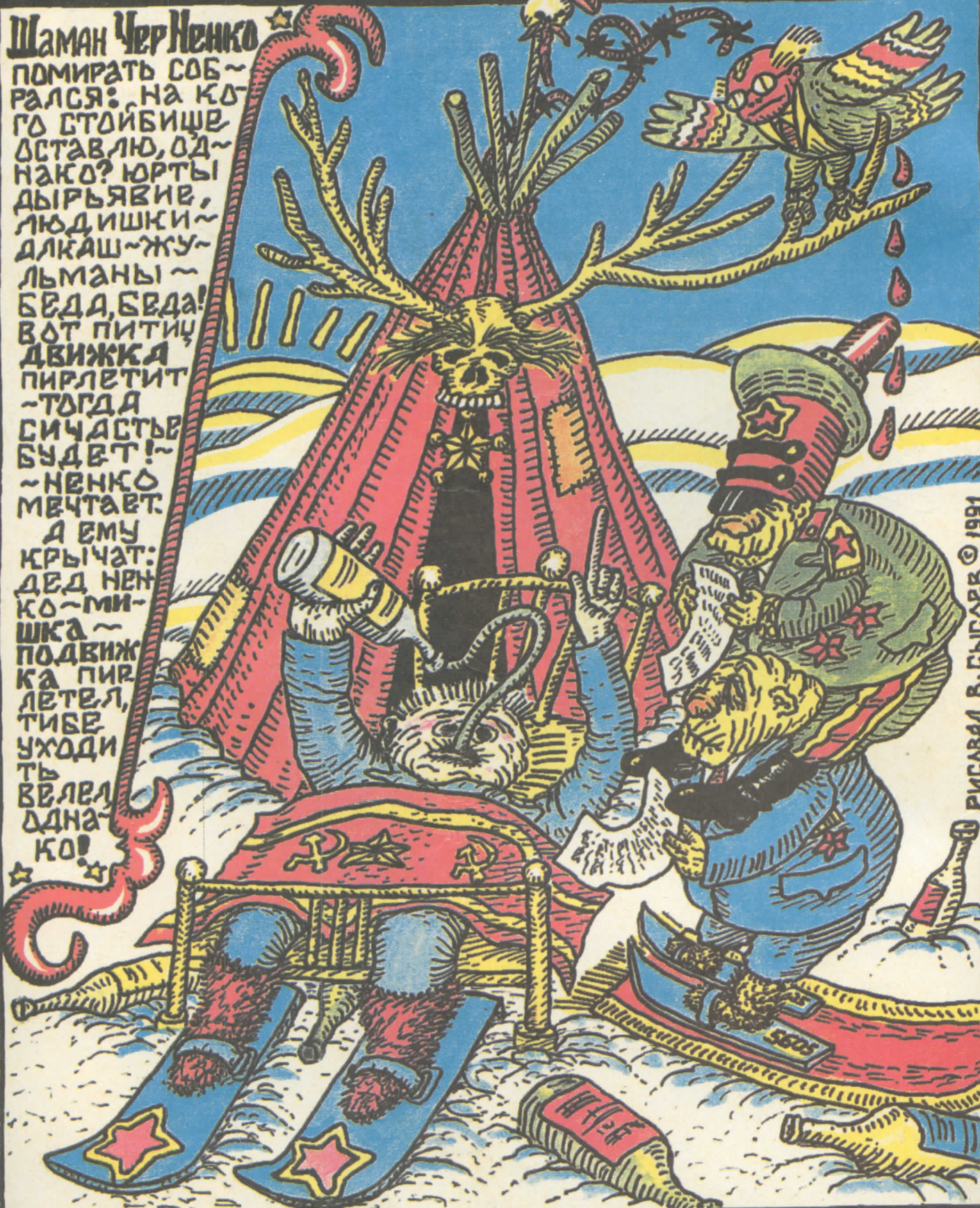
ЮРИЙ БОЛДЫРЕВ:
«Бичом государства
стала взятка —
скрытая и явная».

иллюстрированный еженедельник

861-Э
3-198

Как перестройка началась

Шаман Черненко
помирать соб-
рался: на ко-
го стойбище
оставлю, од-
нако? Юрты
дырьявые,
людишки-
дйкаш-жу-
льманы ~
беда, беда!
Вот птицу
движка
пирлетит
~ тогда
сичастье
будет! ~
~ ненко
мечтает.
А ему
крычат:
дед нен-
ко ~ ми-
шка ~
подвиж-
ка пир-
летел,
тибе
уходи-
ть велел
одна-
ко!

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ПОСЛЕ БАЛА

Уже накануне референдума, если кому-то приходила в голову глупая мысль: а что, собственно, будет после 25-го? — ему отвечали: будет 26-е число.

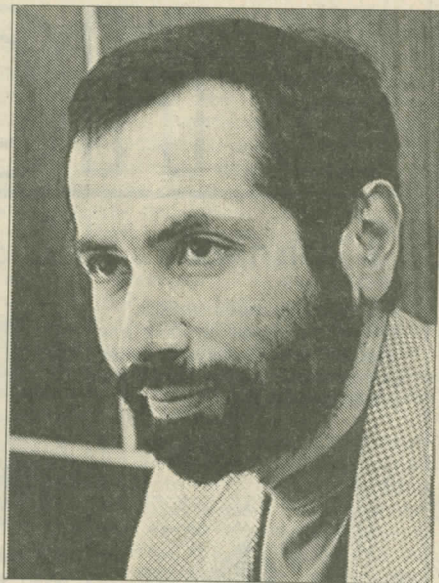

Фото В. Шишова

И вот оно наступило. Солнце греет, птицы спариваются, помидоры дешевеют, Невзоров ехидно ухмыляется, Геращенко, вопреки грозным словам Ельцина, разумеется, остался на месте, «День» выходит с чудовищных размеров шалкой «Ельцин проиграл референдум»... В общем, вроде ничего и не произошло, вроде никакого референдума и не было, жизнь продолжает свой бег на месте. Но ведь референдум все-таки был? И что-то же произошло и произойдет в результате?

Прогнозы попали в точку. «Молчаливое большинство», не размыкая губ, проголосовало за сохранение существующего беспорядка вещей, уклонилось от широко распахнутых потных «граблей» «непримиримой оппозиции», увернулось от слюнявых губ и масляных глаз командующих фронтом национального спасения. Со свойственной ему скромностью Хасбулатов сказал, что это «геббельсовско-полторанинская» пропаганда привела к такому неожиданному результату референдума. Не преуменьшая заслуг Полторанина и К⁰ (тем более что был в атакующей колонне бойцов и мой, с позволения сказать, штык), замечу, что куда больше вклад Хасбулатова. «Верный Руслан и его команда» — вот подлинный герои, вот кто определил итоги референдума. Так что хотя желание доброго «старшины Хаса» сделать рекламу своему приятелю Полторанину вполне понятно, но все-таки здесь уж смирение паче гордости... Впрочем — сочтемся славою, ведь мы свои же люди...

Итак, наступило 26-е. Куда ж нам плыть, где ж нам тонуть?

Ельцин твердо продолжает прожимать идею новой Конституции. Правильно понимая, что ВС и съезд ее не желают видеть как собственные поросшие мхом уши, а народ второй раз к избирательным участкам не вытаскишь (будь то выборы в Учредительное собрание, референдум по Конституции или избрание королевы красоты), он нашел технически вполне удобный ход. Субъекты Федерации (а точнее, субъекты, представляющие этих «субъ-

ектов Федерации») каким-то образом назначают участников «конституционного собрания», а оно и принимает Конституцию. Вся эта процедура юридически незаконна? Ну-с, пусть обсуждением данного вопроса и займется тоже не слишком-то легитимный «антипарламент» в «Белом доме» (благо больше ему все равно делать будет нечего), газетные борзописцы и историки. В любом случае, если субъекты соберутся и выскажут свое мнение, вопрос фактически будет решен. Съезд и Верховный Совет просто исчезнут — им негде будет протиснуться между плотно прижатыми друг к другу областями, краями и республиками в составе России.

Итак, хоть и неладно скроено, да крепко сшито — технически путь к принятию новой Конституции более или менее открыт. Другой вопрос — согласятся ли на это руководители областей, краев и республик...

Но мне бы сейчас не хотелось обсуждать этот увлекательный вопрос. Предположим, что все так и будет — назначат, изберут, соберут, примут... И что? 25-го был референдум. Что после 25-го? Мы уже знаем — настало 26-е. А что будет «на следующий день» после нового исторического события — принятия новой Конституции?

Боюсь, что опять же — ни-че-го. нас опять зовут тянуть со страшной силой фантик, который — сколько его потом ни разворачивай и ни крути — ничего особенного в себе не содержит. Тут опять «цель — ничто, движение — все». Увлекателен процесс борьбы «за это», и совсем не так интересно и важно разбирать потом, что же «это» такое. Была у нас Конституция 1936 года, была 1977-го... Жизнь шла сама по себе, и по этой реке тихо плыла и растрепанная книжечка с каким-то названием на размокшей обложке. Вроде «Конституция»? Вроде... А может, и что другое — не разберешь...

Легко сознаюсь в своем правовом нигилизме и дикости — но, извините, никак не могу поверить, что от перестановки слов в параграфах наша жизнь изменится (тем более что — еще раз повторяю — никто

толком и не будет знать, что и зачем там написано).

Наш простой, как народ, и мудрый, как Конституция, председатель Конституционного суда проф. Зорькин одно время стонал: ах, ах, Борис Николаевич! Что, что вы наделали! Вы имели шанс стать российским де Голлем, российским Аденауэром, российским Илюмжиновым, а стали... Ну, в общем, Борис, ты не прав!

Но вот что любопытно. Вообще-то председатель Конституционного суда немного бы потерял, если бы знал, что де Голль точно был президентом, а вот Аденауэр — вовсе даже нет! Канцлером был Аденауэр-то! Впрочем, видимо, с точки зрения Конституционного суда, это все — в одну цену. Раз-два, а дальше — много... Тоже верно — на черта нам все эти штучки: «канцлер», «президент», «далай-лама» или «мерседес-бенц»... Все одно — не порусски это.

Верно. И я готов с В.Д.Зорькиным, по сути дела, согласиться. Вон — у ФРГ одна Конституция, где президент так, для представительства, во Франции — совсем другая, а в Англии так и вовсе никакой даже Конституции нет. Что не мешает в одном случае президенту, в другом — канцлеру, а в третьем — миссис Тэтчер сыграть выдающуюся роль в обновлении своей страны. Так мы в России кого ищем: игрока или название? Пока, в основном, гоняемся за названиями — и преуспели в том немало. Вон сколько вице-президентов понаделали. Янаев — шаг к свободе, а Руцкой, пожалуй, — уже и прыжок к свободе...

Нет, не потому в честь де Голля площадь в Париже назвали, что он новую Конституцию «пробил». А потому, что был он национальным героем в годы войны и стал символом национального единства в 50-е годы и взял на себя мужество ликвидировать остатки Французской империи. И Конституция Пятой республики наполнилась живым содержанием именно из-за этого авторитета де Голля! И вовсе никакими великими открытиями в области конституций не зарекомендовали себя Аденауэр, Ф.Д.Рузвельт, ну а уж м-р Черчилль и м-с Тэтчер, которые тоже, гово-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Дудник, генерал-майор:
Нужны не новые законы для старой армии. Нужна новая российская армия для российского общества.

9

А.Колпаков:
«Идея покаяния — собственно, и есть идея веры, — заявил в 1987 году инициатор возрождения Храма Христа Спасителя протоиерей отец Георгий. — Можно о вере говорить, а можно веру ощущать. Но чтобы поднять идею, надо признать себя грешным».

12

М.Таратута:
«Сан-Франциско — это женщина, с которой у меня каждый день роман!»

16

2 ЭКОНОМИКА

А.Ефимова:
Мою знакомую сократили. На бирже труда сказали: «Дело для вас найдется. Поезжайте срочно по такому-то адресу». Приехала. «Да что вы, — удивились работодатели, — мы просили такелажников. А из ваших «интеллигентных» профессий люди нам нужны были месяца три назад, да и то искали не редактора, а бухгалтера...»

24

Е.Эрикссен:
«Недавно одному оперативному работнику угрожали угрожали, бомбу к входной двери привязали... Он рапорты все писал с просьбой о перемене места жительства... И сменили — домашний телефон».

27

3 ЖИЗНЬ

Н.Попов:
«Вы будете переводить на немецкий все документы эмигрантов из России за 50 марок в неделю. Минимальный срок контракта — три месяца, а там уж как понравится...»

32

К.Рыбак:
Давно замечено, что передовые достижения западной мысли (будь то кибернетика, рок-н-ролл или одноразовые стаканчики) на нашей почве внедряются не только с большим опозданием, но и как-то так... Шиворот-навыворот. То же и с мусоросжигательными заводами.

36

К.Климова:
Пьяненький Женька был совсем не страшен. На чердаке он сказал, что маньяк и быстро ее на куски разрежет, если Ксюха не разденется. Она была в таком шоке, что платье, надорванное им у ворота, сама до конца на себе порвала...»

44

4 КУЛЬТУРА

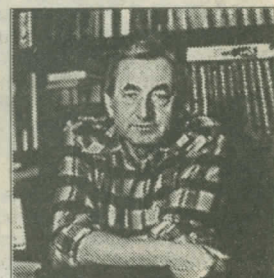
Ю.Гусман, директор Дома кино:
Я понимаю, что в этой стране хвалиться шоу, мюзиклами и концертами глупо. Но мои голливудско-бродвейские мозги хотят придумывать людям праздник.

52

А.Черкизов, генеральный директор РАИС:
Новизна демократической России в том, что государство пытается взять на себя миссию защиты прав человека, а авторское право — важный элемент этих прав.

56

С.Лунгин:

...Мы взяли всего по пятьдесят граммов и по кружечке. — Ну, давайте знакомиться, — сказал он. — Вика... — Сима, — сказала я.

59

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов
Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 14.05.1993 г.
Тираж 100 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Цыбульский, А.Пружинина, Л.Коновалова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 1164

ря, кое-что сделали для Англии, и вовсе бы очень удивились, если бы им предложили заняться конституционными реформами.

Да, первые декларации прав человека, декларации независимости в XVIII веке, в которых говорилось, что все люди рождаются равными и имеют право на счастье, свободу и собственность, были великими документами и сделали переворот в сознании людей. Но с тех пор эта новость успела подустареть. И сегодня недурно ее провозгласить в новой российской Конституции (хотя в Конституции и так больше хороших слов, чем бабуриных в Верховном Совете), недурно и свести к какой-то приличной форме все то безобразие, которое называется «российская Конституция с поправками». Но никакого разрешения политического, социального, экономического кризиса в России это не даст (если, конечно, не считать, что стоит убрать Хасбулатова и переизбрать депутатов, т.е. перетряхнуть котлов в мешке, — и «наступит комму... то есть, тьфу, черт! — капитализм»).

Это не хлеб. И это даже не зрелище, а если и зрелище, то очень жалкое, молью траченное. Ну примут новую Конституцию, ну проведут, по этой причине, мало кому нужные перевыборы... Шумно это, легко тут бороться и демонстрации устраивать и разгонять... Не то, господа, ну не то же! Не то...

Наверное, Конституция нужна. И наверняка нужна президентская республика. И, безусловно, мы уже отсмеялись над съездом, теперь пора надоевшую комедию снимать с кремлевской сцены. А уж их Райкин-Хасбулатов просто молчит: снимите же меня, мочи нет терпеть!.. Это все очень мило, очень верно — и очень поверхностно.

Нужна прежде всего не Конституция, не скальпы нардепов — а политика. Вот если бы эта четкая, жесткая политика действительно ударила об отсутствие Конституции — тогда, конечно, вопрос о Конституции был бы центральным. Но сегодня такой политики просто нет. И «борьба за Конституцию» также может заменить отсутствующую политическую идею и политическую волю, как чтение романа «Эмма-нуэль» может заменить любовь.

Что нужно от реальной политики?

Это общеизвестно. Финансовая стабилизация — на первое, второе, третье. Рубль-фантик должен быть ликвидирован, вместо него должна появиться изначально конвертированная валюта. Для финансовой стабилизации нужно жить по средствам — перестать держать заводы «на игле» денежного наркотика. Для этого нужно уметь противостоять промышленному лобби и, что много более сложно, быть готовым к появлению миллионов безработных. Ведь тогда будут уже не жалкие «ампилоиды» заниматься вольной борьбой с ОМОНОм, а могут получиться настоящие и очень даже страшные демонстрации. И надо быть готовым с ними бороться. И умом, и терпением, и силой. Скажем, наконец, прямо — до сих пор у нас происходит чудо. Идут реформы, а реальный уровень жизни упал не сильно. Конечно, это возможно и за счет совершенно нищенского уровня потребностей советского человека, который даже не по-

нимает, как плохо он жил всегда и живет сегодня, и за счет абсолютно шизофренической структуры производства. Производство было и осталось просто «производством пирамид», и, если оно сворачивается, это реально чувствуют, в основном, фараоны. Но без конца так продолжаться все равно не может. Реальная реформа и по людям ударит куда реальнее.

Структурная перестройка экономики — вот твердый орешек реальной политики. Его перекачивают от щеки до щеки президенты и премьеры, а ведь разгрызть все равно придется! Чтобы его разгрызть, нужна действительно твердая, авторитетная власть.

Но одной силы — силы полиции, противостоящей безработным, — здесь мало. Нужна широкая социальная поддержка. Настоящая поддержка, не брезгливое «ну, из двух зол, это все-таки...», а реальная заинтересованность миллионов именно в этой власти. Не в пустых ее обещаниях, не в трескотне, а в делах. Непобедима та власть, которая дала человеку две вещи: имущество и безопасность, а не только право «выбирать пепси».

Вот список трех реальных взаимосвязанных проблем, которые должна решать власть: финансовая стабилизация (ее оборотная сторона — структурная перестройка и безработица), приватизация, обуздание преступности. Власть, которая сдвинет с места эти проблемы, будет несокрушима. Власть, которая будет, стоя у подножия проблем, только обмахиваться бумажным веером с надписью «конституционная реформа», будет неизбежно сброшена — и скоро.

Обойти эти действительно трудные проблемы, скоротать время за очередной политической борьбой не удастся. Ельцин один раз решился на мужественный шаг — бросил на весы свободных цен свой авторитет в декабре 1991-го. Нужен второй, еще более трудный, но столь же необходимый поступок. Под реальные жизненные изменения народ скрепя сердце выписал кредит на референдуме — и всякая попытка власти обмануть кредитора, расплатиться политическими игрушками приведет лишь к краху власти.

Еще один важный момент, относящийся, скорее, к «надстройке». Веймарская республика в Германии погибла из-за массового психоза: немцы все не могли до конца понять, что вернуться назад нельзя, что германская империя уничтожена и уничтожена не «предателями», а объективной силой вещей. Сегодняшние идиотские «стоны о Союзе» грозят превратиться в наш национальный психоз, в миф о «предателемски разрушенном Союзе». Надо ясно, твердо, неустанно объяснять, что СССР давно сгнил изнутри, что «как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова» — Великая держава, Империя, что пахнут они так же скверно, как «коммунизм», от которого все давно нос воротят. То есть — позади ничего нет и бороться не за что.

В какой мере Ельцин окажется на высоте своей новой задачи? Сможет ли превратить политическую игру (ту же «битву за Конституцию») в масло, которым смазывается машина, реально движущаяся к нормальному обществу, но движущаяся по страшно разбитой российской дороге?

Или же будет продолжаться игра-ради-игры, с неизбежным превращением новых пигмеев в пигмалионов, когда, ради самоспасения режима, ему придется озвучивать, надувать, очеловечивать очередных ампиловых-прохановых-зюгановых, чтобы опять оказываться «наименьшим злом» на их прелестном фоне? (Причем такая «накачка врага» происходит даже бессознательно, почти автоматически, как почти бессознательно и вместе с тем гениально были «на заказ шиты» и «саморазвернулись» на 180° вислосудый Руцкой и «старина Хас», в тяжелой борьбе с чучелами которых власть и скоротала добрых полтора тяжелых года реформ, каждый раз засовывая в рот кричащему народу эти намазанные горчицей соски.)

Пока что, ретроспективно оценивая путь Ельцина в 1990—1993 годах, я считаю, что лидер был избран все-таки правильно. Он обеспечивал гражданский мир, имитируя некую «квазиуверенность» и «квазиактивность». В каком-то смысле он напоминает Кутузова, не реального, разумеется, а выдуманного Толстым: почти ничего не делает, но занимает место успокаивающего всех символа и не мешает ничему полезному. Такая фигура, конечно, самое лучшее из всего, что мы имели за последние 75 лет. Лидер с такими качествами хорош, когда надо просто давать (помогать, не мешать) жизни идти своим, естественным путем, давать реке самой намывать прибрежный ил. Дать исходный толчок, прорыв реформам и, чуть-чуть пошевеливая руль, не направлять движение, а лишь объезжать явные волчьи ямы, вместе с тем, симулируя активность, успокаивать тех, кто отчаянно верещит: ну почему же ничего не делается?! Штэ-э-э? — грозно спрашивает в ответ президент. Нет, неправда — вот делается то-то и то-то. И делается грозно-резкий жест... в воздухе. Нетерпеливые успокаиваются, а жизнь продолжает ползти своим путем и дальше.

Все это замечательно. Но именно сегодня этого мало. Нужны еще одно-два реальных действия, а не просто «символически-успокоительных» жеста, другое сильное волево движение сверху, которое бы двинуло новую «лавину с гор» — лавину частной собственности, лавину частных собственников. А потом — потом опять надо вернуться к «кутузовской» тактике — к имитации движений там, где надо лишь не мешать, не дать помешать. После того как муж «сделал свое дело» — он должен лишь улыбаться жене и аккуратно ее водить, чтобы кто-то не толкнул в живот. Больше он сделать ничего не может — только ждать, пока пройдет 9 месяцев. Это очень разумная, самая лучшая государственная политика в России. Вот только бы не забыть вначале «сделать дело»...

А в общем — жизнь продолжается. Еще один порожок перемахнули — и опять сравнительно мирно. Процесс идет. И не надо нервно сжимать руки: «ну чем же это кончится, в конце-то концов?!». Вам так хочется, чтобы... кончилось? Господи, да радуйтесь, что все продолжается и гадалка, пока, не сказала вам — когда и чем «все это» кончится лично для вас.

БАРОМЕТР НА «Б»

Почему не состоялся 9 мая столь широко анонсируемый «анпиловский прорыв» с цепями и бутылками с бензином? Версий много — от на шумевшего исчезновения самого «героя» Первоя до предположения, что коммунисты тривиально струсили, испугавшись мести омовцев за их погибшего товарища. С исчезновением — «похищением» Анпилова, думается, особых сложностей нет и не будет, несмотря на заведенное прокуратурой дело.

Лидеры большевиков всегда отличались умением исчезать именно тогда, когда это было им необходимо, появляясь в нужное им время и в нужном месте. Один, например, скрылся в Разливе после провала июльского путча 1917 года. Другой не менее успешно изображал из себя узника в Форосе, перед провалом путча в августе 1991 г. Почему бы третьему не сыграть в еще новую игру: похищение. По крайней мере хоть какое-то разнообразие. Даже среди сторонников Анпилова немного найдется тех, кто всерьез примет версию с «похищением». Ну нужен же был пристойный предлог для оправдания отсутствия «вождя» в тот день, когда мордобой не планировался!

Но все это чисто тактические мелочи. «Главный же штаб», к коему Анпилов имеет весьма отдаленное отношение, просчитывает более серьезные вещи. В том числе и то, нужны ли вообще столкновения в данный момент. 9-го они были не нужны — грань, за которой начинается уже гражданская война, оппозиция переходить пока не хочет. 1 мая вполне успешно прошла «генеральная репетиция» — цели достигнуты: страна взбудоражена, манифестация в День Победы прошла под антиельцинскими лозунгами и собрала немало народа. Пусть большая часть их и хотела лишь отметить праздник, но бабурины и стерлиговы теперь могут воспрянуть духом: взят реванш за поражение на референдуме. Оппозиция одним ударом вернула то, что было потеряла, — внимание публики.

Самой сомнительной в данной ситуации выглядит позиция одного из силовых министров — МБР. Декларациям чекистов, что после путча они, мол, лишились возможности вести «работу» в политических организациях, ведать не ведают ни о каких экстремистах-боевиках, поверит разве наивный. Как работали, так и продолжают, как вели наблюдения, так и ведут. И если чуть ли не половина «Памяти» состояла и состоит в агентах Лубянки, то уж и на боевиков Анпилова

время нашлось. Если уж журналист в состоянии случайно попасть на «сверхсекретное» рабочее заседание ФНС, где практически в открытую обсуждаются проблемы вооруженной борьбы, то что уж разводить руками профессионалам? Вот и выходит, что у президента одна политика, а у его чекистов — другая.

По поведению агента «Николая», как по барометру, можно неплохо определять прогноз политической погоды: сей нардеп отсутствует в передовых рядах именно тогда, когда проламывают головы или бьют морды. А вот тогда, когда он у всех на виду, можно с уверенностью сказать: сегодня мордобой не планируется. Так было и 1-го (когда Бабурин не «светился»), и 9-го — когда он не слезал с «броневика». Практически точно так же ведет себя и другой чекистский кадр — генерал Стерлигов: блистает мундиром и выправкой лишь там и тогда, где и когда нет опасности схлопотать по фуражке.

В общем, разделение труда: одни появляются, когда руки почесать охота, другие — когда языки. Вот почему Анпилов 9-го был не нужен — один лишь его вид мог привести в боевой задор публику, недомахававшую бульжником первого числа.

Конечно, лидеры оппозиции не настолько наивны, чтобы всерьез рассчитывать свалить Ельцина такими вот уличными гулянками. Но для нагнетания обстановки, для поддержания морально-боевого духа после референдума, для тренировки застоявшихся боевиков — сгодится. И для прощупывания силовых возможностей президента. Оппозиция вполне достаточно было и того, что она лишней раз убедилась в неорганизованности и нерешительности властей, в неспособности президента на энергичные действия (он и среагировал-то через три дня!). А значит, оппозиция убедилась и в том, что президентскую активность можно надежно глушить «старым казачьим способом».

Владимир ВОРОНОВ

ПРАЗДНИК МНОГОПАРТИЙНОСТИ

К пятилетию партии Демократический Союз

9 мая узкая политологическая общественность России должна была бы отмечать День многопартийности. Именно в этот день пять лет назад было провозглашено создание первой за годы коммунистической диктатуры оппозиционной партии — Демократический союз (ДС).

На прошедшем 9 мая 1988 года первом съезде ДС была принята программа, в которой партия выступала против монополии КПСС, за насильственное изменение тоталитарного строя СССР, многопартийную систему, за разделение властей и ликвидацию советов, за организацию независимого профсоюзного движения, за возможность проведения кампании гражданского неповиновения и всеобщей политической стачки, за роспуск КГБ и обеспечение полной независимости органов юстиции и МВД от партноменклатуры, за создание профессиональной армии без политорганов, за введение альтернативной воинской службы, за демилитаризацию страны и отказ от внешнеполитической экспансии, за вывод войск с чужих территорий, отказ от поддержки диктаторских режимов и признание интервенции в Афганистане преступной, за преодоление раскола Европы и роспуск Варшавского блока, за ликвидацию СССР, отмену паспортной системы, за введение частной собственности, в том числе на землю, за изменение государственной символики. Ну-ка, кто скажет, что события в стране развивались не по начертанному ДС сценарию?

Кроме того, без таких программных положений не обошлась впоследствии ни одна новая партия демократической направленности. А некоторые более поздние разработки ДС, например, о праве народа на вооруженное сопротивление диктатуре, были даже воплощены демократами в августе 1991 года при защите «Белого дома».

Но все-таки с ужасом, на-

верное, смотрят сейчас отцы-основатели ДС на дело рук своих. Право на митинги и демонстрации они выстрадали, но этим правом пользуются агрессивные толпы красно-коричневых. Развал империи превратился в хаос, угрожающий то там, то здесь вылиться в полномасштабную гражданскую войну. Правом на свободное слово некоторые издатели так изнасиловали читателя, что кажется, лучше бы уж и не было его, этого слова.

А сколько партийных лидеров вышло из Демсоюза! (не партия, а просто питомник многопартийной системы). Консерватор Л.Убожко, либералы В.Жириновский и В.Богачев (ЛДПСС — Европейская либерально-демократическая партия), транснациональная радикалка и либертарианка Е.Дебрянская и много кто еще.

Именно на ДС только что созданный ОМОН отрабатывал тактику борьбы с «уличными беспорядками». Только тогда против невооруженной кучки смельчаков, выкрикивавших свои лозунги в укромном углу одной из площадей, он действовал на редкость смело и решительно, не демонстрируя той робости, что увидели мы 1 мая этого года.

Но трудности, увы, не только закаляют. Став в 1991 году свидетелем воплощения в жизнь многих своих идей, ДС, представлявший собой гремучую смесь самых невероятных антикоммунистических платформ, начал при активной помощи агенты КГБ (об этом уже появились признания) распадаться. В результате из двух с половиной тысяч членов в ДС осталось едва ли человек двести пятьдесят. Из имевшихся 30 партийных изданий выходят крайне нерегулярно лишь несколько. И хотя предпринимаются отчаянные попытки трансформировать старые структуры в Демократический союз России, в успех не очень-то верится.

Так что в такой ситуации наиболее уместным представляется завершить этот юбилейный панегирик именно словами прощания. Спи спокойно, дорогой товарищ! Люди, еще вчера стоявшие у кормила КПСС, обещают довести твоё дело до полного конца. Ну и что? А ничего. ДС умер. Да здравствует ДС!

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

Юрий Болдырев:

«ОБА ХУЖЕ!»

Наш собеседник — бывший Главный государственный инспектор России Юрий Юрьевич Болдырев был народным депутатом СССР от Ленинграда. Родился в 1960 году, русский. Окончил два института — Ленинградский электротехнический имени В.И.Ульянова-Ленина и Ленинградский финансово-экономический имени Н.А.Вознесенского. С 1989 года — член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления. В марте 1992 года указом президента назначен Главным государственным инспектором-начальником Контрольного управления администрации президента РФ. В марте 1993 года освобожден от занимаемой должности «в связи с ее упразднением».

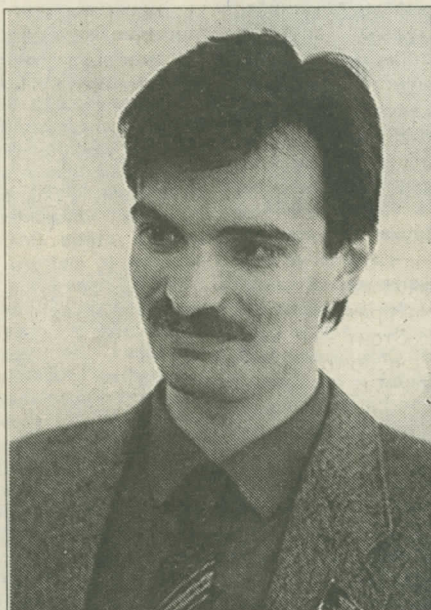

Фото РИА—Новости

Говорить нужно не о проникновении коррупции в государственный аппарат, а о полном произволе чиновника по отношению к гражданину.

Называть имена и какие-то конкретные цифры сейчас у меня нет желания. В конце концов все эти данные имеются и у президента, и у правоохранительных органов. Когда я был государственным инспектором, мое ведомство неоднократно предлагало целый пакет конкретных мер по борьбе с коррупцией. Но все словно уходило в песок...

Отечественное чиновничество словно выпустили на волю из клетки. Бичом всего государства стала взятка — скрытая и явная. Правительство просто-напросто закрыло на все глаза: паситесь, мол, дорогие, кормитесь... Отцы города, скажем, могут запросто любое здание взять и передать тому, кому захотят, причем по остаточной балансовой стоимости, которая порой в десятки тысяч ниже рыночной. Формально закон вроде и не нарушен, но это же идеальная поч-

ва для злоупотреблений! Или регистрация предприятий — да любой предприниматель назовет вам таксы взятки за те или иные действия чиновников. У чиновников есть право заключать сделки с конкретными фирмами — нашими и зарубежными, в том числе в сфере внешнеэкономической деятельности по сырьевым ресурсам. И здесь права и обязанности чиновника никак не регламентированы. Не предъявляются никакие требования к тому, как заключать договор, как выбирать партнера, как определять цену на товар, ввозимый сюда и вывозимый за рубеж. Поэтому сплошь и рядом в ходе проверок мы сталкивались с тем, что главы администраций и другие должностные лица подписывали договора с зарубежными фирмами на крайне невыгодных для нас условиях — а привлечь их к ответственности практически невозможно. Выяснилось, что огромная часть государственного имущества и государственных средств оказалась прямо или косвенно вложенной в коммерческие структуры либо общественные ор-

ганизации. У государства сегодня нет ни прав, ни возможности контролировать использование этих средств.

Складывается впечатление, что иные действия президента объясняются тем, что, потеряв поддержку определенных слоев населения, он вынужден опереться на чиновничество. А оно просто уже шантажирует его, вынуждая закрывать глаза на определенного рода свои действия в обмен на политическую поддержку. Хотя на Руси всегда существовала древняя традиция самокормления чиновников, следует четко понять: если вы пускаете чиновников на вольные хлеба, то вы ими больше не управляете и вас терпят ровно постольку и до тех пор, поскольку и пока вы им разрешите кормиться. Чем дольше это продолжается, тем больше им нужно. И как только вы попытаетесь сделать хоть один шаг в сторону ограничения их appetитов — вас просто уберут.

— Существует ли хоть какая-то возможность навести элементарный порядок?

— Боюсь, что доказать взятки просто невозможно. А другой юридической основы для признания сделок незаконными нет. В ряде случаев приватизация недвижимости вроде бы даже и по закону проведена. Но все это резко повышает опасность «черного передела», который вполне возможен. У людей назревают вполне обоснованные недовольство и справедливый гнев, которые могут привести к бунту, к тому, что маятник снова качнется — но не в 85-й год, а в 53-й, а то и в 37-й.

— Можно ли предположить, что в будущем примут законы, позволяющие вернуть не слишком законно нахапанное имущество тем, кто имеет на него моральное право, — государству, частному лицу, организации? Или закон не имеет обратной силы и будет возможен только «черный передел»?

— Это очень важный вопрос. Еще в 1990—1991 годах вносились предложения о сроке давности ответственности по преступлениям, связанным с приватизацией. Итог — это, мол, никому не нужно, противоречит, мол, либеральной идее, все первичные капиталы создаются таким образом! Но это же не либеральная, а псевдолиберальная идея, реализуемая почему-то именно у нас, в самом грубом и вульгарном варианте.

Государство просто-напросто отказалось от своей ответственности перед гражданами.

— Есть ли шанс, что, усилив свою власть, президент решительно возьмется за чиновничество и попытается навести порядок?

Когда президент в своих высту-

плениях обещает решительно бороться с коррупцией, у меня возникает вопрос: почему он не предпринимал эти меры, которые, кстати, ему и предлагались, раньше — когда он имел предоставленные ему съездом полномочия?

— В чем вы видите корни и причины сегодняшнего политического кризиса? Все ли дело в противостоянии двух ветвей власти, в попытке ползучего номенклатурного реванша?

— В ситуации, когда власть оказалась ограничено дееспособной, ей нужен враг, которого можно показать людям и сказать: «Вот кто мешает нам работать!» В качестве такого жупела еще в феврале—марте 1992 года и была предложена концепция номенклатурного реванша. С сожалением надо констатировать, что эта игра нашла отклик у части населения. Хочу подчеркнуть, что не считаю какую-либо из двух сторон, президент или парламент, лучше. Но каждой стороне в этом конфликте, хорошо понимающей, что на будущих выборах ни те ни другие на верху не окажутся, нужно заставить население выбирать из двух зол. И сейчас им это удается. Инициатором в данном случае является президент, потому что его рейтинг выше, чем рейтинг парламента.

По существу, спор переносится из политической сферы в уголовную.

Возникает вопрос: а зачем это было нужно? Ситуацию пытаются представить так, будто честный и искренний президент, давно пытающийся бороться с коррупцией, давно хотел навести порядок, но ему в этом мешает парламент, вот он не выдержал и объявил, что обращается к народу за поддержкой. Я еще раз подчеркиваю, что парламент не лучше президента! В сегодняшней ситуации нас искусно ставят перед необходимостью выбирать из двух, лично для меня, равно несимпатичных сторон. А я бы хотел, чтобы большинство граждан эту наживку не глотало и исходило бы не из принципа выбора наименьшего зла, а выбрало бы то, что они на самом деле хотят.

В последнее время вся политическая борьба идет между двумя жестко радикальными флангами. Одни говорят, что приватизацию надо проводить только так, как ее проводит Госкомимущество, а другие — что приватизацию проводить вообще нельзя, к тому же это, мол, разворовывание государства, в принципе. А где они, нормальные силы, которые говорят: нет, приватизацию проводить надо, но по-умному?! Ведь ни одно государство не позволяет себе проводить приватизацию так, как это делаем мы!

Нам необходима нормальная оппозиция. Такая оппозиция давно должна была сформироваться, и она сей-

час формируется. Другое дело, что в результате последних действий президента ее формирование затруднится. Раз, мол, президента обидели, то мы все должны его поддержать... Но на самом деле совсем сейчас не та ситуация, когда «обидели» президента.

Вспомним опять время после августа 1991 года. Формирование исполнительных структур шло на моих глазах. Президент тогда не раз заявлял, что распустит съезд. Когда в марте 1992 года я пришел на этот пост, ко мне неоднократно обращались с жалобами руководители советов: главы администрации наотрез отказываются в предоставлении элементарной документации, которую они просто обязаны предоставлять! Период между летом 1991 года и летом 1992 года был временем, когда законодательная власть абсолютно игнорировала исполнительную. Тезисы о грядущем роспуске съезда в карикатурном виде повторялись в регионах. Наиболее «хорошими» для президента оказались те главы администраций, которые поддержали этот конфликт.

Стоит ли удивляться тому, что конфронтация зашла так далеко? Только ли по вине какой-то «нехорошей» партokratии, которая засела в советах? Те, кто заинтересованы в сохранении демократии, должны быть заинтересованы в поддержании баланса сил — чтобы ни одна из этих сил не взяла верх. Сейчас же, к великому сожалению, нас ставят на грань гражданской войны. Я еще очень боюсь и того, что разные регионы поведут себя по-разному.

Кому это выгодно? — только противоборствующим силам, которые понимают, что они себя дискредитировали за время своего правления и после следующих выборов могут уйти в небытие. Их задача — вовлечь в конфликт все население. Пока они это успешно осуществляют. Очень жаль, что значительная часть интеллигенции дала вовлечь себя в это. Даже журналисты сконцентрировались на крайних флангах, а спор между флангами не показателен, как это выглядит со стороны, а просто бессмыслен. Именно между этими крайностями и лежит та сфера, в которой должны принимать решения ответственные политики.

— Но где эти политики?

— Отвечу вам вопросом: а где тот социальный слой, из которого эти политики могли бы выйти?

В 1989 году существовало пусть и социалистическое, но все-таки общество. С трудовыми коллективами — первичными ячейками, которые все же играли определенную положительную роль. Они, например, выступали и за правовое государство, и за

иные, вполне прогрессивные, преобразования. Не ударив палец о палец для возникновения других граждански ответственных слоев общества, правительство приложило зато массу усилий, чтобы эти первичные ячейки разрушить. Сохранились лишь те, которые теперь используются сугубо в политических целях — некоторые шахтерские коллективы, скажем.

— Кто же конкретно несет ответственность за все это?

— В этой ситуации каждый хорош. Но в данный момент ответственность за то, что страна поставлена на грань гражданской войны и полного развала, а я именно так оцениваю ситуацию, — вот за это я безусловно возлагаю полную ответственность на президента.

Нашей глубочайшей ошибкой была вера в то, что нашей главной задачей является первичное скорейшее накопление капитала. Но мы же живем не в Заире! Это ведь не спор между демократами и реакционерами, а спор между политиками ответственными и безответственными. Упрекать в безнравственности в данном случае можно только тех, кто принял на себя ответственность. А ответственность приняли на себя политики, парламентарии и чиновники.

Говорю я это для того, чтобы не осталось иллюзий у людей, чтобы они не шли на крайности сами и не посылали детей на бой с плохим парламентом за хорошего президента или наоборот. Почему, ну почему всегда надо выбирать именно между этим и тем?! Нормальный человек всегда должен быть прежде всего за себя! Эта «их» склока имеет отношение к их личным планам на будущее, а не к тому, чтобы содействовать улучшению жизни, предположим, моей жены!

— Но мы стоим именно перед этим выбором, и ничего иного в реальности нам не дано. Так победа какой из сторон даст нам возможность лучше реализовать собственные, а не их интересы?

— Не знаю. Я не думаю, что в случае победы парламента все реформы тут же будут свернуты и наступит светлое коммунистическое завтра. Я далек от того, чтобы всерьез считать, что все партokratы, как один, стремятся вернуться в 1985 год. Наиболее дееспособные из них давно работают либо в сфере управления (как в представительной, так и в исполнительной ветвях власти), либо в бизнесе. И при этом я совсем не могу упрекнуть многих бывших партokratов в том, что они работают хуже нынешних демократов. Да и в злоупотреблении служебным положением все они хороши и плохи в равной степени. Люди, выступающие с громкими заявлениями, хотя просто сплотить насе-

ление для своей собственной поддержки, и больше ничего. Вот для этого и нужен враг, для этого и нужно искусственное нагнетание напряженности. Если бы Ельцин был председателем парламента, а Хасбулатов — президентом, то я вполне допускаю, что было бы зеркальное отражение сегодняшней ситуации. А средства массовой информации с жаром доказывали бы, что только парламентская республика для России единственно возможна. Не знаю, как бы вели себя и вы, являясь формально вторым лицом в государстве, а реально — третьим...

Предположим, победит парламент. Имеет для вас, для гражданина, принципиальное значение то, какой курс объявлен — либеральный или протекционистский, — если вы знаете, что ваш товарищ-предприниматель в обоих случаях идет давать взятку и должен получать личную протекцию? Какая вам разница?

Но все это удается разыгрывать как борьбу между либералами-демократами и консерваторами-коммунистами. А Запад, который вообще не имеет представления, что здесь происходит, готов в это поверить. И от ужаса перед коммунистами они, так и хочется сказать — наивные, — готовы поддерживать любого, который говорит: если не я, то коммунисты.

— Но в этом есть определенный резон — ведь вокруг Ельцина сплотились слои и люди действительно демократической ориентации, в то время как за его оппонентами стоят далеко не самые привлекательные силы...

— Пусть так. Но предположим, Ельцин победил, кого же он выберет следующим врагом? Или вы думаете, что на этом поиски врагов прекратятся? Это принципиальный вопрос!

Я уже говорил, что люди из ближай-

шего окружения президента делились со мной мыслями о том, как нужно внедрить в сознание людей идею номенклатурного реванша еще в феврале 1992 года! Это далеко не случайная, а сознательно продуманная и основательно «раскрученная» идея...

— Позвольте задать вопрос в связи с расследованием, начавшимся после известного выступления вице-президента. Почему ваше ведомство в прошлом году уделяло столь пристальное внимание проблеме коррупции в армии, в частности в Западной группе войск (ЗГВ)?

— Это было поручение президента. По результатам проверки ЗГВ еще 16 ноября 1992 года я сделал личный доклад Борису Николаевичу, а потом направил ему уже подробную справку. А масштабы коррупции в ЗГВ были просто огромны — это не только разбазаривание имущества и хищения. Нами было предложено возбудить дело против командующего группой войск генерала М.Бурлакова и разжаловать пятерых генералов.

Знаю, что потом президент дал поручение вице-президенту А.Рущокому окончательно разобраться и передал ему наши материалы. А еще позже они были направлены в прокуратуру. Меня это очень удивило, ведь поручение нами уже было выполнено, и было непонятно, в чем там еще нужно разбираться! Может быть, и нужно, теперь ясно, что нужно, но больше о тех материалах я ничего не слышал.

Контрольное управление по статусу не имело права заниматься расследованием коррупции в Вооруженных Силах, поэтому несколько раз мы обратились к Ельцину с предложением создать вневедомственную инспекцию по делам Вооруженных Сил, подчиненную непосредственно ему, президенту. Но идея создания такой струк-

туры, независимой от Министерства обороны, была отвергнута.

Получается, что финансовая и хозяйственная деятельность армии находится вне контроля со стороны исполнительных структур государства.

— Какой может быть выход из создавшегося положения?

— Я не склонен агитировать граждан, как им поступать. Каждый гражданин должен действовать так, как считает нужным. Для меня, тоже как для гражданина, но, ко всему, имеющего опыт работы в высших эшелонах власти и возможность раз в неделю общаться с президентом, очевидно: и та и другая сторона защищает НЕ МОИ интерес!

Проблема нашего общества — наведение элементарного порядка. Но социально-активного слоя, осознающего это как свой интерес, я не вижу.

Суждения Юрия Юрьевича Болдырева, человека информированного и оригинального, о причинах коррупции в России кажутся нам любопытными. Хотя позиции у нас в оценке ситуации разные. Юрий Юрьевич, оказавшись в отставке, декларирует свою независимость от бьющихся за власть и ждет прихода «третьей силы». Мы, признавая массу недостатков за президентской командой и правительством реформ, считаем, что следует отдать им предпочтение перед безумным депутатским корпусом. И именно от того, как поведет себя проводящая реформы исполнительная власть и те, кто поддерживает эти реформы, зависит, какой будет третья сила, которая несомненно придет на смену нынешним участникам политических батальев.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

ДОХОДЫ И ВАМ, И ВАШИМ ВНУКАМ!

Крупнейший чековый инвестиционный фонд «МММ»-ИНВЕСТ, имеющий лицензию Государственного банка России, предлагает АКЦИИ «МММ»-ИНВЕСТ ЗА РУБЕЖИ ИЛИ ВАУЧЕРЫ.

ФОРМИРУЕМЫЙ УСТАВНЫЙ КАПИТАЛ ФОНДА — 2 МИЛЛИАРДА РУБЛЕЙ

Один приватизационный чек обменивается на 10 акций номинальной стоимостью 1000 рублей каждая.

«МММ»-ИНВЕСТ вкладывает средства в перспективные высокоприбыльные приватизированные предприятия нефтегазодобывающей, нефтехимической, электронной, пищевой промышленности, в предприятия по добыче драгоценных металлов, производства средств связи и др.

АКЦИИ «МММ»-ИНВЕСТ СДЕЛАЮТ ВАС СОБЛАДЕЛЬЦЕМ ПРИВАТИЗИРОВАННОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИИ!

Акции «МММ»-ИНВЕСТ приобретаются как частными, так и юридическими лицами по следующим адресам:

Хрущевский пер., д. 1/14а. Метро «Кропоткинская» (рядом).

С 9.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья. Варшавское шоссе, д. 26. Метро «Нагатинская» (рядом).

С 9.00 до 19.30 (с понедельника по пятницу); с 9.00 до 18.00 (в субботу).

Выходной день — воскресенье. Пл. Революции, д. 2 (музей В.И. Ленина, 3-й этаж). Метро «Пл. Революции» (рядом).

С 9.30 до 17.00, кроме воскресенья и понедельника. По этим же адресам вы можете ознакомиться с проспектом эмиссии акций «МММ»-ИНВЕСТ.

Тел./факс: 111-31-22; 202-49-06

Владимир ДУДНИК, генерал-майор
(Движение «Военные за демократию»)

НОВЫЙ ПУТЧ? ТОЛЬКО НЕ АРМИЯ!

В царящей сегодня в России всеобщей экономической, политической и социальной нестабильности самыми важными становятся именно те политические силы и социальные группы, которые смогут безоговорочно, в кратчайшее время отобилизовавшись, стать решающим фактором борьбы. Причем направленность их действий будет зависеть от желаний их патронов, а это в свою очередь — от поведения оппонентов: или сохранять, или менять существующую ситуацию. Важно при этом иметь в виду, что, по недавним опросам общественного мнения, 44% россиян все-таки поддерживают идею сильной власти, а 35% против. Кроме того, крайне незначительное число людей доверяют съезду, многие поддержали бы его роспуск. Недавний референдум еще раз все это подтвердил.

Очевидно, что большинство наблюдателей среди этих самых решающих факторов в первую очередь называют армию, способную своим участием (или неучастием) обеспечить нужный результат. Вот только кому обеспечить-то? Это главная российская загадка! Однако серьезным анализом состояния армии России в посткоммунистическое время мало кто занимается. Все только пугают ею друг друга. Какую же позицию займет армия?

Российскую армию многие называют источником опасности для современного общества. Вместе с тем часто говорится, что ее состояние далеко от высокой боеготовности. Что из этого правда? И то и другое!

Россия сегодня — самая милитаризованная страна не только в СНГ, но и в мире. Если какое-то другое суверенное государство, например Белоруссия, имеет примерно по одной дивизии на область, это вовсе не означает, что она более милитаризована, чем Российская Федерация, где дивизий (с учетом осколков групп войск и округов, оставшихся за формальными границами РФ) все-таки меньше, чем областей и равных им территориальных образований. К тому же никто, в том числе в Верховном Совете и правительстве, не знает точно, сколько имеется совершенно засекреченных боевых формирований в подчинении таких закрытых организаций, как Главное разведывательное управление Генерального штаба, и подобных.

С другой стороны, реально созданы и уже выступают на авансцену российской истории штурмовые отряды реакции (боевые группы целого ряда национал-патриотических и коммунистических организаций, часть казаков и т.п.). Не стоит переоценивать и прочность личной позиции министра обороны — его заявления о верности президенту.

Нынешнее насыщение России, особенно МВО, войсками подтверждает опасения тех, кто считает, что вооруженные силы потенциальных путчистов

могут быть организованы и сосредоточены незаметно для властей, против которых они направлены.

Это усугубляется тем, что серьезного анализа и оценки участия войск в августовском путче так ведь и не было сделано. Армии просто выдана периодически подтверждаемая «индальгенция» за август 1991-го.

К тому же войска, оставшиеся на территории бывших республик СССР без определенного статуса, все более приобретают черты оккупационных войск. Армия болезненно переживает ущемление своих прав во многих вновь образованных суверенных государствах. Оставаясь многонациональной, она имеет мононациональное — славянское (украинцы и русские) — командование, вот ее и отождествляют с русскоязычным населением. А поскольку оно в этих государствах ущемлено, то это и определяет вектор поведения армии там. К тому же вооруженные силы федеративного государства продолжают строиться на принципах унитаризма.

Так или иначе российская армия оказывается вовлеченной в локальные военные конфликты и внутри, и за пределами границ, и вот ведь что характерно: всюду на выручку линейным частям все чаще привлекаются воздушно-десантные войска, приобретающие все признаки жандармских формирований.

Такая армия вряд ли способна к серьезным боевым действиям. Армейские части, собранные на основе всеобщей воинской повинности, состоят из

Рис. В. Сысоева

новобранцев — не по срокам службы, а по уровню боевой выучки. Тяжелые потери, понесенные в первые часы и дни войны в Северной Осетии, подтвердили: армия не готова к ведению даже локальных боевых действий. А именно такие боевые действия в мире, насыщенном сверхоружием, являются основным, если не единственно приемлемым, способом предупреждения крупномасштабной внешней агрессии.

Состояние войск по многим компонентам боевой готовности, как показали некоторые парламентские проверки, никак нельзя признать удовлетворительным. Вряд ли в таком состоянии они способны вести длительные стратегические операции.

Это можно сказать почти обо всех видах и родах войск. Скажем, выучка летного состава ВВС находится в критическом состоянии, а технический уровень воздушных судов специалисты оценивают как аварийный.

Флот находится в основном у стенок, мастерство экипажей катастрофически падает. В доковом ремонте, по самым скромным подсчетам, нуждается не менее 40 процентов плавсредств, особенно подводных лодок.

А стратегические силы вообще превратились просто-напросто в объект политических спекуляций.

Раньше у армии оружие захватывали единицами, теперь целыми складами, а в заложники берут генералов и их семьи, целые подразделения военнослужащих. Армия, которая позволяет это делать, уже не грозная боевая сила. Некогда «непобедимая и легендарная» промотала свою силу и славу между митингами и хозработами, «показушными» учениями и, увы, реальными вторжениями в чужие пределы.

Теперьшнее ее участие в кавказской кампании чревато тем, что в дополнение к афганскому в ее рядах появится еще и «кавказский» синдром.

Многие надеялись, что новый этап развития бывшей Советской Армии будет связан с именами совершенно новых ее руководителей. Однако в самом ли деле они действуют и думают по-новому?

В общественном мнении крепнет убежденность в слабой управляемости сферой обороны: руководитель правительства военной области не касается, роль Совета Безопасности в этих вопросах никому не ясна, а частая смена начальников Генерального штаба в течение одного последнего года, завершившаяся назначением на этот ключевой пост недостаточно опытного и малоавторитетного в войсках генерала, пагубно сказалась на чисто профессиональном уровне оперативно-руководства Вооруженных Сил.

Авторитет министра обороны и Гене-

рального штаба в армии и народе непозволительно низок. Объяснение этому есть очень простое. Многие ключевые посты заняты, мягко говоря, морально небезупречными людьми, с которых не сняты подозрения и публичные обвинения в поддержке ГКЧП.

Консервативное большинство аппарата Министерства обороны не желает никаких перемен, вцепившись в кресла и ведя борьбу лишь за собственное благополучие. Указы президента России и постановления правительства саботируются армейским руководством на всех уровнях. Для него, как показал «круглый стол» «Армия. Общество. Государство», проведенный Институтом социологии Российской академии наук, ни научное обоснование, ни социологическое сопровождение, ни рекомендации независимых экспертов, ни мнение налогоплательщиков — ничто не важно. А законодательных, парламентских механизмов, влияющих на решения военных, нет. Решающее слово принадлежит все тем же генералам, которые и довели армию до теперешнего позорного, иначе не скажешь, состояния. Материальные злоупотребления командования Балтийского флота и многих должностных лиц Ракетных войск стратегического назначения, Дальневосточного военного округа, войск, дислоцированных в Германии, преданы гласности. Командующий авиацией ПВО генерал-полковник В.И.Андреев с трудом отбивается от предложений перебросить по воздуху, за солидную мзду, «левые» грузы и безуспешно пресекает бартер своих подчиненных.

Проще говоря, многие военные руководители оказались замешанными в самой заурядной спекуляции — техникой, вооружениями и войсковыми запасами.

Полная апатия не только Министерства обороны и Генерального штаба, но, что важнее, и военной прокуратуры, лишь формально объявленной независимой от военно-административных органов, в этих условиях красноречиво свидетельствует о моральном уровне и гражданском самочувствии сегодняшней армии.

К тому же на поведение армии в очень сильной степени влияет политическая борьба, которая идет в России. И, как ни странно, — это одно из катастрофических последствий непродуманного разгрома политорганов, проведенного единоначальниками руками бывшего народного депутата СССР майора В.Лопатина. В итоге так называемой демократизации и департизации армии ее односторонняя партийная ориентация как была, так и осталась, а степень политизации даже, пожалуй, возросла. Демократически настроенных офицеров изгоняют из армии. Пропаганда коммунистических убеждений ведется открыто. Типичен разговор группы офице-

ров в связи с итогами выборов в Литве: «Наши уже победили в Литве. Время демократов истекает и в Москве».

Однако это, кроме всего прочего, — свидетельство неспособности значительной части офицерского корпуса жить без политических «поводырей», самостоятельно оценивать эволюцию партий, движений и их лидеров. В армии разрушена существовавшая система политического информирования, она не замещена позитивным политическим просвещением. Армия, оставшаяся без духовных ценностей, сколь бы призрачными они ни являлись, ненадежна и опасна.

Сегодня в армии отсутствуют даже элементы демократических институтов. Ведь не считать же общественной жизнью офицерские собрания, которые после их директивного «усовершенствования» в соответствии с министерской моделью стали не более чем ширмой командирского всевластия.

Да и формулировки принципа единоначалия и понимание сущности приказа (приказ начальника — закон для подчиненного, приказ выполняется беспрекословно, точно и в срок) остались прежними. Положение безнадежное, так как парламент заблокировал возможность юридического определения противоправности приказа. К чему это может приводить, свидетельствует трагедия лейтенанта российской армии Лукина, выполнившего приказ о применении оружия при охране склада в Азербайджане.

Армия, и в первую очередь ее верхушка, не присягала своему новому государству и новой власти и всячески этому противится (присягают-де раз в жизни). С точки зрения морально-юридической ничто не сдерживает ее от конфронтации (что уже имеет место) и выступлений против правительства.

Трагедия российской армии в том, что если за последние годы наше общество приобрело неустойчивые пока, урезанные и негарантированные свободы, то солдат не приобрел ничего. Вот и вызрело существовавшее и раньше, но неразличимое во мраке всеобщей несвободы противоречие между относительной свободой общества и полной несвободой солдата в нем. Армия (во всех своих группах и слоях) ответила пока просто неповиновением, которое, однако, приобрело все признаки стойкого социального явления. Самовольное присвоение себе свободы — это анархизм, путь к развалу армии и распаду государства.

Военнослужащие остаются социально незащитными. Вместо принятия развернутой программы социальной защиты создаются бесправные штабные комитеты по социальной защите военнослужащих, президентом проводится

периодический превентивный подкуп офицерского состава в виде доплат к денежному содержанию, которые обесцениваются прежде, чем офицеры успевают их получить.

Российская армия не имеет до сих пор военной доктрины и идеологической, духовной, моральной концепции. Как публично признал нынешний начальник Генштаба, Михаил Колесников, то и другое не может быть сформулировано без «образа врага». Кого изберет в качестве «врага» нынешний генералитет, решительно не желающий иметь ничего общего с «демократами, развалившими страну»?

Среди всех категорий оказались растворены бывшие профессиональные политработники. Значительная их часть сохраняет догматическую верность коммунистическим доктринам и идеям СССР, а другая находится в скрытой оппозиции к режиму, который не оправдал их ожиданий, всех без разбора военных причислив к консервативным силам.

Но довольно нагнетать! Важно подумать, кого же поддержит армия в этой кризисной ситуации: «правых» или «левых», «демократов» или «коммунистов», «западников» или «державников»? Скорее всего, она выступит на стороне тех сил, в руках которых, по ее, армейской, оценке, окажутся реальные рычаги власти, сил, которые проявят готовность улучшить на несколько порядков сразу материальное и социальное положение армии, которые ощутимо шагнут в сторону морально-нравственной реабилитации униженной армии и к укреплению державы.

У кого сегодня есть такие программы? Печально, но, судя по всему, у нынешних властей их нет.

В теперешнем своем состоянии наша армия опасна и для самой себя и несет потенциальную угрозу нынешней государственности. Но и выхода у этой армии пока нет. Ибо в армии давно сформировалось и остается неразрушимым противоречие между естественными правами и свободами личности и их неконституционным отчуждением. Принятие недавно закона «О статусе военнослужащих» это противоречие не разрешает, а лишь прикрывает декларативными статьями.

Нужны не новые законы для старой армии. Нужна новая российская армия для нового российского общества.

Московский
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

**ВСЕ
ГАЗЕТЫ
РОССИИ В
ОДНОЙ**

Индекс в
подписном
каталоге
32114
(стра-
ница 40).
Цена
подписки
390 руб.

**...лучшие статьи и самые
интересные новости из 200
газет России читайте в
еженедельнике
«Московский Обозреватель»**

**ГОСПОДА!
У ВАС ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИДАТЬ
СВОЕМУ
ОФИСУ НЕПОВТОРИМЫЙ СТИЛЬ И
АТМОСФЕРУ
ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЕЮ!**

**По Вашему заказу мы изготовим
и установим в Вашем офисе**

- жалюзи вертикальные из ткани и венецианские жалюзи различных цветов с известной во всем мире

торговой маркой

- подвесные потолки из окрашенного алюминиевого профиля широкой гаммы расцветок.

Luxalon®

Наши изделия изготавливаются

**ПО ТЕХНОЛОГИИ, ИЗ МАТЕРИАЛА, НА
ОБОРУДОВАНИИ
ФИРМЫ «ХАНТЕР ДАГЛАС ЮРОП Б.В.» (НИДЕРЛАНДЫ)
НЕОБХОДИМОГО ВАМ РАЗМЕРА.**

Мы ждем Ваших заказов по телефону: 289-80-74.

Московское предприятие
по производству
конструкций
и изделий из алюминия

**Александр
КОЛПАКОВ**

ХРАМ ХРИСТА СП...

...Мчатся бесы рой за роем...
А.С.Пушкин. Бесы

**Святое место:
храм, которого
не стало**

«...Опять затанцевала, загорелась и завертелась огнями Москва и опять по-прежнему шаркало движение механических экипажей и над шапкой Храма Христа висел, как на ниточке, лунный серп...». Так зачаровывал читателей в «Роковых яйцах» Михаил Булгаков. Когда он это писал, до 5 декабря 1931 года, дня взрыва Храма Христа Спасителя, оставалось не так уж много времени.

Взрывали шесть раз. После первого сотрясения рухнул только один пилон. Халтура, а не взрыв. Решили добавить динамита. Но храм опять выстоял. Третий взрыв, кроме того что обрушил подкупольный барабан, еще свалил высоченный забор и сорвал с ближайших домов кровли. «Задрали-таки подол толстозадой бабке, то-то хозяин обрадуется!», — мрачно хмыкнул Каганович, наблюдая за взрывами в бинокль с Боровицкого холма.

Было все это после долгих лет борьбы за спасение святыни. А называть храм так были основания. В ноябре 1917 года там состоялось изб-

рание Патриарха Тихона, а позже совершено Соборное моление обо всех убитых в дни октябрьского переворота. В 1918 году при храме было создано «Московское братство Храма Христа Спасителя», для того чтобы «хранить и защищать Храм Христа Спасителя, как стяг объединения православного народа». В союзе с научной общественностью Братство и подняло вопрос о признании храма памятником искусства и старины. Однако 24 сентября 1918 года на заседании коллегии по делам музеев Нар-

компроса большинством голосов было решено: «Храм Христа Спасителя не представляет значительного памятника зодчества... и подлежит ведению и охране коллегии по делам музеев».

«Правда» и «Известия» 20-х годов публиковали из номера «требования народа» построить Дворец Советов, чтоб «выше неба». А Храм Христа, и дух, который он воплощал, и сами радители стали помехой для строителей. Вот на очередном собрании Братства присутствующим и намекнули, чтоб не высовывались. Иначе ждет их Сибирь и свежие ветры Беломорья. А для пущей убедительности указали на пример архитектора Барановского, защищавшего в свое время храм Василия Блаженного, а теперь «отдыхающего» на Соловках...

Завершалась первая ударная пятiletка.

Вот тогда и рванули.

**Ренессанс и отмщение,
или
Община, которой нет**

«Идея покаяния — собственно, и есть идея веры, — заявил в 1987 году инициатор возрождения Храма Христа Спасителя протоиерей отец Георгий (Юрий Николаевич Докукин). — Можно о вере говорить, а можно веру ощущать. Но чтобы поднять идею, надо

признать себя грешным».

Вскоре вокруг священника стали собираться православные, и у них возникла мысль создать Общину. Но сознание большинства людей, запутанного коммунистическими бреднями, вращалось скорее вокруг «русской идеи», чем вокруг идеи о покаянии и строительстве Храма Христа.

Вот те, кого обуревала «русская идея», и решили заняться отстройкой заново народной святыни. Появилась необходимость зарегистрировать Общину. Отец Георгий, правда, колебался, понимал, что любое его усилие, вышедшее из-под контроля Патриархии, может закончиться отстранением от служения — государственное око в лице уполномоченного по делам религии не дремало. И все же он дерзнул и вместе со скульптором Владимиром Мокроусовым развернул кампанию по сбору подписей в поддержку будущего храма. В короткий срок их было собрано более пятнадцати тысяч. Посчитав, что этого достаточно, инициаторы отправились регистрировать Общину в Ленинский исполком Москвы. Там сочувственно покивали и... не зарегистрировали. Храма-то нет, откуда же Община-то может взяться?

**Фонд
и
Братство**

Шел, между тем, 1989 год. В верхах продолжались перетасовки, а внизу жаждали перемен.

Незарегистрированная, но существующая Община Храма Христа Спасителя по-прежнему искала поддержки. А она вдруг почему-то пришла со стороны «Литературной России». Желание «строить Храм сообща» вылилось в идею создать при газете Фонд Храма Христа Спасителя и организовать православный вечер в кинотеатре «Россия». Вечер этот получился для тех времен по-своему замечательным.

Организован он был с подачи Егора Лигачева. Подтянулись основные патриотические силы. Ведущим вызвался быть Владимир Солоухин, который впоследствии «оказался» председателем Фонда восстановления Храма Христа Спасителя. «Друзья! — сказал Солоухин, — мы собрались сегодня, чтобы положить начало восстановлению попорченной и поруганной чести русского народа... Возрождение Храма Христа Спасителя — дело чести каждого из нас, дело чести государства, если оно хочет называться народным...» Дальше выступал композитор Свиридов, писатель Крупин, наконец, Шафаревич... А вот до отца Ге-

оргия очередь все как-то не доходи-
ла, хотя именно он по программе и
должен был открывать вечер.

Странное дело, лишь только в од-
ном месте собирается больше трех
«патриотов», сразу начинаются выяс-
нения, кто более русский, за что
именно он более других любим Оте-
чеством? Так случилось и на том ве-
чере. Лишь только отец Георгий дви-
нулся к трибуне, «литроссовцы» обя-
вили перерыв. Однако отец Георгий
(ох уж эти энтузиасты!) призвал всех,
кто любит Россию, не в буфет за фан-
той идти, а остаться и покаяться в пре-
ступлениях. «Кайтесь все! — сказал
отец Георгий залу. — Я сам страшный
грешник и вот каюсь... Но главное я
скажу, чтобы построить истинный
Храм Христа, мы должны любить друг
друга, как любил всех Господь Иисус
Христос. Если в нас будет такая лю-
бовь, то мы победим. Так что покаем-
ся... Прости нас, Господи!»

Речи такие писателям не понра-
вились. «Литроссовцы» вырубали свет,
отключали микрофон, захлопывали
слова отца Георгия. Зал грозно кри-
чал: «Попа не тронь!», а актер Ножкин
кричал: «Поп Галон!» Подговорили да-
же полковника Александра Руцкого,
тогда еще только формирующегося
политического деятеля, скинуть «по-
па» со сцены. Но Герою Советского
Союза преградили путь актеры духов-
ного театра «Глас». Одним словом —
чистый шабаш! И тем не менее отец
Георгий нашел с залом контакт: люди
стали подходить под благословение,

А это год 1993...

Храм Христа Спасителя
Год 1912

Фото В.Шишова

просили их простить... Но вот с «Лите-
ратурной Россией» и с Фондом отно-
шения так и не сложились. При этом
обнаружились потери — часть Об-
щины приняла сторону «литроссов-
цев». Вместе с ними примкнул к «Лит-
россии» и Владимир Мокроусов.

Собрав оставшихся соратников,
отец Георгий в 1991 году ступил, так
сказать, на тропу войны — зарегис-
трировал теперь уже Братство Храма
Христа Спасителя.

Банк, опять Община и «Гермес»-храм

Идею необходимо защищать не только духовно, особенно в период «пятiletки перехода к рынку». Зарегистрировавшись, Братство Храма Христа Спасителя решило организовать свой Банк. Мысль о церковной десятине, которая бы шла в Банк от фирм и частных лиц, осенила отца Георгия на августовских баррикадах. Не будучи, как в конце концов оказалось, сторонником демократии, он все же «отработал» три дня и три ночи у стен «Белого дома», почти это за христианский долг. Демократическое правительство такой подвиг священника не забыло, пожаловало его медалью «За оборону Бэ.дэ».

С открытием Банка Храма Христа Спасителя Братство вроде бы к цели подвинулось поближе. Но тут выяснилось, что, как говорит отец Георгий, «и бесы не дремали». Президент банка Валерий Балакирев, приведший свои две фирмы «Интербизнес» и «Кибербанк» в качестве учредителей, по словам отца Георгия, наобещал горы золотые, а на самом деле лелеял мечту просто... продать Банк Храма Христа. Но тайное становится явным. Собрание пайщиков, куда подключилось много новых членов, отстранило Балакирева от должности президента, а на его пост назначило самого отца Георгия. Кажется, это и сгубило — нет, не отца Георгия, а дело. Валерий Балакирев бросился под крыло «Литроссии». Та приняла беженца как родного и тут же ответила залпом сердитых статей: «Заштатный священник, или молодой банкир», «С целью захвата», «Банкир на промысле» и т.д. В одной из статей на священника по старой памяти прямо-таки откровенно стучали: «Этот и другие факты (сбор средств) войдут в материалы, готовящиеся по данной группе для отправки в прокуратуру».

Однако «дело шить» на отца Георгия не удалось. Растущий же капитал банка по-прежнему тревожил организованый при горячем участии литроссовцев конкурирующий фонд восстановления Храма Христа Спасителя. Фонд владел к тому времени 60 млн. рублей, 50 из которых подкинул нефтяной магнат «Гермеса» Валерий Неверов. Он подробно разъяснил в «Правде», как будет давать деньги: по такой схеме (нефтяные контракты, акции и т.д.), чтобы через два года превратить 50 миллионов в 300—500. «К сделанному пожертвованию меня привела настоящая внутренняя потребность», — сказал Неверов. В самом деле: что, пожертвование на храм хуже для рекламы, чем, скажем,

проведение фестиваля на Красной площади?

Дальнейшее бряцание сторон доспехами привело к тому, что шум стал слышен в президентских палатах. В июле 1992 года Ельцин издал указ о создании «Фонда возрождения Москвы», где в перечне первоочередных объектов строительства и реконструкции Храм Христа Спасителя, как и положено, стоял на первом месте.

Ну, тут уж и Патриархии неудобно стало не откликнуться, хотя до этого она не сумела определить четкую партийную позицию и взирала на тягбу Братства и Фонда с равнодушным любопытством. Занятые проблемой выживания в сложных переходных условиях, церковные иерархи посчитали необременительным для себя разрешить регистрацию Общины Храма Христа Спасителя, вернее, той ее части, что кучковалась вокруг Фонда. Проявив инициативу, Патриархия уже официально должна была нести на своих плечах идею возрождения храма.

А Братство в то время выпрашивало у Моссовета отвода земли под строительство храма. Моссовет бы и пошел на встречу, если бы Братство поддержала Патриархия. Вот отец Георгий и обратился с письмом к Святейшему Патриарху, но ответа не получил. На совете Братства письменное обращение решили повторить. Потом еще раз...

Горько и тягостно сделалось отцу Георгию: его яростные православные замыслы «в три дня построить храм» оказались на поверку наивными и пустыми, как комсомольский энтузиазм. В недавней своей беседе он поведал, что собирается распустить Братство, передать уставной капитал Банка православной церкви и заняться любимым своим детищем — духовным театром «Глас». Но если, конечно, призовут Божьи трубы, он готов снова пойти и «строить» Храм.

Разные старушки

А что же литроссовский Фонд, спросите вы? В телефонной беседе бывший его председатель Владимир Солухин из переделкинской глубинки сообщил: «С председательского поста я ушел, ну сколько можно? Мы бились как рыба об лед, мучались куда жертвовать деньги, а правительство, как мой отец говаривал, не шьет, не порет». «Пустили бы деньги в оборот, — посоветовали мы, — может, хоть на мраморную колонну бы хватило?» «Да что вы, — отозвался великий писатель, — анафемское это дело, мы по этому вопросу с сопредседателем Рыбасом и разошлись, как

же их пускать в оборот — ведь деньги Божьи, их вон в метро старушки по рублю собирают... Лучше б взяли себе на батон, право, время-то сейчас какое...»

А вот нынешний председатель Общины Храма Христа Спасителя скульптор Владимир Мокроусов выдал нам более оптимистическую информацию: «Работы продолжают, имеется благословение от Патриарха. А вообще-то уже стоит закладной камень, отлит бронзовый крест, на месте будущей часовни Державной Божьей Матери две зимы подряд читается Акафист. Одним словом, идет... собрание духа. Но главное — в распоряжение Общины как юридического лица поступило 6,7 га земли. Так что теперь есть где развернуться».

Сопредседатель Общины писатель Святослав Рыбас, в ответ на предложение, что нынешнее поколение российских людей будет жить «при Храме Христа Спасителя», протянул: «Что вы, разве только небольшую часовню осилим...»

Да и это — вряд ли. Ведь до сих пор даже нет единого мнения по поводу архитектурного облика восстановленного храма. Будет ли это копия прежнего или же все-таки другой храм — памятник о былом величественном соборе? Есть даже предложение воздвигнуть на прежнем месте только каркас — символ.

Деньги же, которые собирают «на храм» в метро и переходах пять бригад, по-прежнему идут в фонд Общины, существующей под контролем Патриархии. В бригадах таких работают пожилые женщины, это, как сообщил сведущий информатор, для благообразия. На «подземные пожертвования» планируется установить часовню «Державной Божьей Матери». Руководит же Общиной отец Владимир (Ригин), назначенный Патриархией.

В общем, теперь есть все: Община и Фонд, Братство, Банк «Гермес» и Патриарх, демократия и Моссовет, бассейн Москва и указ президента.

Вот только храма как не было, так и нет!

А может быть, уже и не нужно?

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ФАЛЬШИВ, НО ДОВЕРЧИВ

Передо мной интервью с известным бардом и политиком А. ЛУКЬЯНОВЫМ в 11-м номере «Столицы». Действительно, Лукьянов не считает себя ни смешным, ни «бывшим», более того, через весь лукьяновский текст проходит мысль шекспировского короля Лира: я не так перед другими грешен, как другие передо мной! И фальшь... фальшь типичного соопартработника. Происхождение этой фальши понятно: 70 лет у нас все делалось для вида. Это стало образом жизни.

«Что характерно для этой страны? — спрашивает Лукьянов и отвечает: — Глубоко вросший в сознание народа коллективизм». Да полно, ей-богу! Я всю жизнь проработал в бригадах (коллективах — по Лукьянову), теплоэнергетических, речных, сплавных. И всегда и я и мои товарищи чувствовали себя одиночками, чьей-то волей сведенными в группу людей всего лишь для того, чтобы удобнее и проще было управлять ими. Коллективная ответственность? Миф! Очередная фальшь! Напился работник, товарищ по бригаде, прогулял, никому и в голову не приходило перевоспитывать его, да еще коллективно, потому что каждый знал: завтра это же случится со мной. Кто гарантирован? Коллектив по-советски — это группа людей, занятая более-менее общим делом, и не более того. «Противостоящий индивидуализму»? Да ни в коем случае. Любому из нас было категорически наплевать на успехи звена, бригады, цеха. Экипажи сплавных катеров и плавучих кранов всеми правдами и неправдами старались заполнить рабоченку поприбыльнее и полегче, обскакать в этом других. Если один плавучий кран-топьякоподъемник уплывал куда-нибудь «за горизонт», подальше с глаз, — мы все прекрасно знали, что крановщик с помощником или не успели протрезветь к началу работы, или с утра пораньше раздобыли самогон и, чтобы спокойно употребить его, не делясь с начальством (оно охотно выпьет с тобой тут же в рабочее время, но не исключено, завтра тебе же объявит выговор в приказе — «за пьянку в рабочее время»), плывут подальше от начальственных «бдительных» глаз.

«Патернализм! — вещает далее Анатолий Иванович. — Гордость гражданина за свою державу!» Патернализм?! Завтра что есть? Да ничего подобного. Лицемерие! Болтовня! Выдать во время спецовку, если она есть на складе, — единственная забота, которую мы ощущали. А остальное горбом, ручками, вдесятером! Вдесятером делать работу, которую, будь она чуть-чуть механизирована, может делать один. Но ведь механизацию какую-никакую надо уста-

навливать, организовывать, внедрять... а зачем? Куда проще послать десятых — сделает то же и без хлопот. «Гордость?!» А чем гордиться-то? Гигантскими просторами державы? Разве что. А если ближе, конкретнее? Вырубленными лесами? Загаженными реками? Когда четверть века назад я приехал сюда, мы стерлядей на Вычегде руками брали. Запутывались, бывало, рыбины между бревен плотов — подходи и бери. А сейчас? Худая плотва и подлещики. Вымерла рыба. Еще бы, дно у Вычегды сплошь деревянное от затонувшего за десятки лет леса.

«Самая большая моя (то есть Лукьянова) ошибка — не удалось уберечь Союз от развала». Ну не успел Анатолий Иванович! Как говорил Остап Бендер: «У меня просто не было времени». Да и доверчив, оказывается, ох доверчив... «Вот доверилась ему, паразиту...» — плачется девушка, поглаживая пухнувший живот. Так и Анатолий Иванович: доверился антихристу — Горбачеву, — и вот что получилось. И не понять экспликеру, не понять никогда причины всех его бед не в развале старой системы, а в ее изначальной порочности и алогизме. В какой «Америке», в каком стеклянном доме жили эти руководители от мала до велика, что до сих пор не ощущают чудовищного диссонанса между своими словами и действительностью? Чему подтверждение — последний прошедший съезд.

Респ. Коми,
пос. Жешарт

Р.БЫЗОВ

«ВЫ ДРАЛИСЬ ЗА СВОБОДУ... ЕШЬТЕ ЕЕ...»

Не могу постичь, почему мы называем Киргизию — Кыргызстан, а Францию, скажем, Францией, а не Франс, как следовало бы по логике. То же и с Парижем, в подлинном названии которого буква «ж» отсутствует. Ну и так далее, географических имен, которые мы произносим на русский лад, — великое множество. Однако для обретших независимость бывших советских республик мы почему-то делаем исключение. Если мы по-прежнему будем называть Башкортостан привычно — Башкирией, что, от этого пострадает национальная гордость башкир? Сомневаюсь. Никакая я не шовинистка, для меня вообще все люди делятся только на две категории — на хороших и на плохих. И, наверное, не одна я так думаю. Но государственные умы не без помощи национальной интеллигенции судят иначе.

Ну ладно, отделилась Прибалтика, хотя из трех республик только Литва имела свою государственность задолго до восемнадцатого года, когда советская власть — никто другой — дала им

независимость. Но, уважая национальные чувства наших бывших братьев, я все-таки не устою горестно изумляться той стойкой неприязни, близкой к откровенной ненависти, которую жители прибалтийских государств питают к России. И когда читаю или слышу о трудностях, переживаемых сегодня суверенными республиками, вспоминаю вполне «шовинистические» слова киплинговской Багирь: «Вы дрались за свободу, и она ваша. Ешьте ее, о волки!»

После Беловежской пуши мне очень хотелось всем нашим свежим президентам послать по экземпляру «Слова о полку Игореве», чтобы напомнить им кое-какие исторические факты, поскольку экономическая разруха ничуть не менее губительна, чем половцы в давние времена. Но в книжных магазинах нашего города не оказалось ни одного экземпляра этого замечательного произведения.

Курск

В.БУБНОВА

НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ — РАБОТАЙ С ПРЕЗИДЕНТОМ

Решил обратиться к Александру Владимировичу Руцкому через журнал «Столица». Хочу сказать, что меня возмущает позиция вице-президента. Возмущает, конечно, не то, что он не согласен с Ельциным по вопросу о реформах. Иная точка зрения — его право. Возмущает, что, имея свой взгляд, абсолютно противоположный президентскому, Руцкой до сих пор сидит в кресле вице-президента. Это просто непорядочно. Скажите, в какой стране мира, кроме нашей, вице-президент может позволить себе такое?

Есть прекрасная поговорка на сей счет: «Назвался груздем — полезай в кузов». Иными словами: работаешь с президентом — будь с ним в одной связке.

Москва

Е.КУЛИКОВ

Михаил ТАРАТУТА:

«САН-ФРАНЦИСКО— ЭТО ЖЕНЩИНА, с которой у меня каждый день роман!»

Это интервью я сделал для моей мамы. Она очень любит Михаила Таратуту. Может быть, я даже ограничился бы тем, что дал маме послушать эту запись, и — все, если бы не мысль о том, что она (моя мама) вовсе не одинока в своей любви к этому тележурналисту. Отнюдь. Русские женщины способны на сильное платоническое чувство. Конечно, мой собеседник — не Луис Альберто, ни по внешности, ни по роду занятий, ни по популярности, но все-таки...

Очутившись по случаю в Сан-Франциско, от нечего делать я листал пухлую телефонную книгу, проглядывая столбцы безнадежно нерусских фамилий. И вдруг — редкая удача: мистер Таратута. Вспомнил о маминых привязанностях. Звоню, говорю по-английски: «Здравствуйте, это мистер Таратута?» — «Да». — «Вы говорите по-русски?» — «Конечно, а вы?» — «С трудом...» Договорились об интервью. Без этого предисловия оно не было бы интересным.

— Кто ваши родители?

— Мама никогда не жила с отцом. Он был следователем и умер, когда мне было 10 лет. Отчим был директором Большого зала консерватории. Мама работала в кино на административных должностях.

— У вас достаточно редкая фамилия. А писательница Евгения Таратута ваша родственница?

— Меня всегда спрашивают об этом. Горбачев тоже спросил во время нашего знакомства, когда он недавно приезжал читать лекции в Сан-Франциско. Но он вряд ли знает Евгению Таратуту и поэтому спросил, не родственник ли мне бывший секретарь винницкого обкома.

— Он что, действительно до сих пор помнит фамилии всех этих секретарей?!

— Когда я учился в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза, моя фамилия всегда гарантировала мне пятерку по марксистским дисциплинам, потому что все преподаватели зациклились не только на классиках, но и на номенклатуре. Поэтому я не возражал, когда получал пятерки как родственник винницкого

члена ЦК.

— С чего начались ваши географические путешествия?

— На четвертом курсе меня призвали в армию. Но получилось так, что мы вроде бы и не служили, а воевали. Нас переправили в Египет, где шла война. Когда вернулись из Египта, оказалось, что нам придется служить второй раз и уже по-настоящему. Так я еще два года своей жизни отдал Бангладеш. Это очень страшное место, тяжелое для жизни. Но любой опыт полезен... После армии я стал думать, что мне делать...

— Как вы стали журналистом?

— Я попал на иновещание, работал сначала в отделе вещания на Англию, потом, когда образовалась Всемирная служба, работал там, в отделе вещания на США. Весь путь, все ступеньки, какие существуют, от младшего редактора, я прошел. И в 1988-м (я был тогда замзавом американского отдела) я понял, что со мной что-то должно произойти... Я не мог там больше работать!

— И тогда вы «открыли Америку»?

— Обстоятельства сложились так,

что я попал сюда, поскольку никто не хотел ехать — не думали, что в Сан-Франциско когда-нибудь откроется корпункт, и не верили, что этим вообще стоит заниматься. Меня «обменяли» на сотрудника «Голоса Америки»: американцы не давали мне визу до тех пор, пока наши не дали ему... Все наши «зубры», державшие в своих руках корпункты, чередуясь, сменяли друг друга. Нью-Йоркский корпункт был малоактивен, молчал, а Владимир Павлович Дунаев, работавший в Вашингтоне, скончался через две недели после того, как я приехал. Мне позвонили и сказали: «Занимайся телевидением». Самое ужасное, что до этого я никогда не занимался телевидением и уже здесь начал изучать все это, работая с американским оператором...

— **«Первый блин» был комом?**

— Никогда не забуду свой первый монтаж. Я не только не умел монтировать, я даже не знал, что это такое. Мы сидим в студии, и монтажер спрашивает: «Что сэр хочет?» А «сэр» понятия не имеет, чего он хочет, и краснеет, представляя себе, что американец думает: «Ну неужели у такой огромной страны не нашлось никого попрофессиональней?» С другой стороны, может быть, и хорошо, что у меня не было школы «Останкино». Есть стереотипы, которые очень трудно преодолеваются. Конечно, наше телевидение оказало на меня как на зрителя большое влияние. Но я учился другой стилистике, другим методам работы. Поэтому, я думаю, получился какой-то гибрид.

— **Вы хотите, чтобы ваша новая передача, «Америка с Михаилом Таратуйой», вписывалась в контекст отечественного телевидения?**

— Я надеюсь на это.

— **Вы начали работать в 1988 году и на своем опыте, наверное, смогли заметить, как изменяется или полностью исчезает идеологическое руководство. Сейчас вы ощущаете давление «сверху»?**

— Нет, нет!

— **И давно у вас появилась творческая свобода?**

— С первого дня моего приезда я не ощущал никакого давления. Может быть, один или два случая были, но это одиозная ситуация, связанная с ГКЧП. Так получилось, что мне доверяли. Конечно, «резали», конечно, я злился, звонил, скандалил: «Как это вы могли?! Кто это мог позволить?!» и т.п. Но это обычные редакторские дела.

— **Может быть, вы единственный человек, проскользнувший «между пальцами» начальства?**

— Тут много факторов, которые нужно учитывать, но главное то, что в последние 4—5 лет никого, в сущно-

сти, не интересовало, что говорилось из Америки, из Франции или еще откуда-то. Давление было на моих коллег, работавших в Союзе, а не на тех, кто занимался другими странами.

— **Вы сказали, что целью своей деятельности и передачи вы считаете демифологизацию Америки...**

— Это любопытное явление. В отличие от большинства стран мира, к Америке у нас всегда было особенно теплое чувство, несмотря на весь «полив», всю грязь, которую люди читали и слышали о США. Но поскольку не было никакой информации, одни представляли ее ужасной страной, наивно веря пропаганде (таких было мало, но все-таки), а другие ее идеализировали и считали земным раем в буквальном смысле слова... Сейчас сюда приезжает множество эмигрантов из России. Люди эти, в большинстве своем, удивительно беспомощны именно из-за того, что идеализировали Америку и не понимают, как она реально живет и работает, что в ней происходит и на что можно рассчитывать. Наши бизнесмены встречаются с американскими и не понимают друг друга. Нам очень полезно знать правду об Америке с чисто деловой, практической, рациональной точки зрения. Чтобы не повторять чужих ошибок и не делать новых собственных.

— **Как вам удается удерживаться сейчас на плаву — я имею в виду финансовый аспект?**

— Это страшная вещь. «Останкино» делает все, что может, для того, чтобы не закрыть этот корпункт, для того, чтобы мы продолжали работу над передачей. Я же пытаюсь придать передаче какое-то коммерческое начало. Половина рабочего времени уходит на поиск денег. Единственный выход для независимой прессы — реклама. Это возможность независимости от властей, от идеологии, от политики. Но здесь тоже есть риск попасть в зависимость от коммерсантов, которые не меньше политиков заинтересованы в давлении на прессу.

— **Наша пресса сообщала, что вы создали свою передачу при участии отечественных коммерческих структур.**

— Это получилось смешно. Теоретически у нас был русский инвестор. Он все время говорил: «Деньги здесь, в банке, сейчас должны прийти...» И полагая, что мы обо всем договорились, я вышел в эфир. Увы, сотрудничества не получилось. Но Америка меня научила главному: нет ничего непоправимого. Сейчас что-то не получилось, дальше получится. И вот через несколько дней я должен подписать контракт о сотрудничестве с американским рекламным агентством.

— **Насколько я знаю, вы являе-**

тесь членом очень престижного клуба, в который входи только самые богатые люди Америки. Это правда?

— Нет, это еще один миф. Я выступал в нем, а не вступил в него. «Богемиан Клуб» — это клуб тех, кто делает погоду в этой стране. Практически все президенты — его члены. Выступать там очень почетно. Достаточно сказать, что я выступал в пятницу, в субботу выступал Джорж Шульц, а в воскресенье — Гельмут Шмидт. Раз в год в огромном поместье, которое принадлежит клубу и находится неподалеку отсюда, его члены собираются на две недели и веселятся. Сами ставят спектакли, живут в обычных палатках. Какой-нибудь президент IBM здесь может быть плотником, делать декорации. Все поместье состоит из лагерей, обнесенных забором. И в каждом лагере что-то происходит. Когда вечером проходишь мимо одного лагеря, то слышишь великолепный джаз, в другом выступают знаменитые комики, в третьем — еще кто-то. Большинство американцев ложатся спать часов в 9 вечера — это нормально. Здесь жизнь кипит до 3-х часов ночи. Кстати, в этом клубе есть два рода членства. Прямые члены платят безумные деньги и ждут по 20 лет возможности вступления. Ассоциированные члены клуба — это те, кто принят в него за какие-то свои таланты. Среди них — несколько моих друзей, которые и пригласили меня провести там пару «уик-эндов» несколько лет назад в благодарность за свое выступление. Вот и вся история.

— **У вас прекрасный дом с замечательным видом на океан. И не в самом плохом месте Сан-Франциско. Я, конечно, понимаю, что это не ваша собственность. Но все-таки: каков ваш социальный статус здесь, в Америке?**

— Это поразительная вещь. Американцам просто нельзя говорить о моей зарплате, чтобы они не рассмеялись. Но, с другой стороны, поскольку оплачивается квартира, машина, еще кое-что, то получается не так уж мало. Конечно, мы не можем себе ничего позволить по американским стандартам. Мы с вами из одной страны и находимся примерно в одинаковом положении — средний класс.

— **Ну не скажите! Я, например, не могу похвалиться ни картинами Шемякина, ни работами других замечательных художников, которые вижу в вашем интерьере. Это же целое состояние!**

— Ну это подарки, как вы понимаете, от Шемякина и других знакомых художников. Я бы при всем желании не смог бы их купить.

— Я думаю, многих телезрителей интересует ваша личная жизнь.

— Вот моя личная жизнь, моя супруга. Марина была очень известным преуспевающим московским адвокатом, из тех, к кому выстраивались очереди. Другими словами, она была уважаемым человеком. И вот в 1988-м году Марина приезжает сюда и не знает, чем заняться. Начались скандалы. Это было ужасно! Потом она стала помогать мне. Без ее помощи я бы не смог делать эту передачу. Не уверен, что Марина любит заниматься всеми этими делами, но, когда мужу трудно, долг жены — помочь... У меня физически не хватает времени на секретарскую, финансовую работу, на какие-то переговоры, бесконечные счета. Вы не представляете, какая отчетность даже перед «Останкино» за наш корпункт, вплоть до центов...

— А ваша дочь?

— Не знаю, в курсе вы или нет, но совсем недавно наша замечательная страна запрещала детям старше 16 лет жить с родителями, если они работают за границей. Когда это правило отменили, она смогла приехать сюда. В Москве она на все пятерки сдала на юрфак, и на следующий день мы уехали. Это, конечно, ей помогло здесь поступить в Католический университет, где есть возможность получать стипендию. Наша зарплата не позволяет платить за обучение дочери. Вот вам и средний класс! Катя занимается бизнесом. Два года она не могла поехать в Москву — дорого. И вот недавно сама заработала на билет. Звонила оттуда, говорит, что возвращаться пока не хочет. Мне, конечно, страшно за нее. Но, несмотря на то, что ее папа американист, она настоящая патриотка... Ну вот, собственно, и вся моя личная жизнь. Ее нет просто-напросто! Первый раз за последние три месяца я могу полюбоваться видом на океан, которым вы так восторгались... Кстати, вы очень вовремя мне позвонили, потому что обычно у меня нет лишней секунды.

— Но у вас, вероятно, все-таки есть какой-то круг общения? Он сильно отличается от московского?

— Да, конечно. Может быть, это самая серьезная проблема. У меня здесь есть круг друзей, но он очень — безумно! — ограничен, и нет возможности его расширить. С американцами не получается крепкой дружбы. Я совершенно свободно говорю по-английски, но если я могу раскрыться как личность на 70 процентов, то дай Бог! А ведь в нашем, русском, понимании, общение — это раскрытие души, словесная реализация... Познер это, может быть, и умеет, для него английский — родной язык, но для меня это невозможно.

— Общаетесь ли вы с нашими

эмигрантами?

— У меня много знакомых среди русских эмигрантов второй и третьей волны, которые родились в Югославии, Китае, Аргентине, других странах и приехали сюда в 50-е годы. Старая эмиграция раньше со мной сильно конфликтовала. Когда я приехал в Сан-Франциско, мне хотелось сделать передачи об эмигрантах, но они напрочь отказывались со мной общаться, и вы не представляете, каких трудов мне стоило добиться разрешения на съемки в Русском центре!..

— Обычно телевизионщики не любят делиться своими профессиональными секретами. Но я хочу задать вам вопрос «в лоб»: какова кухня вашей передачи?

— Самое интересное вот что: нищета рождает изобретательность. Например, заставки к солидным передачам делают обычно на компьютере с помощью сложнейших современных технологий. Одна секунда такой заставки стоит тысячи долларов. Но мне повезло, что мой оператор — настоящий рукодельник с богатой фантазией. Он сидел, рисовал, вырезал из цветной бумаги, а потом по кадру снимал. Такая оригинальная мультипликация! Или — студия. Стоит 120 долларов в час (я имею в виду только использование помещения для съемки). Ну нет у нас таких денег!..

— И тогда ваша передача оказалась на улице?

— Да, и только выиграла от этого! Все связи между сюжетами, снятые на улицах Сан-Франциско, имеют принципиальное значение для концепции передачи. В студии все было бы засушено... Так что все делается «на коленке», вот за этим столом, дома у оператора. Если будут деньги, мы сможем нанять людей, покупать

больше сюжетов и передача будет выходить чаще.

— Учитывая все эти проблемы, остается только восхищаться вашим бодрым респектабельным видом. Это экранный имидж?

— Работа на телевидении — это работа на сцене, и все мои личные проблемы не должны касаться зрителей. Они смотрят мои передачи и хотят — если использовать американское выражение — получать готовый качественный продукт. Если я смогу несколько лет делать ту передачу, которую делаю сейчас, буду счастлив. Но только, конечно, не в таком сумасшедшем ритме, когда приходится работать по 12—14 часов в сутки без выходных. Ну сколько так можно протянуть, чтобы не умерла передача?.. Или — ее ведущий!

— А помогает ли вам как-то атмосфера Сан-Франциско? Что вы можете сказать о нем, какие чувства к нему испытываете?

— Забавно, что первый вопрос, который мне задала дочь, когда приехала сюда, почему на улицах Сан-Франциско так много мужчин, которые ходят парами, целуются, обнимаются, одеваются в женскую одежду. Это одна из характерных черт города. Сан-Франциско — это удивительно красивый, обаятельный, очаровательный город, и я думаю, это самое замечательное место во всей Америке. Я мог бы сказать много теплых слов и об этом городе, и о Калифорнии вообще, но хочу процитировать одного из героев моей передачи, шофера такси: «Сан-Франциско — это женщина, с которой у меня каждый день роман!» Лучше все равно не скажешь!

Ярослав МОГУТИН

ЭТО ВЫ МОЖЕТЕ НЕ ЧИТАТЬ!

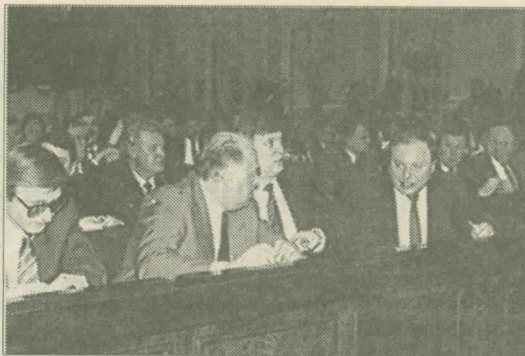
Но тогда Вы не узнаете об уникальной возможности вложить деньги в строящиеся отдельные благоустроенные квартиры в Москве и коттеджи в ближнем Подмосковье, причем строительство производится по рекордно низким ценам, а по вкладу кроме того начисляются выгодные проценты. Эта возможность —

ЖИЛИЩНЫЕ СЕРТИФИКАТЫ СИСТЕМЫ «МАЛЕКС»

Покупайте их в МП «Атрис» по адресу:
Москва, ул. Рогожский поселок, д. 3
(ст. м. «Марксистская»)
☎ 902-09-02, 489-05-53, 278-35-38.

**ЧТО ТАКОЕ
ХОРОШО
И ЧТО ТАКОЕ
ПЛОХО?**

**ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
РАЗ В ГОДУ —
К СОЖАЛЕНИЮ
ИЛИ К СЧАСТЬЮ?**

Над этим вопросом задумались американские ученые из Калифорнийского университета в Сан-Диего, обнаружив, что приближение дня рождения продлевает жизнь у женщин и укорачивает у мужчин.

По мнению доктора Дэвида Филлипса, день рождения для мужчины — это день подведения итогов. В эти дни ему чаще вспоминаются промахи, неудачи, его охватывают горестные переживания. Это состояние тревоги может закончиться печально.

У женщин же все происходит наоборот. Перед днем рождения ее жизненный тонус повышается. Этому способствует ожидание праздника, повышенная активность, заботы о праздничных приготовлениях. Затем наступает расслабление, спад, возможна и психологическая депрессия, делающая женщину беззащитной перед воздействием внешних и внутренних факторов.

По мнению доктора Филлипса, это исследование имеет не только познавательное, но и практическое значение. Хирургам можно было бы порекомендовать отказаться от операций в «опасные» для пациентов дни, а работникам приютов для пожилых людей посоветовать уделять побольше внимания старикам именно в дни их рождения.

Сколько людей, столько мнений. Это высказывание с полным правом можно отнести и к экономистам. Газета «Нью-Йорк таймс» недавно опубликовала статью профессора Фордхэмского университета и старшего экономического консультанта «Артур Андерсен компани» Владимира Квинта, в которой он сравнивает экономическую политику Егора Гайдара и Виктора Черномырдина. Вот каково его мнение по этому поводу:

«...Гайдар никогда не работал в промышленности России и плохо разобрался в российской экономике. Он закончил экономический факультет МГУ, где учились дети высокопоставленных партийных работников и членов политбюро, где занимался экономикой зарубежных стран. Его докторская диссертация о стилях работы менеджеров не была диссертацией в области экономики. Он начал свое экономическое образование, только став премьер-министром. Ни одна страна не может позволить себе такую роскошь, как учеба премьера без отрыва от производства.

Черномырдин тоже несколько лет был партийным аппаратчиком, но существенная разница между ними в том, что ему это досталось трудной ценой, он продвигался исключительно благодаря собственным заслугам.

Важная разница между ними и в том, что Черномырдин знает по опыту, какой трудный выбор необходимо сделать, он разбирается в экономике и имеет опыт управления.

Черномырдин наследует российскую экономику в катастрофическом состоянии, гораздо худшем, чем это было, когда Гайдар стал исполняющим обязанности премьер-министра. Следуя советам профессора Гарвардского университета Джеффри Сакса, который тоже не разбирается в российской экономике и которого пригласили на работу, учитывая его опыт и знания экономикой американской, Гайдар проводил катастрофическую политику реформ.

Когда Ельцин назначил Черномырдина, его позиции усилились...»

забывать, что народы бывшего коммунистического блока более 40 лет жили в зоопарке» — так пишет в газете «Вашингтон пост» знаменитый американский кинорежиссер Милош Форман, эмигрировавший в свое время из социалистической Чехословакии.

«Они жили в клетках, защищенные от нападения диких зверей, — продолжает он. — Чувствуя себя в безопасности за прутьями клеток, они мечтали о красоте и свободной жизни в джунглях. И вот внезапно дверцы их клеток распахнулись, и все они выбрались на свободу, в условиях девственной природы. Их первой реакцией была вполне объяснимая эйфория: «Как прекрасны джунгли! Как чудесно стать наконец свободными!»

Однако, как только эти люди покинули свои клетки, они узнали, что джунгли полны змей, гиен, тигров...

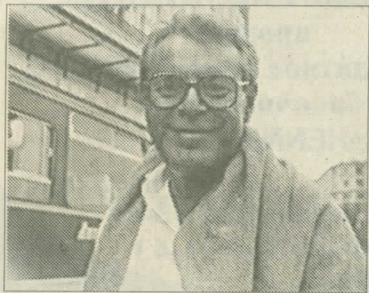
Шок, вызванный этим открытием, вновь поставил их перед давним вопросом: действительно ли лучше жить в джунглях или все же вернуться снова

в зоопарк? Хотя народам бывшего коммунистического мира нравятся свобода и красота джунглей, некоторым из них начинает недоставать безопасности зоопарка.

Бывшие коммунисты обещают, что если они смогут вернуться к власти, то разобьют в зоопарке прекрасные сады и обовьют лианами прутья клеток, чтобы скрыть их, впустят в зоопарк парочку змей, чтобы у людей появилась восхитительная иллюзия жизни в джунглях. Ориентирующиеся на Запад либералы заявляют, что следует устроить все, как в джунглях, но построить здесь и там несколько заборов, укрытий и заповедников, чтобы всем живущим в джунглях была обеспечена безопасность, как в зоопарке.

Обе эти идеи выглядят интересными, но разве природа может быть такой? Разве созданное Господом изобилие видов выживет в подобных условиях?

...Жизнь в капиталистических джунглях может быть очень приятной... Можно научиться выживать и даже обеспечить себе процветание в условиях прекрасной девственной природы, если у вас только есть желание добиться этого».

**МИЛОШ ФОРМАН:
ДЖУНГЛИ ИЛИ ЗООПАРК
— ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО**

«Метафора эта относится ко всем в прошлом тоталитарным обществам, включая бывший Советский Союз. Здесь, на Западе, мы понимаем, что живем в джунглях — опасном и непредсказуемом, но замечательном мире, где краски яркие, а жизнь бесконечно разнообразна. Но мы склонны

**Издательство «Экоцентр-ВНИРО»
предлагает
для оптовой и розничной продажи:**

1. «Былинная Русь». Красочный комикс на темы сказаний о Древней Руси.
2. Цветной фотоатлас «Мануальная терапия».
3. Книжка-раскраска «Занимательный английский для малышей».

Только оптом (не менее 500 экз.) предлагается книга «Молодой хозяйке в дом».

Скоро выйдут в свет следующие издания:

1. *Д.Н.Степанов, В.М.Кочетов.* «Морской аквариум». Цветная иллюстрированная книга.
2. *А.Пинтера.* «Кошки, коты, котята». Перевод с чешского. Цветная иллюстрированная книга о содержании и разведении кошек в домашних условиях.

3. *А.Полоцкий.* «Рыбы в аквариумах и декоративных водоемах». Цветная иллюстрированная книга о содержании и разведении аквариумных рыб.

4. *Э.Гусарова, А.Мазовер.* «Если у вас есть собака». Цветная иллюстрированная книга о породах собак, советы по уходу, содержанию и разведению.

5. *В.Арефьев, Л.Лисовенко.* «Англо-русский толковый словарь генетических терминов». Для студентов и преподавателей медико-биологических вузов, работников промышленности, с/х, переводчиков.

6. *Г.Красильщиков.* «Французский язык в пословицах и поговорках». Цветное иллюстрированное издание для обучения детей французскому языку.

Наш адрес: 107140, Москва, ул. В.Красносельская, 17.

Тел. 264-92-87.

Факс 264-91-87.

Издательство «Экоцентр-ВНИРО»

**ЦЕНТР
ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ
ФИРМА «КРОН»**

- ремонт копировальных аппаратов «CANON», «MITA», «RICON», «SANYO», «SHARP»
- заправка картриджей
- поставка комплектующих и расходных материалов
- продажа копировальных аппаратов

Тел.: 432-90-00, 431-05-98

Факс: 431-19-98

Москва, ул. Новаторов, д.14, корп.2.

Фирма
«МЕДИА КОМПАНИ»
продает
элитное немецкое
баночное пиво
«HENNINGER».

Телефон 928-53-48

Факс 924-51-43

Рекламный центр еженедельника «Столица» приглашает рекламных агентов для работы по всем видам рекламного обслуживания.

Вознаграждение от 5%.

Тел. 928-83-40.

Еженедельник «Столица» приглашает распространителей на выгодных условиях!

Контактный телефон: 925-23-09, 928-27-69.
Редакция выдает разрешение на распространение.

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция еженедельного журнала
«**СТОЛИЦА**»
продолжает подписку с рассылкой за границу

Вы можете подписаться на журнал,
обратившись непосредственно в редакцию по адресу:
101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Телефоны: (095) 928-23-49, 928-27-69.
Телефакс (095) 921-29-85.

Стоимость подписки за 1 номер:

Европа: 2,68 USD (обычной почтой), 2,98 USD (авиапочтой);
США, Канада, Израиль, Япония: 2,98 USD (авиапочтой).

Редакция гарантирует рассылку журналов из Москвы в день выхода.

NAME _____

ADDRESS _____

TOWN/CITY _____

POSTCODE _____ COUNTRY _____

13 weeks 26 weeks 52 weeks

Please find enclosed my cheque in favour of STOLITSA WEEKLY

I will pay to account 1137 CED of NGSbank, Moscow, Russia with Banca Agricola Mantovana, Mantova, Italy — favour «Stolitsa weekly».

I will pay to account 49233002 of NGSbank, Moscow, Russia with Moscow Narodny Bank Ltd., London, England — favour «Stolitsa weekly».

SIGNATURE _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и денежный чек
(или копию платежных документов)

по нашему адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22. «Столица».

ПОКА В МОСКВЕ КИПЯТ СТРАСТИ, СЕВЕР ЖДЕТ ПОМОЩИ

На вопросы «Столицы» отвечает член Президиума Верховного Совета России, кандидат экономических наук, председатель Комиссии Совета Национальностей ВС РФ по вопросам социального и экономического развития автономных республик, областей, округов и малочисленных народов Зоя КОРНИЛОВА:

— Зоя Афанасьевна, какими проблемами вам приходится больше заниматься — законодательными или все-таки чисто экономическими?

— Большой частью — социально-экономическими. А как же иначе-то? Нам пишут тысячи писем со всех концов республики: где-то нет хлеба, где-то он стоит более ста рублей за килограмм, где-то детям невозможно оказать медицинскую помощь! Все это требует нашего срочного, практического вмешательства.

Мы направляем эти письма в правительственные структуры, и если там тянут, то начинаем действовать через Президиум Верховного Совета, через сам Верховный Совет. Ну смотрите: в 1990 году, еще при кабинете Силаева, именно мы, северные депутаты, организовали, подключив правительство, селекционное совещание (Лобов тогда проводил его) для спасения навигации. И только так, совместными усилиями спасли ее. Мы не делились

тогда на исполнительную и представительную власть, не считались ни с какими прерогативами, просто надо было срочно сделать общее дело! И тогда успели завезти все, что было надо для жизни северян. А в прошлом году — не получилось. Исполнительная власть, на которую мы понадеялись, не успела организовать доставку нефтепродуктов на Чукотку. И откуда потом пришлось их завозить, как вы думаете? Из... Сан-Франциско! Да и то хватило только на полгода.

— Конечно, совместная, слаженная работа — дело хорошее, но, с другой стороны, не выглядит ли это как вмешательство депутатского корпуса в работу исполнительных структур?

— Никак не могу назвать такие обвинения справедливыми! Если бы наши депутаты с того самого 1990 года — без выходных и отпусков! — не работали в сезон завоза товаров, Север пришлось бы закрыть, а правительство давно бы уже смели с лица

земли! Ведь в прошлом году, например, я сама направляла депутатов моей комиссии в основные, базовые, северные порты — для чего, вы думаете? Чтоб просто караулить — отгружают товары или нет? В Находке один мой депутат сидел безвылазно и наблюдал, не уходит ли товар на коммерческие суда. Ведь, оказывается (а мы узнали об этом только в самый последний момент), северного танкерного флота уже у нас, у России, нет! Весь танкерный флот оказался в Прибалтике. За границей, то есть. И что в итоге? Мы вынуждены были за валюту брать флот у Латвии, чтоб отгрузить продукты на Север... А, кроме того, часть танкерного флота — тихоокеанского — перебрасывать в Мурманск! Мы вынуждены были принимать срочные меры, не считаясь с какими-то там разделением прерогатив. Просто чтобы спасти северян.

— А почему, по-вашему, правительство не смогло принять меры? Может быть, не обладало информацией?

— Я не знаю. Но информацию для них, например, собирали мы сами. И направляли ее правительству. Я лично передавала, через тогдашнего главу администрации президента Юрия Петрова, всю информацию Ельцину, на основе которой он тут же издал указ по обеспечению завоза

товаров на Север.

— Насколько, по вашему мнению, борьба между исполнительной и представительной властью, которая идет в Москве, отражается на местах?

— Там такой борьбы нет. Там есть только одна борьба — за выживание. А то, что происходит здесь, в Москве, эта «драчка» между властями, весьма плачевна, в то время как люди по стране нищают. И очень плохо, что в этой политической «драчке» пытаются использовать регионы, побуждая тем самым их к отделению. А мы ведь в одиночку никогда не выживем, это уже ясно. Хотим мы этого или нет, но мы — единый народнохозяйственный комплекс, и никуда от этого не деться. Это уже видно и на примере распавшегося СССР — экономика бывших союзных республик не может существовать в отрыве от десятилетиями наработанных связей. И развал России может ускорить существующая сейчас политическая нестабильность. Надо отбросить все и заняться срочно экономикой. Надо успокоиться и обсудить меры по выходу из экономического кризиса.

А по поводу близких мне проблем Севера скажу: если в этом году там не будет обеспечен завоз продуктов, то неминуемо встанет вопрос об эвакуации с Севера людей. Разве это не насущная проблема? А проблемы молодежи, детской смертности! Тарифы на авиатранспорт настолько повысились, что мы не можем вывезти с Севера даже тяжело больных, оказать срочную медицинскую помощь.

То есть надо решить какие-то насущные проблемы, чтоб людям жилось хоть чуточку легче: чтоб транспорт ходил, чтоб накормить людей хлебом, снабжение топливом наладить. На местах никто не заинтересован в какой-то политической борьбе. И вся эта «драчка» у нас здесь, в центре, весь этот дележ власти нормальным людям просто непонятны.

Григорий КРОШИН

Будни Севера

ВСЕ НАЛОГИ — ДОЛОЙ! КРОМЕ ОДНОГО

Ассоциация Генри Джорджа, которая носит имя известного американского писателя, философа, экономиста XIX века, выступила с предложениями к российскому правительству и ко всем россиянам: отменить все налоги, кроме налога на землю.

Последователи Генри Джорджа считают: поскольку земля является общим достоянием, то каждый человек имеет право на равную долю в ее общей рыночной стоимости. А потому частный владелец земли должен выплачивать обществу компенсацию в виде ренты, пропорциональной выгодам, которые этот человек или предприятие получает от использования земли. Налогом должно облагаться не то, что на земле построено или произведено, — не усилия человека, а природные ресурсы и коммунальные услуги, предоставленные владельцу земли. Сокращение же или даже ликвидация большинства налогов, в первую очередь налогов на прибыль и добавленную стоимость, последователи американского философа называют первоочередной задачей России.

По их мнению, налоговая система, введенная с 1992 года, мешает выходу эко-

номики страны из кризиса и носит ярко выраженный конфискационный характер. Высокие ставки налогов принуждают налогоплательщиков искать пути уклонения от их уплаты, работать на «черный рынок», снижать экономическую активность. Отсюда — криминализация экономики, рост взяточничества и коррупции, сокращение инвестиций в производство. Одним словом, существующая налоговая система не служит интересам россиян, а обслуживает государственную бюрократию.

Ассоциацией Генри Джорджа подсчитано, что в России сегодня собирается пятнадцать видов только федеральных налогов, не говоря о региональных и местных. Собирается, правда, чисто формально, а не на деле. Взимание же земельного налога не требует сложной бухгалтерии. Уйти от него невозможно.

Уже сегодня, убеждены последователи Генри Джорджа, следует перенести основную тяжесть налогового бремени с налогообложения труда и капитала на земельную ренту. Завтра это привело бы к росту благосостояния народа.

Интересно, знакомы ли российские «экономисты от политики» с учением Генри Джорджа, доходят ли до них призывы последователей знаменитого американца?

А.Е.

Уважаемые
московские читатели!

«Столицы»!

Если Вы имеете возможность приехать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем Вас на второе полугодие 1993 года

**по льготной цене:
780 рублей
(на полгода)**

**или
390 рублей
(на квартал).**

Подписку можно оформить в редакции по адресу:

**ул. Петровка, 22
(вход с Рахмановского переулка),
комната № 610.**

**Справки по телефону:
928-27-69**

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ОТХОДЫ СЪЕЛИ ВСЕ ДОХОДЫ

Работники МП «Газнефтехнология» города Перми закачали в земную скважину 256 тонн 84-процентной серной кислоты, являющейся отходами производства этого предприятия. Об этом поведала «Уральская газета» (Российское издание). Раствор рассосался в природе: попал в реки Пыж, Мулянку, а затем в Каму.

Процесс «рассасывания» продолжается, а потому должностным лицам МП после возмещения ущерба и рекультивации испорченной земли, видимо, грозит безработица.

ТАКАЯ ВОТ «ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ»

«Хуанский чай — древесный чай». К такому выводу пришел ветеран войны, пенсионер М.Саттаров, купивший в одном из казанских магазинов пачку китайского чая. За кровные четыре сотни в коробке фабричной упаковки Саттаров приобрел... двести пятьдесят граммов древесных опилок. Любопытно, что упаковка видимых повреждений не имеет. Возникает вопрос: то ли это дело рук местных умельцев, то ли сюрприз подложили китайцы? Во всяком случае, трудно предположить, что это новый сорт чудесного напитка, выведенный в ходе знаменитой экономической реформы в КНР.

МЕДЬЮ СЫТ НЕ БУДЕШЬ

На комбинате «Уралэлектромедь» города Верхняя Пышма Свердловской области — нововведение. Теперь, вдоволь «насытившись» медной пылью, можно тут же и закусить свежей колбасой: на комбинате открылся собственный мясоперерабатывающий цех. И правильно — медью сыт не будешь. Если почин будет подхвачен, то вполне вероятно, что уральские мясокомбинаты начнут по совместительству производить различные дефицитные металлы. Товар экспортный, не чета колбасе.

ВНИМАНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ СОБСТВЕННОСТИ!

— любые виды охранных устройств промышленного производства для офисов, квартир, дач, гаражей, коммерческих палаток индивидуального и коллективного пользования (контактные, пьезоэлектрические, ультразвуковые, микроволновые, емкостные, радиолокационные, телевизионные) — системы «автосторож» различной степени сложности. Возможно обеспечение радиоканалом.

**Телефон: 361-34-22
(с 11 до 15).**

РАБОТЫ МОЖЕТ И НЕ БЫТЬ, НО ДЕНЬГИ ПОЛУЧАТЬ ОБЯЗАН

Мою знакомую сократили. Как рабочую единицу. Издательство, в котором она проработала 20 лет, повернулось к рынку. На бирже труда сказали: «Дело для вас найдется. Поезжайте срочно по такому-то адресу». Приехала на другой конец Москвы. «Да что вы, — удивились работодатели, — мы просили такелажников. А из ваших «интеллигентных» профессий люди нам нужны были месяца три назад, да и то искали не редактора, а бухгалтера...»

Вот так помогают нам занять себя наши службы занятости. Я пишу «нам», но думаю — «им». Безработица ведь не страшна до тех пор, пока она лично тебя не коснется.

Мы публикуем мнения о безработице и методах борьбы с ней двух людей, у которых задача одна — защищать нас от невзгод рыночной стихии. Наши эксперты: Федор Прокопов, руководитель Федеральной службы занятости России, и Аркадий Соловьев, представитель Федерации независимых профсоюзов России.

Федор ПРОКОПОВ:
«Глотаем критику, но деньги бережем»

Слава Богу, что гром для нас не грянул так, как это случилось в странах Восточной Европы. В Болгарии сегодня уровень безработицы около 20 процентов от числа трудоспособного населения. В Восточной Германии, где, казалось бы, существует мощнейшая поддержка со стороны Западной Германии, в некоторых регионах безработица составляет 50 процентов! В России формально численность безработного населения сегодня немногим более миллиона человек. Однако во всем мире принято считать безработицу не по количеству обратившихся в Службу занятости (это, как правило, около 30 процентов от нуждающихся в работе), а по результатам опроса домашних хозяйств. Проводится он ежемесячно или ежеквартально. У нас эта система не налажена — слишком дорогое удовольствие. Нам бы хоть раз в год провести объективный анализ. Словом, по косвенным экспертным оценкам, численность ищущих работу в России сейчас около 5 миллионов человек, то есть реальный уровень безработицы составляет не один, а 4—5 процентов.

В мировой практике были попытки установить так называемый допустимый предел безработицы. Для Америки, скажем, сначала он равнялся трем процентам, потом — семи. Федерация независимых профсоюзов предлагает ввести трехпроцентный

уровень «допустимости» у нас в России. Думаю, это был бы опрометчивый шаг. Если мы признаем этот показатель — значит, до трех процентов государство может «спать спокойно» и ничего не предпринимать? Но ведь существует еще и понятие частичной безработицы — когда предприятие находится в вынужденном простое. К примеру, в Ивановской области мы сейчас отработываем механизм компенсаций тем людям, которые либо отправлены в принудительные отпуска, либо работают неполную рабочую неделю. Между тем официально признанный уровень безработицы в этой области гораздо ниже трех процентов. Должны ли мы предпринимать чрезвычайные меры по спасению работников текстильной отрасли или нет?

В экономике бывают ситуации, когда уровень безработицы возрастает, к примеру, до семи процентов: идет структурная перестройка, одни предприятия закрывают, другие начинают работу. Но средний срок трудоустройства может составлять 2—3 недели, и нашего вмешательства тут не требуется.

Кроме того, само понятие «допустимости» предполагает, что государство смирилось с безработицей. Но все страны с окончанием Великой депрессии 30-х годов ставят своей целью достижение полной занятости.

Служба занятости — это политическое лицо любого правительства. Вечная дилемма — соотношение между инфляцией и безработицей. Что лучше: развиваться на грани гипер-

инфляции за счет сохранения занятости — когда предприятия работают «на склад» и поднимают цены, но не увольняют ни единого человека, либо ради сдерживания инфляции рисковать судьбами людей? Главное, на мой взгляд, не ударяться в крайности. Ошибкой немцев была поспешность, с которой весь восточный сектор Германии был брошен на открытый западный рынок. Привычные рынки сбыта отрезаны, предприятия обречены на вымирание.

Пример же разумного подхода — завод «Ниссан» в Австралии, который закрывался в течение года, но до последнего дня обеспечивал качественный выпуск автомобилей. В той же Австралии закрытие одного из металлургических заводов затянулось на пять лет: вначале на нем работали 25 тысяч человек, сегодня — около пяти тысяч...

Наша задача — не просто бороться с растущей безработицей, а сдерживать этот рост. Первое средство: обучение людей для рынка труда. В минувшем году мы многого добились: уже создана база для переподготовки от одного до полутора миллионов человек. Правда, психология наших людей такова, что необходимость

менять профессию они воспринимают как полный жизненный крах и переучиваются очень неохотно. Но жизнь, наверное, заставит...

Всё дается с трудом — даже исполнение простейших функций по трудоустройству и консультированию. Целый год мы потратили на то, чтобы службы занятости имели элементарную возможность принимать посетителей. На каждого сотрудника приходилось по пять квадратных метров служебной площади — в результате в очередях на первичную регистрацию выстраивалось по 150 человек. Случались даже погромы служб занятости отчаявшимися людьми...

Иногда говорят о необходимости создания рабочих мест за счет Фонда занятости. Но это извращенное понимание наших обязанностей. Есть золотое правило рынка: обеспечить равные возможности в области конкуренции. Почему Фонд занятости должен давать субсидии частным или государственным предприятиям? — сегодня ведь всем одинаково тяжело.

На те мероприятия, которые мы сегодня проводим, денег Фонда занятости вполне хватает. По итогам прошлого года мы имеем даже неизрасхо-

дованный резерв. К середине апреля Фонд располагал 50 миллиардами рублей. К концу года мы рассчитываем на сумму в 200 миллиардов.

Однако проекты в области занятости очень дороги. Скажем, поддержка простаивающих предприятий будет стоить несколько миллиардов рублей в месяц. И если из популистских соображений либо из жалости мы примем программу, на которую не хватит денег, возникнет опасность дискредитировать всю систему занятости в России...

Аркадий СОЛОВЬЕВ:

«Спасение безработных — дело рук самих безработных»

Действительно, по официальной статистике, масштабы безработицы в России гораздо скромнее, чем на Западе. Видимо, поэтому в высших эшелонах власти бытует представление, будто проблемы безработицы нет вообще и при нынешнем «мягком» курсе реформ она возникнет не скоро.

Даже по прогнозам Службы занятости, основанным на программе правительства за прошлый год, в России ожидалось около пяти-шести миллионов безработных. К счастью для всех нас, эта программа не была реализована. Сегодня возможны разные варианты реформ. При «особо жестком» безработица планируется в размере 20 миллионов человек. То есть каждый третий из занятых сейчас окажется «не у дел». Цифра вполне реальная, если учесть, что около 40 процентов всех российских предприятий — потенциальные банкроты. Продолжение «мягкого пути реформ» предполагает 4—5—6 миллионов безработных — то есть мы выйдем на средневропейский уровень. Ни один из этих вариантов оптимизма не внушает.

«Защитники» жесткого курса реформ указывают на Францию, где безработица составляет 7 процентов трудоспособного населения, или на Швецию (10 процентов) — там, мол, общество «реального коммунизма», все сыты и довольны. При этом забывают, что уровень социальных гарантий в таких странах особо высок. Безработный имеет все шансы выжить. Мы же вступаем в рынок труда в иных условиях — полной незащищенности людей со стороны государства и полного произвола в трудовых отношениях со стороны новых предпринимателей.

Федерация независимых профсоюзов была инициатором принятия Закона о занятости в 1991 году. В апреле мы отметили двухлетний юбилей закона, а эффективно действующей

На прием по трудоустройству

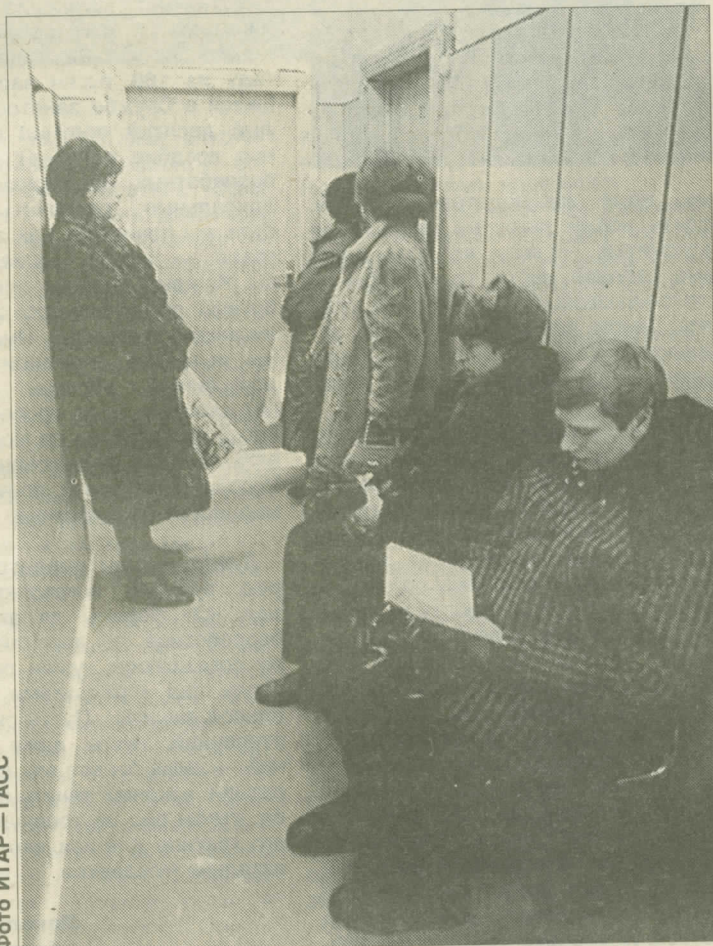

Фото ИТАР — ТАСС

Профсоюзы — за стабильность производства, против безработицы.
Москва, 1 мая 1993 г.

Фото В. Шишова

системы занятости у нас нет.

Служба занятости в России осталась в стороне от главных проблем, которыми живет страна. Разве где-нибудь в каком-либо виде при решении вопросов конверсии, приватизации и банкротства присутствует Служба занятости?

В отличие от этих служб профсоюзы по собственной инициативе входят в комиссии по приватизации, пытаются как-то корректировать принудительное акционирование, связанное с увольнением людей. Я был на ряде предприятий, которые официально обращались в Службу занятости за гарантиями для своих работников. А там отвечали: подобные вопросы не в компетенции службы, наше дело — регистрировать безработных и выдавать пособия.

Увы, именно эти функции и вписаны в закон о занятости. Это не документ о рынке труда, а скорее, закон о безработице. Ни в одном другом из принятых правительством законов нет вообще слова «занятость» — ни в законе о приватизации, ни в законе о банкротстве.

Необходимо создать принципи-

ально иную законодательную базу. Вводить новый льготный режим для предприятий — если не создающих новые рабочие места, то хотя бы их не сокращающих. А в законе о налогах можно найти любые льготы: для художников, для коммерсантов, для банкиров, но только не для таких предприятий.

Активная политика занятости рассматривается нашим правительством как снятие с себя всех видов ответственности за судьбу человека труда. У нас уже исключили из Конституции статью о праве человека на труд и думают: теперь-то реформы пойдут...

Нынешнюю Службу занятости лично я называю иначе: служба «косметической» помощи безработным. Никакой программы занятости у нас нет. Возьмите, к примеру, систему переподготовки кадров. Народ же о ней ничего не знает. Сколько по России этих центров переобучения? Менее тридцати. Это означает: два центра, к примеру, на всю Сибирь. При нынешних ценах на транспорт редкий безработный может позволить себе отправиться за тридевять земель переучиваться. А сколько средств из Фон-

да занятости истрачено в минувшем году на профпереподготовку? Всего три процента!

У Службы занятости нет даже информации о безработных. Я в этом убедился, когда искал людей для своего аппарата и обратился в Московское отделение. Учет там идет «на пальцах», нет даже автоматизированной связи с районами.

И при этом они все время учатся! Преимущественно за рубежом. У нас столько безработных не получают пособия, сколько сотрудников служб занятости выезжают за границу «по обмену опытом»!

Отдельный вопрос — как Фонд расходует свои средства: более 80 процентов денег лежит на депозитах и «крутится» в коммерческих целях. Отсюда — и так называемые «резервы» Фонда. А ведь это мы с вами недополучаем два процента от зарплат. Поскольку Фонд — внебюджетный, построенный на страховых принципах, над ним нужен жесткий контроль. В первую очередь — со стороны профсоюзов. Много сегодня говорят об идее социального партнерства, о создании трехсторонней комиссии в лице работодателя, профсоюза и правительства, но что толку-то?

Возникает ощущение, будто Фонд занятости ставит своей целью экономить на безработице. В прошлом году из 100 тысяч зарегистрировавшихся в Службе занятости лишь каждый десятый получал пособие. Сейчас пособие получает 40 процентов безработных. Профсоюзы — не ортодоксальные оппоненты правительства, мы понимаем, как это дорого сегодня — решать социальные вопросы. Каждый процент прироста безработицы обходится государству в 100 миллиардов рублей. Именно поэтому мы пытаемся определить социально допустимый уровень безработицы. Мы считаем: этот уровень наступает, когда государство не может выплачивать пособия нуждающимся. Отсчет в России надо вести примерно с 3—4 миллионов безработных.

Думаю, и нам придется учить старую русскую поговорку на новый лад: «От тюрьмы да от пособия по безработице не зарекайся». А потому соглашайтесь: нужен реальный контроль над «средствами нашей социальной защиты». Пусть он будет трехсторонний, пусть даже семисторонний — лишь бы все эти стороны прекратили, наконец, тянуть одеяло на себя, чтобы оно не треснуло по швам и его хватило для тех, кто в нем действительно нуждается.

Монологи записала
Аэлита ЕФИМОВА

КОРОЛИ без СОСИСОК

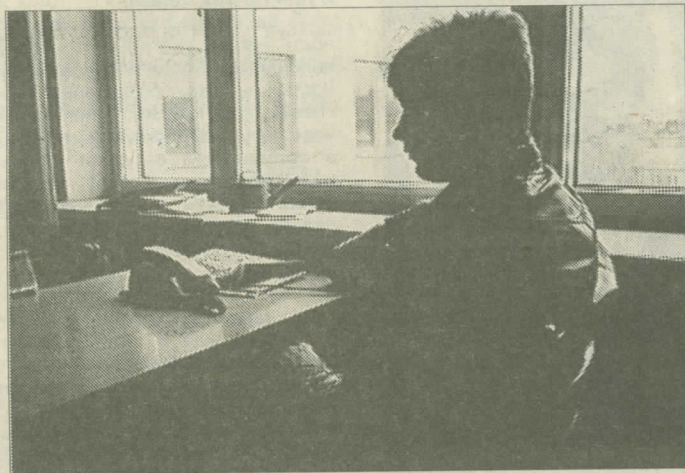

Фото В. Шишова

В «Столице» (№ 18) был опубликован материал «Короли и сосиски». Предприниматель Юрий К., не пожелавший назвать фамилию, рассказал о собственном бизнесе — как торговля сосисками обогатила его и свела с представителями рэкета. Не успел номер журнала выйти из печати, мне позвонили и назначили встречу на окраине Москвы. В условленном месте в мою машину подсел молодой человек лет тридцати двух. В элегантно-кожаной куртке, коротко стриженный, представился Сашей. Было тепло, мы открыли дверцы, из ближнего коммерческого ларька через пару минут какие-то парни принесли прохладную газировку с кокосом.

— Нам нравятся цивилизованные журналисты, — похвалил меня Саша. — В общем-то правильно, что пресса начинает писать о рэкрете как о силе, способной поддерживать порядок.

Саша К. закончил институт, говорит грамотно, с юмором, без всякого позерства. Цель встречи излагает кратко и ясно — рэкет видоизменился, и его представителям уже не все равно, какую (цитирую)... «чушь сочиняет пресса. Хочется объективности и правильного общественного восприятия».

И вот я-то, по мнению Саши, могла бы над этим самым правильным восприятием поработать.

— Вроде мне есть чем заниматься, — вяло возражаю я. — Да и проблемы рэкрета, если честно, не очень интересуют. Для этого существуют компетентные органы.

И тут Саша делает предложение, от которого, на его взгляд, трудно отказаться, — предлагает написать книгу о рэкрете, полностью снабдив меня материалом. О структуре группировок, принятой в них терминологии обещает рассказать сто детективных историй, познакомить чуть ли не с главарями разных районов, устроить встречи с рэкетирами из провинции, объяснить законы этого мира и т.д. Чтобы я не сомневалась в его осведомленности, иллюстрирует сказанное примерами.

Расставаясь, он дает мне совет:

— Обратитесь в милицию, поинтересуйтесь, что они о нас знают. И тогда поймете, какое замечательное дело мы вам предлагаем.

...Александр Твердов, занимающийся на Петровке, 38, борьбой с преступлениями на потребительском рынке, сначала читает материал про сосиски, потом выслушивает впечат-

ления от встречи с Сашей, а затем спокойно подтверждает:

— В принципе, все так и есть.

— А вы разве не должны бороться с рэкретом как с явлением? — спрашиваю Александра Владимировича.

Оказывается, бороться трудно. Нет законодательной базы — закона о рэкрете, о коррупции, нет даже такого юридического понятия, как рэкет. Да и за что привлекать?! «Боссы» оружия не носят, в криминальных «разборках» участия не принимают. Даже если и удастся задержать каких-нибудь «шестерок», они, как правило, никого не выдают.

По мнению Александра Твердова, рэкет появился еще в начале 60-х, когда стала крепнуть теневая экономика. Теневых дельцов всегда шантажировали, но масштабы были иные, да и писать об этом запрещалось. Вообще, рэкет — явление естественное.

— А если примут правильные законы, легче станет бороться?

— Нарушители все равно останутся... Наша страна подписала конвенцию — не строить новых тюрем. И теперь вот сажать людей некуда. Камеры переполнены.

Но эта проблема, конечно, не главная. Представьте — в органы милиции практически никто из представителей мелкого и среднего бизнеса с жалобами не обращается. Потому что уже усвоили — милиция от расправы не спасет. В цивилизованных странах свидетелям (при угрозе расправы) государство паспорта, квартиры меняет. А у нас не то что заявителя, самого стража порядка защищать трудно.

Недавно одному оперативному работнику угрожали-угрожали, бомбу к входной двери привязали... Он рапорты все писал с просьбой о перемене места жительства... И сменили — домашний телефон.

Несмотря на огромные правовые и организационные сложности, милиция не бездействует. Растет, например, раскрываемость экономических преступлений, связанных с фальшивыми авизо, взяточничеством, незаконной торговой деятельностью...

Но опять же трудностей хватает. Бывает, находят человека, который дал взятку. И он после долгих уговоров соглашается сделать добровольное признание... А к нему приходят адвокаты обвиняемого и предлагают еще большую взятку за молчание.

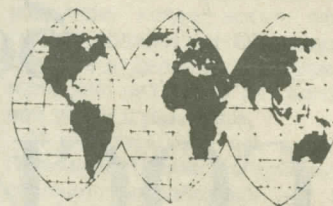
...Я хорошо запомнила слова знакомого в кожаной куртке: «Если кто-то кого-то обижает, мы разбираемся быстро и справедливо — такие у нас законы. И в помощи, как правило, не отказываем...»

Е.ЭРИКСЕН

Компания, хорошо известная в мире как крупнейшая аудиторская и консалтинговая фирма, входящая в «великолепную шестерку» по данным видам экономической деятельности, первой из них представляет себя читателям «Столицы».

Сегодня в гостиную рубрики «Имидж-реклама» — очаровательная Ольга Петерсон, менеджер отдела информационных технологий и один из организаторов и пропагандистов лидирующей сегодня на рынке СНГ многофункциональной системы бухучета «Scala», которая работает на 15 языках с 30 валютами.

— Ольга, вы уроженка Санкт-Петербурга, однако большую часть своей жизни вы провели в США. В чем качественное отличие системы образования на Западе?

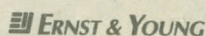
— Я закончила Северо-Западный университет... по отделению индустриальной инженерии. Практический опыт сначала в качестве инженера, а потом и менеджера приобрела в такой известной компании, как «Моторола», которая, как и «Ernst & Young», осваивает сегодня российский рынок. Могу сказать, что для Запада вообще характерна тесная связь между практикой и образованием, ибо, чтобы подняться на следующую ступень в профессиональной деятельности, необходимо учиться. И, в свою очередь, для того, чтобы пойти учиться, необходимо достичь определенных успехов в работе. По сути, все те годы, что человек проводит в сфере активного бизнеса, есть постоянное соединение работы и учебы, и именно это и позволяет ему, что называется, «делать карьеру».

— В какой момент успех вашей личной карьеры вы решили соединить с успехом «Scala»?

— Программа «Scala» была взята на вооружение компанией «Ernst & Young», когда рынок в России существовал как бы в двух измерениях. Был один вариант бухгалтерского учета для «внутреннего употребления» — местный, российский, рублевый, и другой, зачастую не совпадающий с ним по важным деталям и курсу валют, — западный. Такая ситуация не могла продолжаться вечно, ибо при крупных оборотах, исчисляемых миллиардами, в сочетании с внешнеэкономической деятельностью ведение бухгалтерского учета «на два фронта» не только нецелесообразно, но и физически невозможно. Должна была появиться программа, которая позволила бы одновременно в стандарте, принятом в России, и в международном стандарте GAAP вести этот учет по принципу единой Книги. «Scala» как раз и есть эта программа. Она позволяет вести учет один раз, рассчитана на 15 языков и 30 валют. Я с чистым сердцем рекомендую данную многофункциональную систему, ибо, несмотря на наличие у наших конкурентов своих программных продуктов, равных «Scala» пока нет.

— А как долго, по вашему мнению, продлится «неконкурентность» «Scala»? И готовы ли вы к тому, чтобы, в случае появления аналогичных или более сильных программ, рекомендовать их вашим клиентам?

— В принципе, «Scala» пришла на рос-

Ольга Петерсон

Директор
Отдел Информационных Технологий

■ Эрнст энд Янг Внешудит ■ Тел.: 297-4155
Москва 103062 297-4099
Подосенский переулок, 20/12 Факс: 297-3607
Телекс: 612130 VNESU SU

сийский рынок не на год-два, а на достаточно далеко обозримое будущее. Мы не заинтересованы в том, чтобы максимально увеличить число проданных программ. Мы хотим заработать за счет качества в обслуживании уже имеющих и появляющихся клиентов. Ведь вместе со «Scala» клиент покупает «Ernst & Young», то есть весь комплекс услуг, включая обучение, консультации, аудит... В четырех представительств нашей компании на территории СНГ — в Алма-Ате, Санкт-Петербурге, Киеве, и здесь, в Москве, мы постоянно обучаем, консультируем и всячески помогаем им использовать «Scala» с максимальным эффектом. Вместе с тем мы готовы и сегодня, и в дальнейшем, в случае появления программ, действительно лучших по характеристикам, чем «Scala», рекомендовать их и вести ту же прикладную и сопроводительную работу.

— Скажите, «Scala» нужна только тем фирмам или организациям, которые по большому счету занимаются коммерчес-

кой деятельностью — на «15 языках и с 30 валютами»? Или она может быть пригодна и для других целей?

— Да. И еще раз да! В том-то и особенность нашей системы, что она многофункциональна. Полиязычность и мультивалютность — это, безусловно, достоинства «Scala», но не единственные. Она нужна всем крупным производителям, особенно в сегодняшней ситуации акционирования и приватизации, хотя бы для того, чтобы верно оценить экономическое состояние своего предприятия. Предположим, если речь идет о КамАЗе или ЗИЛе, «Scala» ответит не только на вопрос о глобальных плюсах и минусах в деятельности того или иного цеха и предприятия в целом, она расскажет еще и о том, выгодно ли вам красить автомобиль именно в этот, а не другой цвет, из каких материалов делать колеса и так далее.

— Раз уж речь зашла об автомобилях, позвольте такой вопрос. Слышал о том, что на лекции на экономическом факультете МГУ вы сравнивали работу менеджера с работой двигателя...

— Действительно, сегодня меняется взгляд на профессию менеджера. Если раньше действовал принцип «босс знает все» и по функции его работа была сравнима именно с двигателем, без которого ни одна деталь не может прийти в движение, то теперь я бы сравнила его действия с «маслом». Это совсем другое качество и другой взгляд на проблему. Я не должна знать все, да и не могу. Я должна так поставить дело, чтобы мой отдел, в данном случае отдел информационных технологий, мог спокойно и четко работать без меня, дав мне возможность заниматься стратегическим планированием и постоянно думать о перспективе, а не увязать в силовых и мелких вопросах, то есть я должна каждого из моих подчиненных научить быть на своем месте тоже менеджером, что, собственно, уже и происходит.

— Значит, недалек тот день, когда вы снова вернетесь на свою вторую родину?

— Наверное, хотя пока «Scala» для меня еще сохраняет место «ребенка», «бэби», требующего уже не пристального, но все же внимательного взрослого взгляда. К тому же, зная о том, что рано или поздно я вернусь в Америку и буду там работать, я испытываю большое желание еще что-либо сделать в России, как раз исходя из новой роли менеджера, о которой я уже говорила выше.

Гостью рубрики расспрашивал В.БАЕВ

Редакция еженедельника «Столица» сообщает:

Товарищество «Криница»

до 15 июня проводит подписку на печатные издания на 2-е полугодие 1993 года и обеспечивает доставку газет и журналов, в том числе и журнала «Столица». Услуги «Криницы» вдвое дешевле, чем услуги почты! Доставка журнала гарантируется точно в срок!

Подписные пункты «КРИНИЦЫ»

- СОЛНЦЕВСКИЙ РАЙОН
Солнцевский проспект, д. 5 (в магазине «Досуг»)
ул. Лукинская, д. 5 (м. «Проспект Вернадского»)
- ДАВЫДКОВО
Славянский бульвар, д. 7, корп. 2 (РЭУ)
- ЯСЕНЕВО
ул. Паустовского, д. 2, 2-й этаж, комн. 3 (РЭУ)
- НОВО-ПЕРЕДЕЛКИНО
Боровское шоссе, д. 19, кв. 4 (депутатская комната)
ул. Скульптора Мухиной, д. 3, подъезд 1
ул. Новоорловская, д.4 (поликлиника № 197)
- ТЕПЛЫЙ СТАН, 9-й микрорайон
Ленинский проспект, д. 127 (школа)
- ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОН
МЖК «Кожухово» (м.«Автозаводская»), комната РЭУ

Научно-производственная фирма (НПФ) «Модуль»

(Южный административный округ)

проводит до 12 июня альтернативную подписку на журнал «Столица» на 2-е полугодие 1993 года по ценам НИЖЕ, чем в отделениях связи.

Журнал будет храниться в подписном пункте до востребования, а жителям и коллективным подписчикам микрорайона «Москворечье» по их желанию он будет доставляться в удобное время.

● Адрес подписного пункта:

ул. Москворечье, д.55, корпус 2 (видеосалон).
По вторникам, четвергам и субботам с 12 до 17 часов.
Тел. 923-74-58 с 11 до 17 часов (НПФ «Модуль»);
189-69-61 с 18 до 21 часа (контактный телефон).

АСТРОЛОГИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА?

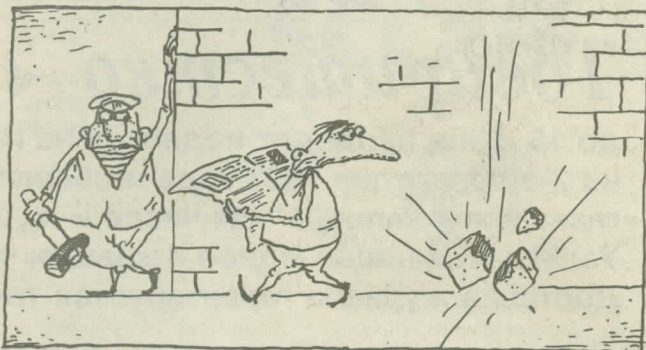
Недавно по телевизору один прорицатель в судейской шапочке заявил: в дальние поездки завтра, дескать, ни в коем случае не отправляйтесь — непременно будет несчастье. А у жены как раз на завтра — авиабилет до Хабаровска. Она, послушав доброхота, очень расстроилась и наотрез отказалась лететь, потому как «самолет разобьется». На возврате билета мы потеряли кучу денег. Самолет же, гадюка, взял да и не разбился. В результате все получилось именно так, как астролог хотел: никто никуда не уехал — раз, несчастье (убытки и скандал) произошло — два.

С тех пор я всецелью гороскопы шибко уважаю и стараюсь их во всем слушаться. Вот, скажем, «Вечерняя Москва» все свои еженедельные прорицания публикует под заголовком «Хотите — верьте, хотите — проверьте». Будет сделано! Проверим. Открываю ежедневник, тщательно записываю все, что со мной произошло на прошлой неделе. Обкладываюсь подшивками газет с гороскопами на ту же, прошедшую неделю. Сличаю.

Первое замечательное открытие: несмотря на известную, мягко говоря, непохожесть «Советской России» на «Куранты», а «Курантов» на «Вечерку», все эти три газеты публикуют практически идентичные прорицания. При этом «демократические» издания космополитично име-

ют эти публикации «восточными гороскопами», а посконно-лапотная «Совраска» — просто «гороскопом», безо всяких там инородных составляющих. В остальном все сходится, вплоть до запятых. Не иначе как из одного масонского центра тексты получают. Но комментарии по этому поводу пусть составляют наши умные политологи...

А я тем временем погружаюсь в уныние. Потому как вижу: плохо живу, неправильно, не по науке. «Труд» мне предрекал: «Неутомимость и желание отличиться во всем, за что бы ни взялись... помогут осуществить многие ваши намерения»; «Российская газета», наоборот, предостерегала: «Не позволяйте безудержному оптимизму оторвать вас от реалий жизни и не спешите принимать серьезных решений». М-да. Насчет «неутомимости» и желания «отличиться во всем» ваш покорный слуга явно дал маху — авитаминоз. «Многие намерения»... Ну картошки накопец-то купил, что-то там супруге по дому помог сделать, по «ящику» приличный фильм посмотрел — этого достаточно, чтоб называться «многими намерениями», или как? И помогли ли мне в их осуществлении «неутомимость» и «желание», которых вроде как не наблюдалось? Слава Богу (или Глобе?), «серьезных решений» действительно принимать не пришлось (решение отправиться на поиски картошки — не в счет), так что «от реалий жизни» я по чистой случайности не оторвался. А то, наверное, случил-

ся бы какой-нибудь страшный катаклизм.

Страшно расстроил «Московский комсомолец»: «Вся неделя хороша для начала ремонта, строительства, перестановок в квартире». Эх, такую планиду профукал! Надо было скоренько дачку строить или там виллу. А я, лопух, даже мебель по квартире не передвигал.

«Советская Россия»: «Значительные затраты пробуют брешь в бюджете... однако они компенсируются деньгами, которые придут примерно 21-го». Какие же у меня были затраты? Ах да: в банке пять долларов купил, во! Но то не очень значительные. А действительно значительные были неделей раньше, когда пришлось в семейное торжество вбухать полполучки. Причем ни 21-го, ни 22-го, ни даже 23-го и вообще до конца недели никакие деньги ко мне не «пришли» (ноги у них отсохли, что ли?). Я, конечно, понимаю, что большая часть фабрично-заводской России гуляет по поводу аванса именно в обозначенные «Совраской» дни. Но в нашем

журнале график выплат, увы, иной. О чем ставлю на вид главному редактору.

Примерно тем же плачевным результатом завершились попытки сопоставить с реальной жизнью и гороскопы моих друзей. Супруге же газеты и вовсе черт-те что напорочили: «Труд» — успехи в организации «массовых мероприятий», «МК» — договоренность с «нужными людьми», «Куранты» — «денежный куш». А «Российская газета» (официоз, называется!) такое предсказала, такое... В общем, семейная жизнь оказалась под угрозой.

Но, по большому счету, это все, конечно, мелочи. Астрологи — они ж как метеорологи: событие предсказывают точно, а ошибаются лишь в дате — иногда. Сказано: снег с дождем — значит, будет снег с дождем. Не завтра, так осенью.

Олег ОСАДЧИЙ, Овен,
жуж Козерога, брат Рака
и прочая, прочая

ЭРНСТА НЕИЗВЕСТНОГО С НОВА ВЫГОНЯЮТ

Сколько нервов, крови и пота стоило представителям многочисленных градостроительных комиссий Свердловской области (и «демократических» и «консервативных») найти общий язык с признанным скульптором Эрнстом Неизвестным! Наконец бывший свердловчанин согласился выполнить для города проект мемориала жертвам политических репрессий. Но то было около трех лет назад. Теперь же многое изменилось...

Забыв о том, что проект

мемориала Неизвестный выполнял на свои деньги, «патриоты» начали считать суммы, выделяемые на строительство памятника из городского бюджета. Стали сетовать на то, что «еврей-неизвестный» на халяву решил увековечить свое имя на уральской земле. А тут еще заговорило и его Высокопреосвященство — архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Мелхиседек: предложенный Неизвестным проект, мол, не соответствует православно-христианской традиции и неканоничен. К этому заявлению Владыки присоединилась и Свердловская областная ассоциация жертв политических репрессий.

В общем, не на шутку взбунтовались «патриоты». А вместе с ними — гвардия верующих бабушек и дедушек. Неизвестный же тем временем отвечает Владыке: «Монументы не обязаны следовать церковной культуре» — и ждет обнадеживающих вестей от главы администрации Екатеринбурга.

Олег ДУЛЕНИН

«ПОПНЕППИНГ» ВМЕСТО КИДНЕППИНГА

Двое суток краснодарская милиция совместно с сот-

рудниками госбезопасности и при участии храбрых казаков разыскивала священника Свято-Ильинской церкви отца Тихона. Дело в том, что святой отец неожиданно исчез и по Краснодару поползли слухи о его похищении. Похитители священника якобы требовали за него крупный выкуп.

Таинственных преступников так и не обнаружили. Зато объявился сам отец Тихон, живой и здоровый. Все это время он сажал картошку на своем загородном участке. А шум о его пропаже подняли «заботливые» родственники.

Дмитрий ЕРМАКОВ

ДЕПУТАТЫ ЗАБАВЛЯЮТСЯ

Миллион раз написал одно и то же слово — «Sony» — житель города Волжского Сергей Морозов — депутат горсовета и директор коммерческой фирмы. Морозов предъявил прессе плоды своего титанического труда — кипу листов, исписанных от руки названием знаменитой японской фирмы, и натруженный до мозолей палец.

Свое необычное хобби депутат объяснил просто: он надеется, что его имя будет вписано в Книгу рекордов Гиннеса, а фирма «Sony» выплатит ему гонорар за рекламу, адекватный проделанной работе, — по доллару за слово.

А что? Не самое глупое занятие для народного избранника. В Москве бывает хуже.

Валерий ЦЫГАНКОВ

ТАЛАНТ «НА ЗОНЕ» БОЛЬШЕ ЧЕМ ТАЛАНТ

На Урале, в городе Соликамске, есть знаменитая зона — УТ-389/9. Тамошние заключенные делают мебель высокого качества. И не только мебель: подарочные шахматы, иконостас — пожалуйста. Недаром эту зону так любят посещать высшие милицейские и государственные чины. Заказ — дело тонкое...

А вот возглавляет учреждение философ и поэт, полковник внутренней службы Александр Тарасов. У него особый взгляд на значение исправительно-трудовых учреждений. «Талант, — утверждает Тарасов, — лучше всего раскрывается в местах лишения свободы. Вспомните Солженицына или Туполева. Что бы они делали на свободе?! Так же и наши подопечные: мебель, которую они изготавливают, не уступает импортным образцам».

Очевидно, многолетнее общение с одаренными зэками так повлияло на Тарасова, что он на досуге стал писать стихи. Одно из них заканчивается так:

*Может, стоило мне не
писать,
Промолчать, стиснув зубы
на вздохе,*

*Да уж очень хотелось
сказать,
Что проблема не в нас,
а в эпохе.*

Н.Н.

А НОМЕР ТЕЛЕФОНА ИМ НЕЗАЧЕМ ИСКАТЬ...

Борясь за культурный облик Челябинска, городская администрация приняла постановление о едином стандарте внешнего вида коммерческих киосков. Любопытно, что в этом документе есть пункт, обязывающий владельцев киосков иметь на виду трафарет с указанием названия фирмы, фамилии ее руководителя и номера телефона. В какой-то мере это позволит покупателю защищать свои права; городские власти, в свою очередь, будут знать, с кого спросить за чистоту территории. Но вот фамилии и телефоны — это другое дело. Для рэкета, прямо скажем, подарок судьбы. Впрочем, в городской администрации сообщили, что, так и быть, первое время трафареты будут извещать лишь о названии фирмы.

Виктор ЗОЛОТУХИН

ЧЕРНЫЙ ВОРОН, ЧТО ТЫ ВЬЕШЬСЯ?

С приходом весны у властей Красноярского края прибавилось проблем зоологического характера. Оглодавшие и расплодившиеся

в невероятных количествах волки чинят форменный беспредел: в клочья рвут домашнюю скотину, не брезгают собаками. Недавно крупная стая хищников устроила настоящую многочасовую осаду скотного двора в селе Погодаево Енисейского района. Охотоведы предупреждают: скоро волки начнут нападать на людей. Еще три-четыре года назад охотники регулировали численность стай, отстреливая с воздуха более тысячи хищников за сезон. Теперь же, когда эксплуатация вертолетов ощутимо подорожала, заметно сократился и отстрел — не более сотни за год.

Не отстают от волков и вороны. В некоторых городах края они уже извели всех воробьев и голубей, стахановскими темпами уничтожают певчих птиц в лесах. Ворон сейчас попросту никто не отстреливает, поскольку отменена давняя охотничья льгота — три «премиальных» патрона за голову каждого убитого пернатого хищника. А палить за просто так при цене каждого заряда в четверть сотни рублей — дураков нет.

Борис ЯРОВ

ЗА СВЯЗЬ БЕЗ БРАКА!

Жительница Казани Сююмбека Латыпова получила письмо от сестры из Кукмора. Обычное письмо, в котором ее родственница сообщает, что дома все в порядке, дочка Лилечка ходит в первый класс и ей на днях исполнилось восемь лет. Сююмбека Исламовна решила, что это, наверное, розыгрыш — ведь Лилечка давно окончила медучилище и сейчас учится уже на третьем курсе медицинского института. Не тут-то было: изучив штемпель, изумленная гражданка выяснила, что письмо шло к ней... пятнадцать лет. Тринадцатого декабря 1978 года оно было отправлено из Кукмора, на следующий день зарегистрировано уже в Казани, а в почтовый ящик адресата попало лишь 15 апреля 1993 года. Большие шутники работают на наших почтамтах!

Элла РЫЛОВА

ЗАКОН — ТАЙГА. ВОЕНКОМ — ХОЗЯИН

Что только не удумывает наш народ, чтобы улизнуть от армии! Но матросу Тихоокеанского флота Игорю В. ничего и не надо было придумывать: утомившись службой, он пришел наконец в штаб и сознался, что не может ни читать, ни писать, ни считать. И даже не может расписываться.

Многочисленные тесты и проверки показали, что матрос не притворяется. Да и что было притворяться, если образование у него — один класс. А в армию из далекого таежного села он попал благодаря необычному усердию работников военкомата.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

«ГЛОБАЛЬНАЯ» ОЧЕПЯТКА

Реклама, как известно, — двигатель коммерции и вообще штука нужная. Казанская страховая фирма «Талисман» сделала широкий жест и разместила свою рекламу не где-нибудь, а в солидном лондонском издании «Глобал». Так сказать, вышла на международный уровень. Недавно фирма получила экземпляр журнала и счет. И все бы ничего, если бы вместо любимого и родного «Талисмана» не красовалось бы под текстом объявления какое-то чуждое название: «Рыбак». Видать, сотрудники тамошнего отдела рекламы напутали что-то с переводом. Председатель правления акционерного общества отказался оплачивать предъявленный счет. Более того, намеревается подать на англичан в суд за жестокий удар по имиджу фирмы.

Э.Р.

Николай
ПОПОВ

АВАНТЮРНЫЙ СОМАН

«Дойчланд, Дойчланд,
юбер аллес»
подумала Рита и...

В общем, дураки бывают разные. Нет, вот вас, уважаемая шляпа, попрошу пока с места не вставать, вас не вызывали. Мне пришлось бывать дураком всяких разновидностей, кроме одной. Я воевал с учителями, убежал из дома, служил в армии, работал репортером в ежедневной газете, женился, судился и разводился — словом, избавлялся от душевного спокойствия и денежных излишков всеми доступными способами. Но одну роль, для которой требуется шутовской колпак с бубенцами, я не играл никогда: я никогда не был Игроком, Делающим Ставку Больше Чем На Десять Копеек. Именно так, с семью заглавными буквами!

А она... Рита В., бывшая журналистка агентства «Студинформ», студентка-вечерница журфака МГУ, 22 года, кожа цвета белых клавиш новенького рояля, волосы уложены по-медузогорновски, носик... губки... шея... попка... По гороскопу Телец, если вы верите в гороскопы.

Мечты и звуки. Здесь

Ульрих. Рита потом перекрестила парня в Ульяна. Красив, богат, к тому же наполовину (по матери) француз. Собственный двухэтажный 30-комнатный дом-особняк в Баден-Вюртемберге, три авто, разъезды по свету по делам электронной фирмы.

Конечно, когда он пригласил Риту на танец, а потом в гостиничный номер, приняв ее за стандартную девицу в этот час в этом диско-видеобаре «Люкс» внутри гостиничного комплекса «Измайлово», она согласилась лишь на первое, причем согласилась на сносном немецком. Вообще-то большинство тамошних девочек пацется в «Люксе» уже много лет в ожидании такого шанса, но у них, видимо, на лбу написано, что живут они в Капотне и работают парикмахершами. Рите выпал шанс с первого раза. Она понравилась.

Ульяша живо интересовался Ритиной работой, а когда узнал, что она журналистка (!) в информационном агентстве (!!), — восторгался его не было предела. «Я уж не стала разъяснять ему детали», — улыбається Рита.

Он знакомит девочку с друзьями, водит по валюткам, в «Совинцентр». Парень горит и плавится. Через неделю бурное объяснение в любви и первый секс. Через месяц налаживаются регулярные встречи два раза в неделю.

Первый визит Ульриха в Ритину двухкомнатную малагабаритную квартиру закончился sacramentalным восклицанием немца: «О, Рита! Здесь ты живешь?!» После этого мираж будущего гнездышка в Бундесе* становится для нее почти осязаемым. «Покажи мне свою комнату, любимая!» Комната как комната. Где с дивана можно пройти сразу в шкаф, оттуда на стул, со стула снова на диван. Пейзаж московского двора за окошком соответствующий. Здесь мы живем, милый Ульрих...

В общем, все было очень мило. До декабря (а познакомились ребята в августе) была только одна ссора. Ну, с одной его девицей в коридоре «Измайлово» столкнулись. Она, как Уля объяснил потом, была до Риты и теперь подкарауливала его везде.

«И вообще, ты должна мне доверять!» О, разумеется. Зато с какой пылкостью Ульрих принял в дар Ритину фотографию! На фото она была в красивом платье в немецком стиле.

А 2 декабря у Ульяши истек срок

контракта с фирмой. Дальше Шереметьево-2, долгие проводы, обещание в конце января приехать снова, продлив контракт на два года. В отношении остального, правда, ничего конкретного. И на том спасибо.

Телефонные звонки из Бундеса все реже и реже. Рита бросается в омут нового любовного романа с одним студентом-художником без жилплощади. Его родителям не нравится она, ее родителям не нравится он, ребята снимают квартиру и живут впроголодь... В России наступает весна, а за ней и лето. Классика.

Читайте «МК». Здесь

Скучно. Аж скулы зевотой сводит, не правда ли? Ну потерпите, сейчас действие пойдет поживее.

Роковую роль в жизни нашей знакомой сыграл «Московский комсомолец». В конце апреля некая российско-германская фирма «Янсен и Хек» дала рекламу о наборе девушек в школу фотомоделей. Ура газете: она попала Рите вовремя. С художником к тому времени она таки рассорилась, нигде не работала и почти не училась. А тут — шейпинг, сауна, этикет, макияж, два месяца и восемьсот рублей, устройство на престижную работу...

Почему бы и нет? Вы знаете немецкий язык? В таком случае поговорите с боссами, они предложат вам работу прямо сейчас. Гутен таг, меня зовут Виктор, а это мой брат Якоб Янсен. Гражданин ФРГ с пятилетним стажем, сами, правда, из Ананы. Не хочет ли фройляйн поработать в бюро по переводам в Оффенбурге? Ия, ия, это в земле Баден-Вюртемберг.

О, майн гот! Это же родной городок милого Ульриха, подумала она.

Только учтите, что работа нелегальная, мы сделаем вам вызов по приглашению. Вы будете переводить на немецкий все документы эмигрантов из России за 50 марок в неделю. Минимальный срок контракта — три месяца, а там уж как понравится. Дорогу туда вы оплачиваете сами...

Черт возьми, надо ехать!

Не хочет ли фройляйн выпить чашечку кофе сегодня вечером в баре, познакомиться с нами поближе? Разумеется! Потом Рита и два брата-акробата поднимаются в гостиничный номер все того же, кстати, «Измайлово», чтобы продолжить приятную беседу.

...Это был мерзкий грязный групповой секс с вдребезги набухавшей россиячкой. Проснулась Рита, правда, в отдельной постели номера «люкс». Ее кормят в ресторане и отвозят домой. Попутно выясняется, что Янсены по основному профилю занимаются перегонкой и продажей ав-

томобилей из Германии сюда. Но это, в сущности, для Риты не так важно.

С помощью анапской мафии выездные документы удалось оформить в рекордный срок. Беготня по ОВИРамам заняла всего полтора месяца.

— Нет, не думай. Я не хотела повиснуть у Ульриха на шее — просто встретиться, не более. Да — да, нет — нет. В конце концов я в Германию работать ехала, в языке практиковаться. Думаю, если у нас там что-то не сложится, останусь в этой фирме...

Рита-гастарбайтер. Там

И вот утречком, ясным субботним утречком, с поезда Москва—Лозанна в Оффенбурге сходит на перрон это очаровательное создание с двумя чемоданами шмоток, тридцатью тремя долларами и энтузиазмом под завязку. Быстро ориентируется в сопливом городке, наводя ужас на бюргеров: девушка пешком (!), с чемоданами (!) пытается найти какую-то Фейхершейхерштрассе, говоря при этом с жутким акцентом.

Поселили ее братья Янсены в одной комнате со Светой, из той же Анапы. За выходные Рите дали освоиться, она познакомилась с женами и детьми своих боссов. Местом работы оказался дом напротив, где стоял компьютер и валялись горы чьих-то трудовых книжек, дипломов, свидетельств о браке-рождении-смерти, анкет, автобиографий — словом, весь набор серпасто-молоткастых документов, за юридически корректный перевод которых на немецкий эмигранты отстегивали Янсенам дойчмарки. Официально в их фирме числилась лишь одна переводчица, у которой было соответствующее разрешение на работу, личная печать и т.д.

Ею-то Янсены и пользовались, заверяя нотариально работу нелегальных гастарбайтеров — Риты и Светы. Рите сразу было сказано, что пока она не выполнит норму, она с рабочего места отлучиться права не имеет. В дальнейшем, если все пойдет хорошо, ей обещали и частичную оплату за то, что она сделала сверх нормы. Практически это означало 12—13-часовое ежедневное (без выходных) просиживание за мерцающим дисплеем. Позвонить домой или в город не разрешали — это дорого и ни к чему, мол. Единственный раз за все время работы Риту вывели (!) в город в магазин за покупками, на следующий после приезда день. И, под предлогом обмена на марки, забрали ее 33 доллара — все, что она смогла скопить в «совке». Правда, кормежка была казенная и вполне сносная.

Нет, Рита, конечно, догадалась незадолго до отъезда позвонить маме

*Bundesrepublik Deutschland—
Федеративная Республика Германия. —
Авт.

Ульриха (другого телефона у нее не было) и сказать, что, мол, она скоро приедет к любимому. На следующий день Рите позвонил и сам Уля, долго говорил и много шутил. Только потом Рита узнала, что Ульрих приходил по названному ей адресу переводческого бюро и требовал встречи с ней, но Янсены начисто отрицали, что девушка находится у них.

Света оказалась неплохой, в общем-то, девчонкой. Она была чуть постарше Риты, приехала вместе с Виктором Янсенем из России на машине, любила рассказывать трогательную историю, как они ночевали в гостиницах, она — на диване, Витя — на полу. И вообще, по ее словам, получилось, что бы ни сделали хозяева — они правы, а она сама и Рита — виноваты. Любила «стучать» на подругу братьям, да и была в более привилегированном положении, так как жила в Оффенбурге дольше и норму выполняла.

В свободное от работы время (а оно все-таки оставалось) делать Рите было решительно нечего.

На четвертый день я поняла, что еще немножко — и я хлопнусь голоушкой вниз с этого очаровательного балкончика. Руки от бесконечного печатания дрожали, глаза начали слезиться от компьютера. Я находилась в перманентном ожидании пинка, не знала только, от кого и за какую провинность он последует...

Дело ясное, что дело темное, и надо было что-то предпринимать. Чтобы хотя бы не свихнуться окончательно.

Шанс представился. Ближе к вечеру Рита, как обычно, сидела на работе (девушки работали посменно), к ней заскочила напарница: «Ты знаешь, Якоб пригласил меня в ресторан, так что держи ключ, домой сама пойдешь».

Ошалевшая от такой свободы Рита немедленно звонит в город Ульяновской маме (Улечке, конечно, на месте не оказывается), срывающимся голосом пытается объяснить, что долго говорить она не может, и назначает встречу с Ульрихом у подъезда своего дома... в полночь. Рассчитала верно: эти двое из ресторана раньше двух вряд ли вернутся, Виктор часам к одиннадцати уйдет к себе, старуха-экономка уже будет храпеть, сам Ульрих с работы вернется и узнает о месте и времени свидания.

Угадайте, что было дальше. Встретились они или нет?

Буря и натиск. Там

К двенадцати часам ночи к дому внезапно подкатывает микроавтобус, за углом останавливается другой, такой же, — оба полны ребят в

кожанках. Хлопают открываемые дверцы, оттуда вываливаются молодые парни, человек пять. Рита вскакивает, видит вылезавшего из машины Ульриха в кожаной униформе с портативным автоматом наперевес и впервые в жизни падает в обморок.

Ульяша, когда Рита ему еще из Москвы, по телефону, про школу фотомоделей сообщила, сразу понял, чем дело пахнет. И приехал с товарищами спасать свою Джейн из лап Кинг-Конга. А по дороге девушка выслушала трогательную историю, как ее милый немец разыскивал суженую по борделям весь последний месяц, и единственной иностранкой, которую он там обнаружил, была некая мисс Райф, филиппинка.

— Ульрих, я к Янсенам больше не вернусь...

— Ия, ия, любимая! Все будет окей! Ох, как хочется мне здесь написать что-нибудь вроде «они поселились в замке с балконом на море и жили долго и счастливо»! Мне почему-то кажется, что, будь Ульрих российским миллиардером, так бы и вышло, ребята бы рассудили, что Бог их свел, послал такие приключения. Но Улечка был немец, и, несмотря на свой кожаный прикид, законопослушный немец.

Рита по наивности думала, что они едут в микроавтобусах к Ульриху домой, затем он встретится с Янсенами и «договорится» насчет нее (выкупит или еще как...). А приехали они в веселое здание напротив ратуши с надписью «Криминальная полиция».

В полиции девочку начинают раскручивать, Ульяша делает заявление о поправлении прав человека в фирме «Янсен и Хек», Риту фотографируют анфас и в профиль, снимают отпечатки пальцев (эти жуткие чернила с ладоней оттирали потом тряпочкой вдвоем с дежурным полицейским)... А тут еще вот какая механика попутно выясняется: в Бундесе нелегальной работой считается только та, которая оплачивается по средним расценкам, существующим в этой стране для немцев. Если же гастарбайтеру платят намного меньше (а 50 марок — это пара блоков сигарет) — пожалуй, ста, работай. Арийцам ты не мешаешь (они-то себя ценят выше, а наниматель заплатит небольшой штраф). Поэтому весь криминал в Ритином случае состоял в «негуманном обращении» с нею, что еще требовалось доказать. В Германии, правда, привыкли верить на слово потерпевшим гораздо больше, чем в «совке».

Ульриха отправили домой, девочку оставили в полиции. Усадили в машину с зеленой полосой и мигалками, отвезли к Янсенам на разборку произошедшего, требовали вещи постра-

давшей. Оказалось, что из ее сумочки пропали куда-то не только деньги, но и загранпаспорт с визой и обратный билет, который Рита купила еще в Москве.

Янсен-старший заявил полицейам, что документы хранятся у него дома, процессия выехала к братьям домой. Там возмущенные жены Виктора и Якоба чуть не растерзали Риту-стукачку. Она их, правда, успокоила кратким рассказом о том, как хороши их мужья были в постели, и женщины остыли. Билет и документы отдали. И что дальше?

Под защитой Закона. Там

А Германия, надо вам сказать, страна ну просто зверски гуманная. Если гражданин, вызвавший из-за границы кого-то, отказывается от его содержания (или не может приглашенного содержать, как это случилось в Ритином случае, все расходы на определенный срок берет на себя государство, точнее, муниципалитет города. Правило тут одно: если в визе стоит штамп «без права работы по найму» — человек работать не имеет права и ему назначается пособие. Кроме того, государство нанимает и жилплощадь для его временного проживания, давая пришельцу некоторый срок либо для нахождения нового «богатенького Буратино», либо для того, чтобы созрело решение покинуть страну.

Риту поселили в уютенькой комнате на верхнем этаже особнячка с доброй старой немкой-хозяйкой и пивным баром внизу. Пособие обеспечивало лишь прожиточный минимум (среди сотен турчанок, получивших его, Рита была единственной белокожей, что повергло их в изумление). Время от времени девушку дергали в полицию для уточнения показаний. И все. Абсолютное безделье. Чужая земля, чужие люди. Чужой закат чужого солнца, которому абсолютно все равно, когда на него часами глазеет девушка, сидя на широком подоконнике с сигаретой. Часов, кстати, у Риты не было, время слилось в одну непрерывную линию.

А Ульрих? Э-эх... Ритка в полиции ведь все уши дежурным прожужжала про свою безумную любовь. Один парень даже вспомнил слово «декабристы», к которым жены в Сибирь приезжали. А из этой девчонки декабристка хреновая вышла. Как только Рита определилась с формальностями, она позвонила, конечно, Улечке. Мол, меня отпустили, приезжай-забирай. Ульрих ответил, что... отбывает завтра во Францию по делам фирмы и у него нет времени. Возиться с россиячкой он не захотел.

— Если б я знала, что все так полу-

чится... Зачем он врал, что живет один, зачем затевал этот театр с автоматчиками? Жила бы я у Янсенов и никогда бы не побежала к нему. Если б знала...

В его немецком понимании справедливость восторжествовала — и баста. Ульяша терпеливо объяснил, что если Рита за эти недели умудрится выскочить замуж за немца, то сможет остаться в Германии навсегда, так как получит право работать. А если нет — то уж нет.

Дня три Рита отходила душой от всех событий, запершись в комнате. Затем потихоньку стала вылезать на улицу, шокируя окружающих (жители Оффенбурга передвигаются только на автомобилях или велосипедах, пеший человек для них — белая ворона). Вечера просиживала в барах и пивнушках — на людях. Никого и ничего Рите больше не хотелось, она отдалась на волю волн и просто плыла по течению.

Пару раз кривая вывозила девочку на каких-то мужиков. Сперва она примкнула к тусовке трех студентов, путешествующих в каникулы по стране. Ходили вместе по кафешкам, на пляж в городской парк, россиянка рассказывала парням захватывающие истории про свои приключения, про Россию. Но как только один из мальчиков стал уж очень откровенно лезть куда не следует, с ними пришлось расстаться. И вернуться в опостылевшую комнатку с огромным окном и широким подоконником.

Второй раз Риту легко снял какой-то лысоватый бюргер с бегающими глазами. Предложил отдых на природе, за городом. Почему бы и нет?

Только отъехали от Оффенбурга, потом пошло интернациональное: «Ну че ты ломаешься?» Рита рассудила здраво: мужик явно не совсем нормален, руки трясутся, глазки бегают, заикается...

Словом, после десяти дней такого существования Рита решает плюнуть на Бундес и вернуться в Москву. Пожилые немки, ежедневно тусующиеся в баре в этом же доме и переживающие за бедную русскую девочку, обманутую и покинутую, скидываются и дарят ей напоследок, в дорогу, аж 50 марок. Хозяйка прощает Рите долг за кормежку. Провожают со слезами на поезд Лозанна—Москва, и Рита едет. Голодная и счастливая.

Здесь

— Алло, алло, папа! Ты только не пугайся... Нет, я не от Ульриха. Я с Белорусского вокзала...

P.S. Фирма «Янсен и Хек», дававшая рекламу в газете «Московский комсомолец», погорела на торговле оружием и наркотиками спустя год после описываемых событий.

ПРЕДЛАГАЮ

Классическое преподавание у-шу, цигун.

Ул. Вешняковская, д.17.
Тел. 375-02-02.

Организовываю выездную торговлю ТНП (весенне-летний ассортимент) на предприятиях и в организациях. Цены значительно ниже рыночных.

Тел. 164-59-67, после 19 часов.

Грузоперевозки.

Тел. 405-01-02.

Предлагаю несложную работу на дому. Оплата в весьма выгодной для вас форме. Письмо и конверт с обратным адресом выслать по адресу: 330015, Украина, г.Запорожье, Б.Бельфорский, 6, кв. 28. Шиманаеву В.П.

Фольклорный ансамбль «Карагод» предлагает сотрудничество всем заинтересованным лицам.

Тел. 438-31-87.

Настройка пианино, роялей. Цены умеренные.

Тел. 438-31-87.

Лингфонный курс англ. яз. Срок обучения — 2 месяца. Гарантируется овладение навыками разговорной речи.

Тел. 208-15-54. Звонить с 9.00 до 15.00.

Грузовые перевозки. ЗИЛ-130 с тентом.

Тел. 276-04-56.

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии.

Тел. 319-68-72, 909-43-42.

Кабинет биоэпиляции.

Тел. 190-29-71.

ЗНАКОМСТВА

Мне 40 лет. Ищу интеллигентного мужа.
Тел. 264-57-00, с 18.00 до 22.00.

Хочу познакомиться с девушкой 15—16 лет, желательно ростом 1,15 см. В конверт положить свою фотографию.

416365, Астраханская обл., Икряненский р-н, пос. Мумра, ул. Набережная, д.7, Огнев И.А.

Ищу опору в жизни в лице одинокого, надежного, немеркантильного мужчины до 48 лет (рост от 172 см), серьезного, материально и жилищно независимого, желательного имеющего дом или дачу в ближайшем Подмосковье. О себе: 40 лет, рост 162, вес 62 кг, моложава, симпатична, одинока, имею 2-комнатную квартиру, интересы разносторонние.

Писать: 129282, Москва, до востребования, Альшевой О.В.

Эффектная, энергичная, моложавая вдова 50 лет (рост 160 см, вес 60 кг), желает познакомиться с интеллигентным мужчиной до 55 лет (рост 175 см), любящим садово-огородные работы.

Адрес: 125083, Москва, до востребования, Жучковой Н.Д.

ПРОДАЮ

Продаю ХТ, принтер «Epson» и др.
Тел. 235-02-49, 235-28-98, Алексей.

Продаю мотоцикл немецкой фирмы «Цюндапп» 1938 года выпуска, недорого, для восстановления, фисгармонию «Элеан Гранд» — завод Циммермана, выпуск 1868 года.

353900, Краснодарский край, г.Новороссийск, ул. Смоленская, д.45, Гайдук И.И.

Продаю 3-комнатную изолированную квартиру недалеко от метро «Электрозаводская».

Тел. 144-96-18, с 9.00 до 17.00.

Продается пианино «Рига» в хорошем состоянии.

Тел. 333-17-31.

Продаю 4-комнатную изолированную квартиру на улице Неждановой.

Тел. 360-81-37, с 9.00 до 17.00.

Продаю однокомнатную квартиру в городе Химки.

Тел. 292-47-08.

Продается стиральная машина мини-«ЗВИ» в упаковке.

Звонить с 11.00 до 17.00.

Тел. 921-15-10.

Продаются клубные щенки немецкой овчарки с отличной родословной.

Тел. 183-66-23.

Продаю клубных щенков немецкой овчарки.

Тел. 495-71-81.

Продаю хинкалины — импортный биостимулятор.

Тел. 928-83-40.

МЕНЯЮ

Меняю двухкомнатную квартиру в р-не метро «Преображенская площадь», 6-й этаж 9-этажного дома, общая площадь 44,8 кв.м., комнаты изолированные, на двухкомнатную квартиру большей площади в кирпичном доме в юго-западных районах, с доплатой от 2 до 3 млн. руб.

Тел. 955-44-71.

Меняю 3-комнатную квартиру, 39 кв.м., комнаты изолированные, кухня 6 кв.м., коридор 10 кв.м., с/у раздельный, паркет, балкон, встроенные шкафы, 5 минут от метро «Новогиреево», на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами и комнатой.

Тел. 303-67-13.

КУПЛЮ

Куплю однокомнатные квартиры рядом с метро.

Тел. 144-96-18.

Куплю малогабаритные 2-комнатные квартиры рядом с метро. Первый и последний этаж не предлагать.

Тел. 144-96-18.

Кирилл РЫБАК

СЖЕЧЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕРАБОТАТЬ

Свалка вышла из моды. Отписались, отснялись, отахались. Насладились неповторимыми ароматами и тихим ужасом публики. Деятели отечественной культуры и отечественные же журналисты прошли в этом направлении длинный путь: от историй про «грязные» деньги до баек про мутантов, от живописания «свалочных» бидонвилей до глобальных обобщений (мол, вся Россия — одна громадная помойка, а мы на ней вроде приживал-бомжей). На сем успокоились. Помойки же остались. И мусора не стало меньше.

Одна только Москва «производит» ежегодно два с половиной миллиона тонн твердых бытовых отходов (да еще шесть с половиной миллионов тонн — промышленных, но про них разговор особый). Куда все это богатство девать?

Подмосковные «полигоны» (свалки, свалки, чего уж там!) закрываются, устраивать новые — местное население не позволяет... «Выход один — строить мусоросжигательные заводы. Прямо в городе» (из интервью руководителя департамента инженерного обеспечения правительства Москвы А.С.Матросова журналу «Столица», № 49 за 1992 г.).

ЧЕРНАЯ ПАПКА

«Вот. Тут вся история, — Александр Сергеевич Матросов раскрывает пухлую черную папку и начинает перебирать документы. — Письмо на имя Павлова, на имя Силаева, на имя Ельцина. Вот — Нечаеву, Гайдару, Хиже, Черномырдину... Характеристики заводов. Техничко-экономическое обоснование. Гарантии правительства. Гарантии Внешэкономбанка... Целая эпопея».

Эпопея началась в 1989 году, когда столичные власти сообразили, что постоянно растущая гора отходов рано или поздно похоронит мегаполис.

Александр Сергеевич МАТРОСОВ

Потом Гавриил Попов публично пообещал очистить Москву от мусора. Потом эти обещания повторялись не раз и не два. При этом подразумевалось: очистить — значит спалить.

Три мусоросжигательных завода (именуемых официально «спецзаводами») в городе уже имелись. Работали они, правда, из рук вон плохо: их пикетировали «зеленые», демократы и сердитые бабушки, их закрывал Госкомприроды, мусор туда завозили чуть ли не тайно и сжигали все больше под покровом ночи — чтобы скрыть от нервного населения ядовитые выбросы в атмосферу. Нет, так, конечно, жить нельзя. Тут потребны современные технологии, передовое оборудование. И еще — опыт «цивилизованных стран» — куда ж без него.

Сколько человеко-дней провели в изматывающих заграничных командировках по этому вот поводу столичные руко-

водители — в Италии, Германии, Франции, того, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать. Многократные парижские вояжи Сергея Борисовича Станкевича, удивительно глубоко вникнувшего в проблему мусоропереработки, вообще прочно вошли в устное народное творчество.

Но рано или поздно все приходит к логическому завершению. Не зря начальники ездили, не зря письма писали. Сегодня уже «цели ясны, задачи определены». Значит, так. Всего в Москве откроют двенадцать заводов, каждый из которых будет способен уничтожить по 250 тысяч тонн «сырья» ежегодно. Определены даже четыре строительные площадки — в промзонах Руднево, Котляково, Очаково, Бескудниково.

Столичное правительство, разъяснили мне, находится в глубоком цейтноте: имеющиеся в наличии «полигоны» вот-вот окажутся переполненными. Времени на проектирование собственных заводов нет, поэтому первые предприятия решено купить за рубежом — во Франции, в Германии и, возможно, в Италии. Два контракта уже подписаны, дело на мази — скоро начнется отгрузка оборудования. Оплата — за счет кредитов «на реформу», которые дают России сердобольные иностранцы: 100 миллионов франков — за французский завод «Кним», 108 миллионов дойчмарок — за немецкий «Хельтер». А остальные предприятия будут, видимо, строиться уже по отечественным проектам, но на базе импортных идей.

В целом программа «тянет» на многие-многое миллиарды рублей. «Но эти миллиарды для нас — отнюдь не потерянные, — утверждает Матросов, — каждый из заводов окупится максимум за десять лет. Ведь экономится огромное количество мазута, дизтоплива, освобождается транспорт, разгружаются свалки. Если же кондиционировать мусор, предварительно извлекать из него негорючие фракции, то предприятия начнут приносить прибыль уже через пять лет эксплуатации. Вообще, во всем мире мусоросжигательные заводы весьма прибыльны. Там их принято рассматривать как тепловые станции на нетрадиционном низкокалорийном топливе. Причем они ведь не только энергию производят. Вот, скажем, «Хельтер» предлагает нам установку,

на которой из продуктов сгорания — шлаков, золы — можно получать первокласный цемент».

Рядового обывателя, конечно, в первую очередь волнует не столько дешевая энергия и цементное изобилие, сколько возможность дышать чистым (в Москве, впрочем, это слово звучит как насмешка) воздухом. Александр Сергеевич успокаивает: «Экологически эти заводы чище любой тепловой электростанции. Доля их выбросов в городскую атмосферу составит не более 0,3% (а автотранспорт, например, дает 70%). Предусмотрена трех-четырёхступенчатая газоочистка, отвечающая самым высоким требованиям. Так что повода для беспокойства нет никакого. Все западные страны прошли этот путь. Значит, придется и нам».

«Эти предприятия, безусловно, очень нужны городу, — считает председатель Москомприроды Анатолий Гаврилович Ишков, — впрочем, программа московского правительства разработана пока лишь в общих чертах. Во всяком случае, наше ведомство проследит, чтобы в Москве не было построено ни одного устаревшего, ни одного экологически вредного мусоросжигательного завода. Требования будем предъявлять очень жесткие — на уровне международных стандартов».

Первый завод вступит в строй года через два-три. А к 2010 году, с завершением программы, проблема московских бытовых отходов будет, по словам Матросова, полностью решена: «Вы к тому времени постареете, а я уже уйду на пенсию...»

ОБЫКНОВЕННАЯ ТРЯПКА

Давно замечено, что передовые достижения западной мысли (будь то кибернетика, рок-н-ролл или одно-разовые стаканчики) на нашей почве внедряются не только с большим опозданием, но и как-то так... Шиворот-навыворот. То же и с мусоросжигательными заводами. У них первое такое заведение открылось еще в 1870 году — в Лондоне. У нас «крематории для отходов» стали строиться лишь при Брежневле — в Москве, в Сочи, в Мурманске, во Владивостоке, в Пятигорске, в Киеве, в Харькове, в Батуми — все на импортном оборудовании. Часть из этих заводов так и не была пущена в строй, прочие же не столько уничтожали продукты нашей

Лазарь Яковлевич ШУБОВ

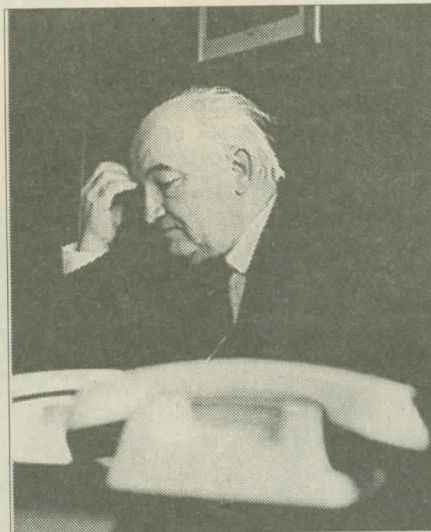
жизнедеятельности, сколько плодили скандалы и портили воздух. Коварные чужестранные железяки решительно отказывались принимать советское сырье.

«Мусоросжигание — это ведь не просто: привезли-спалили, — говорит заведующий сектором сепарации отходов НИИ ресурсосбережения Лазарь Яковлевич Шубов, — термическая обработка — лишь часть комплексного процесса переработки отходов. Без предварительной сортировки мусор сжигать нельзя. На Западе ведь как? Один пакет — для бумаги, другой — для консервных банок, третий — для пищевых отходов и так далее. У нас — все сваливают в один бак, да еще с завода что-нибудь туда подбрасывают. Бак стоит сутками под открытым небом, под дождем. Поэтому влажность и теплотворная способность отходов — непредсказуемы, морфологический состав колеблется совершенно произвольно. Мусор плохо горит — так было в Москве, так было в Сочи. Нельзя, понимаете, нельзя внедрять в России западные технологии без учета местных условий. Даже самая современная импортная мусороперерабатывающая линия у нас откажет, если ее соответствующим образом не переоснастить. Бросьте в эту установку обычную тряпку — через час забьются барабанные грохота, молотковые дробилки — все остановится. Примерно то же самое случилось в свое время с линией компании «Кним» на московском «спецзаводе». Все оттого, что в европейском мусоре текстиля практически 0%, а в российском — 6%».

Руководители коммунальных служб

сами признаются, что покупают заводы на Западе не от хорошей жизни, а ввиду дефицита времени. Иными словами — впопыхах. Где уж тут умом понять, аршином измерить, а тем более наладить сортировку отходов в жилых кварталах! Вряд ли москвичи будут в восторге, если власти вдруг заколотят мусоропроводы и обяжут жильцов складывать мусор в пакетики (а где, кстати, пакетики взять?): стекляшку — к стекляшке, бумажку — к бумажке, железку — к железке. Манифестация протеста, полагаю, будет посильнее не только «Фауста» Гёте, но и митингов в поддержку президента.

И вообще, так ли уж безусловно прогрессивны и абсолютно безопасны те итало-франко-германские разработки, которые выбрало московское правительство? Слово — ди-

Виктор Николаевич ЛЕБЕДЕВ

ректору НИИ ресурсосбережения профессору Виктору Николаевичу Лебедеву: «Во всем мире мусор сейчас гнут — это так. Но скоро, видимо, жечь перестанут. В прошлом году ЮНЕСКО провел в Рио-де-Жанейро весьма представительный, на уровне глав государств, международный конгресс по экологии (российскую делегацию там, кстати, возглавлял вице-президент). И резолюция этого конгресса была однозначной: прямое мусоросжигание в нынешнем виде вредно, неприемлемо; от него следует отказываться в пользу мусороперерабатывающих технологий».

Естественно, многие компании-производители мусоросжигательного оборудования оказались в затруд-

нительном положении, на пороге банкротства. Они вынуждены теперь искать рынки сбыта в слаборазвитых странах, где экологические требования к их морально устаревшим агрегатам ниже. Положили глаз на Россию...

Если московская программа будет реализована, это может обернуться для города катастрофой. Действительно, доля выбросов мусоросжигательных заводов будет невелика. Но что это за выбросы! Тяжелые металлы: цинк, кадмий, свинец, медь, ртуть; хлористый и фтористый водород, дибензодиоксины и дибензофураны — полный джентльменский набор, который кого угодно сведет в могилу».

Наивные ученые! Да какие могут быть дибензофураны и прочие фуфры-муфры, когда тут такие поездки, такие контакты, такие контракты, такие, наконец, суммы! Что немцу здорово, то и нам сойдет как-нибудь. И потом, не забывайте, московский мусор скоро некуда будет сваливать. Как прикажете с ним поступить?

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СУМКА

Сумка стоит на редакционном столе. Обычная, хозяйственная. Потрепанная. Ох, тяжелая! У вас что там, кирпичи? «Нет, не кирпичи, — улыбается посетитель, — золотые слитки».

Он не сумасшедший, не авантюрист, не жулик (хотя столоничальники именно так его по большей части и называют).

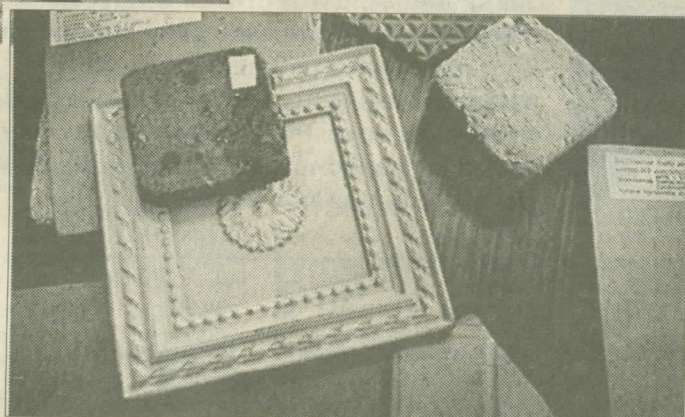
Президент международного консорциума «Вибромасса» туапсинец Эдгар Григорьевич Лисовский убежден: сжигать, а тем более выбрасывать мусор на помойку — величайшая глупость. Нет таких отходов, которые нельзя было бы переработать и получить в результате что-нибудь полезное. Если подходить к проблеме комплексно, если иметь соответствующие технологии (их у Лисовского три десятка, все основаны на идее дробления различных видов отходов при определенной температуре и определенном давлении) — свалки могут превратиться в настоящий Клондайк.

Хозяйственная сумка содержит образцы того «полезного», что Эдгар Григорьевич берет из нашего мусора.

«Пожалуйста, доска. Не родился я

Эдгар Григорьевич ЛИСОВСКИЙ

Образцы строительных материалов, изготовленных из мусора

гоценный камень» — и Лисовский с гордостью демонстрирует красивую радужную медальку.

Чудеса в решете. Возможно ли? Видимо, да. Еще при Николае Рыжкове экспертная комиссия Совмина СССР дала заключение: идеи Лисовского перспективны, при внедрении его технологических линий на тридцати пяти тысячах крупнейших свалок страны ежегодная прибыль может составить более 500 миллиардов рублей (тех еще рублей, заметьте, догайдаровских, допавловских). Весь госбюджет тогда был вдвое меньше.

А что было дальше, вы, наверное, уже догадались. Ни-че-го-шень-ки. Лисовский бродит со своей сумкой по редакциям, по муниципалитетам, по министерствам. Просит выделить ему хоть какую-нибудь свалочку и накинуть сколько-то там миллионов. Доказывает, что несколько российских

строительных изделий на бесцементной основе — из промышленных и бытовых отходов.

Государственный институт цветной металлургии предлагает перерабатывать мусор в металлургических печах Ванюкова, в слое шлакового расплава — опять же, замечательные стройматериалы получаются.

У Ниир ресурсосбережения — своя технология комплексной переработки. Причем отнюдь не «бумажная»: еще совсем недавно в Нагатино пытался небольшой заводик по автоматизированной сортировке мусора. НИИРовские агрегаты успешно извлекали из бытовых отходов черные и цветные металлы, текстиль, балластные компоненты. На беду, завод принадлежал Госснабу СССР. В один прекрасный день 1987 года госнабовский руководитель Лев Воронин сказал: «Вы сделали очень многое — снимаю перед вами шляпу. Но мусор — не наша номенклатура». И уникальные линии были уничтожены.

В общем, выражаясь языком теле-рекламы, «иная альтернатива» есть. Можем, можем «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». Только зачем? Наш Невтон городничему не указ. В Москве уже идут совещания с представителями других российских городов — столичные власти планируют распространить свой богатый мусоросжигательный опыт на всю Федерацию...

еще в России мужик, который сумел бы пробить ее гвоздем. Соберите из таких досок шкаф — сто лет служить будет. А из чего сделана? Макулатура, стеклобой, полиэтилен. Никакая ДСП с ней не сравнится. При этом — полное отсутствие ядовитых испарений. Потому что связующий компонент — не фенолформальдегидная смола, а обычный безвредный доломит.

А это облицовочная плитка. Хороша, а? Добавляем немного красителя — получается плитка «под мрамор».

Вот теплоизоляция — смесь макулатуры и доломита.

Это — вторичная резина.

Вот строительные блоки. Основа — доломитово-известняковая масса. У нас таким добром все свалки забиты.

Из того же доломита, только при другом режиме, получается полудра-

заводов готовы хоть завтра начать выпуск необходимого оборудования. Убеждает, что за три-четыре месяца его производственные линии полностью окупятся. Предлагает отдавать шестьдесят процентов прибыли в казну, в бюджет, в благотворительный фонд — куда угодно, только бы позволили начать. «Хальт! — говорят ему, — вы случайно не «Хельтер» представляете? Нет? Может быть, «Кним»? Тоже нет? Тогда пардон, до свидания».

Недавно возил свою чудо-сумку в Германию. Немцы удивились — и предложили остаться у них, перерабатывать бундесмусор. А Лисовский отказался. Из принципа, чудак-человек.

Таких вот «чудиков» в России множество.

Предприятие «Экология-композит» опробовало технологию изготовления

Возможно, московское правительство действительно выбрало самый рациональный и дешевый вариант решения проблемы бытовых отходов — на сегодняшний день. Но дальше, дальше-то что? Да то же самое: кормиться обьедками с европейского стола, судорожно внедрять их технологии у нас, обжигаться... Вопрос с места: дорогие градоначальники, может, вы все-таки поторопились? Вот, скажем, построить десять заводов вместо двенадцати и освободившиеся деньги отдать отечественным Невтонам от мусоропереработки — слабо? Нет ответа. Оно и понятно: вы в 2010 году уже на пенсии будете...

Фото В.Шишова
Фото Э.Кудрявицкого
Фото ИТАР—ТАСС

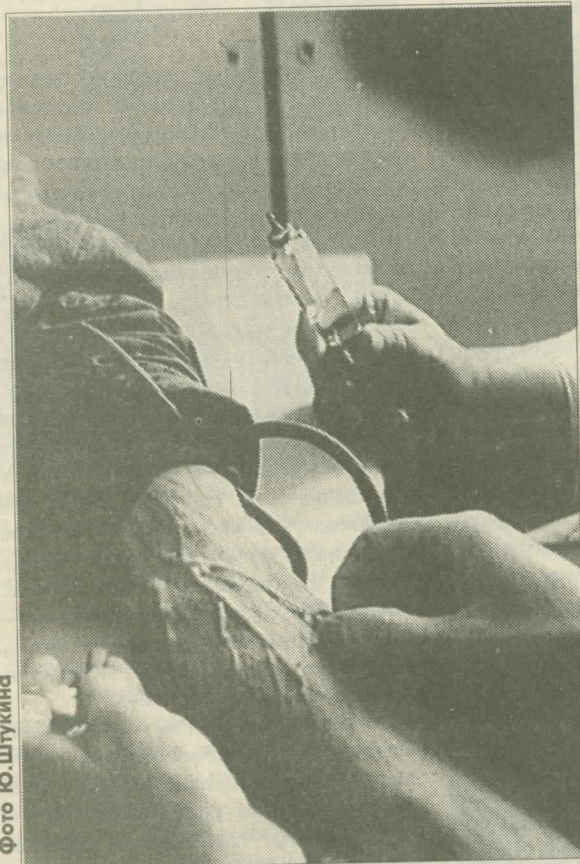

Фото Ю. Штукина

ДЕБИЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ—3

Несколько слов о вреде свободы печати

Все рано или поздно кончается. Вот и мы заканчиваем цикл статей о проблеме вакцинопрофилактики (или, говоря доступно, — о прививках) в нашей стране. И заканчиваем, увы, на недоброй и даже зловещей ноте. Речь пойдет о тех случаях, когда на взрослых людях и на маленьких детях испытывают вакцины.

Будем реалистами: на людях приходится испытывать медицинские препараты. Но как! Как на самом деле, в идеале, так сказать, должны проводиться эксперименты в наших НИИ и как это уже десятки лет делается в «цивилизованном» мире?

Сначала препарат испытывают на искусственно выращенных живых клетках и на мелких животных — мышках, морских свинках. Только после этого опыты — с великими предосторожностями, с использованием супераппаратуры, с измерением биоритмов — проводятся на крупных животных. Как мы уже писали в предыдущей публикации, это длится лет восемь, а во время опытов с животными экспериментаторы руководствуются специальным этическим кодексом. Наконец, когда проведенные исследования показывают, что вакцина безвредна, ее решаются испытать на людях — начинают так называемые клинические испытания. И тут медики сталкиваются с тяжелой проблемой — проблемой добровольцев.

Найти их чрезвычайно трудно. Но

находят. Потому что обещают приличные деньги и благородно выполняют обещание (а, впрочем, попробовали бы не выполнить — шум поднялся бы ужасный, и о производстве новой вакцины, возможно, пришлось бы забыть). Вообще-то, люди, которых находят и соблазняют деньгами, еще не добровольцы, а лишь кандидаты в добровольцы. С ними проводят собеседования, сообщают о вакцине абсолютно все — в том числе и то, какие на нее могут быть реакции. Потом рассказывают об исследователе и о клинике, где будут проводиться испытания (клиники, как правило, первоклассные). Потом дают почитать кое-какую литературу. И отпускают подумать. Человек взвешивает все «за» и «против» — и соглашается (или не соглашается). Тогда он и подписывает бумагу. А все договоры между клиникой и испытуемым оформляются в письменном виде, и их непременно заверяет юрист.

Вот добровольцу вкалывают экспериментальную вакцину. И с этого момента спокойная жизнь у него заканчивается. Потому что за его со-

стоянием неотрывно наблюдают, то и дело берут анализы и следят за всевозможными импульсами. Не дай Бог поднимется температура или пропадет аппетит. Это — ЧП.

Испытуемый находится под наблюдением очень долго. Если же ему не повезло и экспериментальный препарат не самым лучшим образом повлиял на его здоровье, ему не придется остаток дней провести в поисках правды или собирать в метро милостыню на лечение. Его без лишнего разговора госпитализируют, обследуют и будут лечить самыми дорогими и современными лекарствами.

Потом, после того как вакцину поставят в производство, исследователи много лет собирают данные о побочных действиях средства — и у себя в стране, и там, куда его экспортировали. Изучение даже одного препарата обходится примерно в 250 миллионов долларов.

Поэтому в США каждый год фиксируют всего лишь пятьдесят поствакцинальных осложнений. А у нас только в две специализированные клиники — в Москве и в Питере — еже-

годно привозят на «скорой» двести (!) детей с осложнениями. Причем с тяжелейшими осложнениями. Это умирающие дети.

Процедура испытания вакцин на людях в России походит на западную с точностью до наоборот. Испытуемым перед экспериментом не говорят, что им колют, и уж тем более не рассказывают об исследователе и об институте, разработавшем вакцину. Им не платят. Их не лечат, если из-за прививки испортилось здоровье. И — самое интересное — эти люди не знают, что они — добровольцы!

Исследователи могут прийти в любую воинскую часть, школу, детский сад, ясли и отобрать «экспериментальную группу», участники которой чаще всего и не догадываются, что задействованы в эксперименте. Ни «экспериментируемые» взрослые, ни «экспериментируемые» дети, ни их родители. А узнать об исследователях, на самом деле, очень просто.

Стоит взять еще не очень старые медицинские журналы — например, «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии». Там есть что почитать.

Например, статью об испытаниях противогриппозной вакцины: «В задачу исследования входила оценка реактогенности, изучение безвредности при однократном парентеральном (инъекционном. — Е.А.) введении. Государственные испытания проводили в школах, ПТУ и техникумах в Ростове-на-Дону, Таганроге и Новочеркасске. Опытные и контрольные группы формировали из детей 11—14 лет. Под наблюдением находилось 9962 привитых».

Или вот некоторые итоги испытаний этой же вакцины: «Иммунизировали детей 3—6 лет, посещавших 106 детских учреждений... Низкие показатели профилактической эффективности не позволяют использовать препарат для профилактики гриппа». Это можно было доказывать на животных, но не на детях 3—6 лет.

Статья о действии адсорбированной гриппозной химической вакцины на школьников: «Для проведения исследований были отобраны практически здоровые дети — всего 820 школьников в возрасте 11—14 и 7—10 лет. Изучали различные дозы и объемы препарата...»

«Цель работы — изучение менингококковой полисахаридной вакцины группы А... определение оптимальной дозы... Были изучены две дозы... Подвергали детей в возрасте 1—4 лет».

«75 новорожденным... вводили однократно до первого кормления антистафилококковый иммуноглобулин.

Результаты сравнивали с 50 неиммунизированными новорожденными детьми... Серьезных побочных явлений на введение иммуноглобулина не было...» А несерьезные, видимо, были. Кстати, очень интересно, а мамы этих семидесяти пяти новорожденных знали, что их детям что-то ввели?

А вот статья профессора М.Захаровой, одной из авторов отечественной АКДС-вакцины: «Освобождение от эндотоксических компонентов требует дополнительной доработки препарата, необходимость в которой может быть определена только после испытания реактогенности предлагаемых препаратов на детях». Как мило!

Подопытные дети — это, вообще, на редкость грязная сторона современной медицины. Ну, с нами все ясно. У нас проведение медицинских опытов на детях никогда не афишировалось, но до последнего времени не особо и скрывалось. Хотя это нарушение и Декларации прав человека, и Конвенции о правах ребенка, и множества законов — вплоть до поправки статьи 52 Кодекса о браке и семье.

Но в «цивилизованном»-то мире! Детские препараты можно сколько угодно испытывать на мышках и обезьянках и на взрослых добровольцах — тоже. И все же, поскольку вакцина предназначена, скажем, для грудничков — значит, в конце концов ее придется испытывать именно на грудничках.

«Их» медики не устают повторять, что с испытанием препаратов для детей сложно. Безумно сложно! Сам ребенок не может быть добровольцем. Родители ничего с ним делать не дадут. При этом нигде не написано и не сказано, как же испытатели выходят из этого положения. Остается только догадываться... В конце концов и на Западе хватает сиротских приютов и беспризорных нищих детей...

Настоящая благодать для отечественных испытателей — наши славные Вооруженные Силы. Народу много — есть из кого выбрать. К тому же вакцинация проходит спокойно, дисциплинированно, без бабских истерик и по команде «Становись!».

В тех же медицинских журналах читаем: «Отобранный контингент состоял из лиц мужского пола молодого возраста... по условиям быта и роду деятельности существенных различий между контингентом групп не было» ...Или: «Опытные и контрольные группы формировали среди организованного контингента лиц мужского пола от 18 до 20 лет». «Организован-

ный контингент». Как изящно завуалировано! А вот написано прямо и без обиняков: «Для изучения иммунологической эффективности вакцины против клещевого энцефалита привито 200 человек в возрасте 18—19 лет, призванных из различных областей СССР для прохождения службы на Тихоокеанском флоте».

Читатель, наверное, уже утомился цитатами из нудных журналов для докторов. А между тем в популярной, неспециализированной прессе подобные материалы — об экспериментах — будут теперь появляться крайне редко. И вот почему.

Все приведенные выше отрывки взяты из изданий, выпущенных не позднее девяностого года. В 1990 году, если помните, была отменена цензура, и газетчики принялись писать на всяческие душещипательные темы. Откровенность и цинизм, с которыми медики описывали опыты над людьми, не остались незамеченными журналистами — появились сенсационные статьи, телесюжеты. И саморазоблачительные материалы в научной прессе пропали. Вспугнули, как говорится. Не прочтешь ныне просто так об опытах на «детях в возрасте 15—18 месяцев» и о том, как что-то неизвестное кололи «организованному контингенту лиц мужского пола». Раньше факты лежали на поверхности — надо было просто пойти в библиотеку... Теперь — секрет.

Описание наших экспериментов, надо сказать, не осталось незамеченным и «там». Там, где испытатели имеют дело с настоящими добровольцами. А добровольцы защищены настоящими законами и получают за риск настоящие деньги. Отечественным медикам нынче трудно публиковать научные статьи за рубежом. Эти статьи там не печатают, потому что эксперименты, описанные в них, были незаконными.

Но это вовсе не значит, что эксперименты прекратились.

В прошлом году был организован Российский национальный комитет по биоэтике, который, правда, пока не действует. Но очень хочется верить, что, может быть, когда-нибудь он все же будет контролировать опыты над людьми и животными.

* * *

Редакция благодарит вирусолога Галину Червонскую за помощь в подготовке материала.

Елена АБЕРИНА

Анна ГОЛОВКОВА

БЕСПОКОЙНЫЙ ПРИЕМНЫЙ ПОКОЙ

Болезнь неприятно. Болезнь в клинике, а не на любимом диване — неприятно вдвойне. Болезнь в клинике не «кремлевской», не валютной, не «блатной», не парижской, а в самой обычной московской — чертовски неприятно. Зато очень интересно. Какие сюжеты! Какие подробности! Какие страсти! Возьмем для примера... Ну хоть инфекционную больницу № 2, что на Соколиной горе.

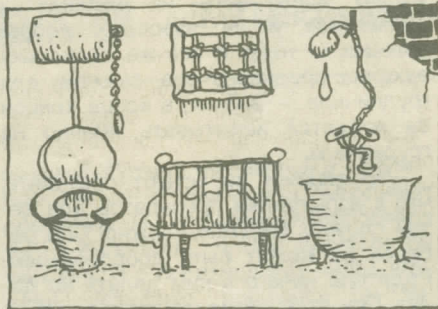
Инфекция, как известно, не разбирает, к кому прилипнуть. Липнет, бывает, и к дипломатам. Сотрудник посольства далекой, но глубоко дружественной нам державы подцепил что-то очень серьезное. Привезли его на Соколиную гору, в приемный покой. А он, наивный, страшно оскорбился и на ломаном русском языке заявил: «Я в туалете лечиться не хочу!» Между прочим, иностранец оказался не так уж далек от истины. Из двух смежных комна-

того состояния, что вошь, пардон, лобковая гнездится у них даже в бровях.

Врачи полагают: если городские власти в ближайшее время не начнут всерьез бороться с «тремя преступлениями», за которые в свое время был осужден Буратино (беспризорность, беспартийность, безработность), эпидемия сыпного тифа в столице станет более чем реальной перспективой.

Но вернемся к нашим баранам, то бишь бомжам. Для многих из них даже убогая больница — манна небесная: можно относительно сытно поесть, в кои-то веки побриться, помыться. Некоторые «буратины», впрочем, не желают расставаться со своими бородами и патлами, даже если развелся там целый зверинец. В этом случае «красоты» оставляют, тщательно обработав их специальными препаратами. А бокс, где принимали такого больного, заливают карбофосом (запах этого вещества навсегда запомнился всякому, кто хоть раз в жизни травил дома тараканов).

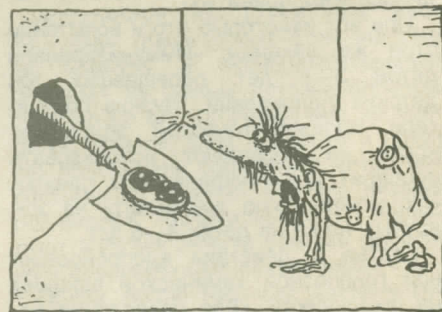
Порядки на «Соколинке» весьма и весьма строгие (что поделать, профиль у заведения такой, «рисковый»). Еду в боксы подают через специальные окошки-кормушки, вроде тюремных. «Заразных» к телефону не подпускают. Свидания с родными и близкими запрещены категорически. Вся одежду, в которой пациент (любой пациент, вне зависимости от социального статуса и степени завшивленности) прибывает на лечение, отправляют на дезинфекцию и в химчистку.

ток, составляющих любой из приемных боксов (в котором ставится диагноз и из которого больного отправляют в отделение), основным помещением, безусловно, является то, где рядом с койкой располагаются унитаз и ванна (перегородок, кстати, не предусмотрено). Это не экзотика, а суровая необходимость, ведь...

...Ведь в инфекционной больнице контингент — особый. Часто не очень чистый. Врачи шутят: внутреннюю инфекцию иногда невозможно разглядеть — такая грязь снаружи.

В последнее время кошмаром «Соколинки» стали вшивые пациенты. До угара «перестройки» таких поступало не более десяти — пятнадцати в год. А сейчас... За три последних месяца «обезврежено» шестьдесят пять носителей насекомых. Встречаются бомжи, которые доводят себя до та-

Впрочем, во всяком правиле случаются исключения. Дорогие дубленки и шубы, бывает, смилостивившись, отдают «сопровождающим лицам», не пропустив через горнило «стерилизации». Самым крупногабаритным больным, не умещающимся ни в какие казенные кальсоны, разрешают надеть собственную пижаму. Тапочки же вообще допускается брать с собой из дому всем желающим. Помимо этого...

...Помимо этого всякий больной волен пользоваться любимыми «личными вещами». Но пациент в последнее время пошел уж очень пугливый: все вещички подчистую стремится сдать на хранение по квитанции. И то верно — соседом по палате какой угодно тип оказаться может (про «каких угодно» типов мы чуть ниже напишем).

К сведению будущих пациентов Второй инфекционной (тьфу-тьфу, чтоб вас не сглазить): если больной поступает в приемный покой без сознания, то на квитанции о приеме вещей должны расписаться две медсестры; если в сознании — то лишь одна.

Особую категорию прибывающих сюда граждан составляют симулянты, они же сачки. Во-первых, это, конечно, бомжи, во-вторых, одинокие нищие старики, в-третьих, беженцы.

Сачка, «косящего» под инфекционного, раскусить, в общем-то, не очень сложно. И медперсонал успешно занимается этим круглые сутки. Если, к примеру, возникает подозрение, что температура «надувается» искусственно, проводят «термометрию под контролем»: сидит медсестра напротив больного и в течение десяти минут не спускает глаз ни с градусника, ни с самого пациента. Частенько приходится проверять подлинность, извиняюсь, жидкого стула — методом ректороманоскопии. Больные называют этот тест «телевизором», но на самом деле врач использует вовсе не электронные приборы, а самую обыкновенную стеклянную трубочку.

Да, чуть не забыла! В-четвертых, очень часто симулируют «пациенты» совсем другого ведомства — они поступают на Соколиную гору из камер предварительного заключения. Недавно привезли одного такого — гостя из «ближнего зарубежья»: брови черные, кожа смуглая, полный рот золотых зубов. Лежал, бедняга, без движения, без сознания — полумертвый. Анализы, пункцию взяли — вроде все в норме. Странный случай. Собрался консилиум во главе с самим академиком Покровским. Врачи осмотрели бездыханное почти тело, вышли посоветоваться по поводу неизвестной науке болезни. В палату же зашла молоденькая медсестричка. Тут страдалец внезапно очухался: «Слушай, хозяйка, там про меня говорят. Скажи им — я очень-очень больной, хорошо, да?» Через полчаса его увезли назад.

Если же заключенный оказывается действительно нездоров, в больнице ему выделяют персональную палату. Правда, остаться в одиночестве ему

все равно не удастся: в ту же палату помещают койки для двух конвойных. С риском для здоровья служивые бдят на посту, надев поверх кителей белые халаты.

Был здесь случай иного рода: пришлось больнице задержать выписку уже совершенно здорового человека. Позвонили из прокуратуры и попросили: «Такого-то не выпускайте, пожалуйста. Мы за ним сейчас приедем». Но то ли транспорт прокуратуру подвел, то ли бывший больной оказался телепатом... В общем, кончилось тем, что экспациент выпрыгнул в окно. Как в дешевом боевике, только не с четвертого этажа, а со второго. Под окнами его уже ждала машина, на которой он тут же и умчался. Но это еще не самое страшное...

Страшно, когда пациент начинает буйнить. Один тут недавно перенервничал — так начал на персонал с ножиком кидаться. Мужчины-санитары, как водится в подобных ситуациях, куда-то подевались, так что до прибытия милиции усмирять его пришлось дамам-медсестрам. Насилу втолкнули расшалившегося больного в отдельную комнатушку, заперли. А когда прибыли стражи порядка, «шутник» через окно забросил свой ножик куда-то в кусты. Не получив вещественных доказательств, милиционеры повелели нервного гражданина выпустить. И уехали. А хулиган (или псих) тут же кинулся на улицу, мгновенно отыскал свое оружие... На сей раз врачи гонялись за ним по всей территории больницы.

Очень темпераментным оказался также молодой человек «негритянской национальности», учинивший в приемном покое форменный погром. Он очень спешил уехать к себе на родину и поэтому не хотел лечиться стационарно. Сидел, нервничал, ждал решения врачей. А тут заботливая медсестра предложила ему подушечку, чтоб удобнее было сидеть. Гость расстроился окончательно, решил, что раз подушка — значит, надолго... Схватил какую-то трубку, начал колотить по чему ни попадя, стремясь до-

казать свое право на свободу. Пришлось посылать за докой-врачом. Тот по-английски с грехом пополам объяснил африканцу, что в российских больницах так себя вести не принято.

Персонал «Соколинки» утверждает в один голос: больше всего хлопот доставляют пациенты гепатитного отделения. Там очень много наркоманов, а они ради «допинга» порой готовы на все.

Вот больные СПИДом — те, наоборот, отличаются образцовым поведением. И корпус, выделенный для них в связи с «веяниями времени», — соответствующий: самый опрятный, самый ухоженный. Это, наверное, оттого, что болезнь импортная. Или оттого, что иностранные делегации туда чуть ли не через день наведываются.

К больным из этого корпуса вообще отношение особое: им разрешают гулять на свежем воздухе, а по выходным и вовсе уехать домой (естественно, поставив об этом в известность врача).

А вообще-то во Второй инфекционной все хорошо. Шприцы — одноразовые, иглы — одноразовые. Крыс и комаров удалось полнос-

тью извести. Правда, у медперсонала уж третий год нет ни своего туалета, ни душа — так то ведь временно, пока в больнице идет ремонт. А что со швивыми-заразными иметь дело приходится... Ладно, черт с ним, с риском. Зато надбавки: 15 процентов — «за инфекцию», 60 процентов — если работаешь с носителями СПИДа. Ну, молоко перестали давать дезинфекторам за вредность... Но от этого больше страдает «прописанный» в приемном отделении кот. Опять же — если бы было молоко — стал бы тот кот крыс ловить? Вот то-то. Все хорошо. Во всяком случае, бывает хуже.

Рис. А.Зайца

Ксения КЛИМОВА

ЗАЩИТНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

Сунув руки в карманы, Ксюха сосредоточилась и выдула огромный пузырь жевательной резинки. Потом втянула его обратно с намерением изловчиться и выдуть еще один, побольше, но фокус не вышел. Сизый жвачный комок мягко шмякнулся под скамейку. Ксюха покосилась на мать, поразмыслила, встала коленками на лавку, перегнулась через ее спинку, быстро цапнула жвачку с пола и затолкала в рот — продолжать свои упражнения с пузырями. Конвоир, наблюдавший этот короткий этюд и Ксюхин зад в лосинах тухлого цвета, только головой своей стриженной покротил.

ЧЕРДАК БЕЗ СВЕЧЕЙ

Полгода Ксюха живет в суде — с перерывами на ночной сон и совещания судей. Но ей кажется, что без перерывов. Суд шел в декабре, шел в феврале, возобновился в апреле. Она уже облазила все лестницы, обпилась поганого чаю в буфете, посидела на всех скамьях, включая ту, что за решеткой. Очень интересно было смотреть на мать отсюда, сквозь прутья.

За полгода от Ксюхиного присутствия отказались две школы, включая вечернюю. И теперь вся ее жизнь здесь, в полупустом зале.

А Ксюха любит кино, и сама, возможно, пойдет в киноактрисы или манекенщицы. Ей, с ее ростом и взрослой внешностью, все конкурсы пройти — без проблем. Хотя если бы не рост и не внешность двадцатилетней, с ней бы, вероятно, не случилось того, что случилось. О чем народ обычно говорит: свечку-то никто не держал.

Уж точно, на том проклятом чердаке, куда ей предложил пройтись со-

сед ее, Женька, свечи никто не держал. Зато сам Женька как схватил ее за горло, так и не отпустил.

Женьку с приятелем жена выгнала из квартиры, чтоб не пили при детях. Они продолжили пир на лестнице. Пьяненький Женька был совсем не страшен. На чердаке он сказал, что маньяк и быстро ее на куски разрежет, если Ксюха не разденется. Она была в таком шоке, что платье, надорванное им у ворота, сама до конца на себе порвала... Потом, когда ее без конца спрашивали и в милиции, и следовательно, и кто-то там еще, и так все лето, она рассказывала и редела. Только у матери спросила, что же такое «половой акт»?

Грязную зареванную Ксюху видели во дворе знакомые ребята. Она общила им, что ее изнасиловал Женька Д., и пошла домой. Дома скользнула в ванную, долго мылась там и стирала, а про пятна на шее и щеках сказала матери, что это аллергия от конфет. Через пять дней мать нашла спрятанное Ксюхой в шкафу рваное платье, выпросила все, расплакалась и повела дочь в

милицию. А по дороге еще свернула к Женьке и спросила, знает ли он, что Ксюхе всего тринадцать лет?

Он тогда затрясся и ответил, что из окна выбросится, а сидеть не будет. Но теперь вот сидит, прямо перед ней, в клетке. Ей уже все равно, есть он или нет. Только бы суд скорее кончился.

ГИТЛЕР ТОЖЕ ЛЮБИЛ МУЗЫКУ

Когда в зале суда и в маленькой комнатке для совещаний появился невысокий лохматый человек в очках и полурасстегнутой рубашке и аккуратно разложил перед председательствующим свои полномочия, ничто особых проблем не предвещало. Человек назвался защитником Евгения Д., на что имел законное право. Полномочия состояли из молоткастого-серпастого паспорта и трех «верительных грамот» на бланках, где вверху значилось: «Международное общество прав человека. Комитет социальной защиты». Сбоку были перечислены филиалы общества от Австралии до Эквадора.

Бланки эти потом сыграют свою зловещую роль, а пока это были просто бумажки с неясными подписями, сообщавшие, что податель их является членом Комитета социальной защиты и просит допустить его к судебному процессу. Родственники Евгения Д. и он сам подтвердили, что действительно хотят в защитники К. И только секретарша суда, порывшись в бумагах на столе, вдруг подумала, что рубашка у защитника цветом напоминает справку о судимости. Пророческая оказалась мысль.

Так К. занял свое место у стола адвокатов в зале суда на закрытом судебном процессе. И — началось. Сначала пошли проволокки. Для того чтобы прочесть дело, защитник потребовал три недели. Получил — два дня. Адвокату-профессионалу хватило бы и одного, причем до обеда. Потом потребовались отсрочки, чтобы побеседовать с подсудимым и осмыслить прочитанное в деле. Суд против мыслительного процесса не возражал, но просил сделать его покороче, уложиться в сроки, близкие к общепринятым.

Тогда пошли ходатайства — много и разные. Впечатляли просьбы о проведении антропологической экспертизы, чтобы подтвердить, что на вид Ксюха взрослее, чем на самом деле, что было видно и невооруженным глазом. И о повторной судебно-медицинской экспертизе — это спустя год-то! Ксюха, у которой были свежи воспоминания о гинекологическом кресле и двух часах, прове-

денных там, чуть не заплакала.

Защитник К. был неутомим, и полетели запросы на характеристики потерпевшей: в школу, где она училась раньше, в ДЭЗ, в школу, где училась потом, в другой ДЭЗ, к технику-смотрителю. Запросы были составлены лихо и на бланках. Возможно, бланки завораживали, потому что у техника-смотрителя вдруг открылись провидческие способности, и он сообщил суду такие сведения о Ксюхе и ее матери, какие в пору знать только родственникам, причем ближайшим. Вопросы об интимной жизни двенадцатилетней тогда девочки защитник ставил жестко. А не была ли она замечена, скажем, возле мальчишечьего туалета? И сведения требовал по всей форме, для предоставления в суд. Однако не общал, в какой роли в суде фигурирует Ксюха, кто она — преступник, жертва? Иногда с вопросниками сам объезжал дворы и подъезды.

«Доброжелательные» соседи, дворники, техники и педагоги усердно излагали свою точку зрения на внешность и манеры Ксюхи, а также личную жизнь ее матери. Учительница первых—третьих классов так и заявила: вертелась и плевалась на уроке чтения. Что, впрочем, еще не является причиной для насилия. Классная руководительница прямо сказала: ребенок запущенный. На робкое возражение судьи, что Ксюха закончила музыкальную студию, куда мать упорно провозжала ее все годы учебы, педагог отчеканила: «Ну и что? Гитлер тоже любил музыку».

Возможно, Ксюха сильно насолела учителям неусердием в науках. У нее и ее мамы были свои воспоминания о школе, где все — обиженные и все — обижаемые. Но по запросам на бланках на Ксюху было вылито такое количество грязи, что в ней потонули несколько грамот за участие в самодеятельности и спортивных соревнованиях, доставленных мамой по просьбе судьи.

А потом косяком пошли в суд свидетели. Создавалось впечатление, что Ксюху и ее обидчика, когда они спускались с чердака, встречала целая толпа народу. Все утверждали: Ксюха была очень довольная и ничуть не рваное на ней было платье. Как будто изодранное платье не хранилось среди вещественных улик...

Суд злился и без конца допрашивал, допрашивал свидетелей, стараясь даже в случае явных несоответствий не применять приставку «лже». И процесс начал превращаться в кухню той самой коммуналки. Тем более, что личность потерпевшей Ксюхи и раньше была исследо-

вана достаточно. Психолого-психиатрическая экспертиза не нашла у нее никаких порочных наклонностей, а всего только личностную незрелость и сниженную способность прогнозировать последствия своих действий. Суд предложил сосредоточиться на исследовании обстоятельств забытого апрельского вечера, а то и дать высказаться прокурору. Но не успел суд воплотить планы в жизнь, как защитник К. исчез. И процесс опять не пошел.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ЭРОТОМАН

Строго говоря, он уже исчезал. По причине сердечного приступа. На приступ суд отвел целый месяц, и встречи возобновились лишь в апреле. Ксюха к тому времени превратилась в тупо молчащую скалу и не реагировала ни на какие раздражители. Посмотрев в ее пустые глаза, судья решил разыскать упорного защитника, хоть бы это ему карьеры стоило.

Поиски по месту прописки успеха не принесли — К. жил у дамы сердца. С участием милиции удалось выяснить, где именно. Поскольку за неделю от него поступила лишь телефонограмма о новом сердечном приступе, суд запросил поликлинику по месту жительства. И поликлиника ответила бесстрашной информацией: защитнику сделана кардиограмма, не показавшая нарушений в сердечной деятельности. На прием к врачу защитник не явился. Посовещавшись, суд принял решение устранить от участия в процессе защитника К. О чем ему немедленно и сообщил. И тут человек в лихой рубашке снова появился в комнатке совещаний.

Тем временем выяснилось, что организация под названием Комитет социальной защиты, делегировавшая своего представителя К., практически исчезла. Вроде как бы она функционирует, а вроде как бы и нет. То есть точно нет упомянутых на бланках председателя Комитета и его зама — оба они, к прискорбию, скончались. И стало быть, действовать гражданина К. уполномочили покойники. Мистика да и только.

На этом мистика не кончается. Проведенное с помощью МВД РФ журналистское расследование принесло столько любопытного материала, что в пору садиться и писать эротический роман с участием несовершеннолетних прелестниц и человека, чьи паспортные данные и внешность точь-в-точь совпадают с реквизитами уже знакомого нам защитника К. Четыре судимости, в том числе за развратные действия в

отношении несовершеннолетних, и одно не дошедшее до суда уголовное дело, опять же возбужденное по «развратной» статье.

А было все так. Однажды на Красной площади появился фотограф. Имея лицензию Измайловского туристического комплекса, фотограф занимался отстрелом денег у лопухов-туристов. Он красиво расставлял всех желающих на фоне собора или мавзолея — кому что нравилось, — щелкал затвором фотоаппарата, записывал адрес заказчиков и вручал им нечто вроде квитанции в обмен на купюры. На этом деятельность маэстро заканчивалась: оплаченные фотографии по месту жительства заказчиков не прибывали.

Милиция не сразу заинтересовалась деятельностью фотографа. А когда заинтересовалась и выяснила фамилию — естественно, К., — в районной прокуратуре уже было возбуждено уголовное дело о развращении несовершеннолетних.

Фотомастер с той же фамилией приглашал домой девочек 14—15 лет, беседовал под коньячок и кофе об искусстве, фотографировал их в костюмах разных эпох, постепенно оставляя все меньше деталей туалета на юных натурщицах, а затем предлагал перейти к практическим занятиям. Все бы это тянулось и тянулось, если бы не нашлась девочка, которая на все предложения фотографа ответила тем, что не сняла, не прилегла, не потрогала и не вступила, а наоборот, рассказала обо всем маме. Мама в гневе примчалась в милицию.

При обыске у фотографа К. были изъяты записные книжки с координатами несовершеннолетних и целая куча снимков, выполненных на грани эротики и порнографии. В уголовном деле помимо материалов нынешних хранились воспоминания дней минувших: выписка из приговора народного суда Пролетарского района восьмилетней давности. Фотограф К. судим был за тех же девочек и еще за сопротивление милиции. Отсидел пять лет по приговору суда.

ДЫРКА В ЗАКОНЕ

Выходит, любой встречный-поперечный может заявиться в суд без диплома, без права на защиту назваться защитником и выступать, влиять, ходатайствовать, запрашивать... Что же это?

— Статья 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, — спокойно ответил Р.К.Касаткин, юрист с сорокалетним стажем, член Московской городской коллегии адвокатов. Из его коммен-

тария следовало, что неточности в формулировке закона для одних представляют особую опасность, а для других обладают сверхпритягательностью. Просочившись в дырку, можно жить припеваючи и радостно творить свой бизнес.

Не утомляя читателя подробностями юридического характера, скажем, что статья 47 с принятыми к ней поправками допускает к защите в суде не только адвокатов-профессионалов, но и представителей общественных организаций по делам членов этих организаций (нечто вроде «суда чести»). А также и иных лиц в случаях, предусмотренных законом.

— Я не знаю ни одного закона, где бы оговаривались такие случаи, — признался опытный адвокат.

Закон суров, но он молчит. А под его молчание валом повалили в суды разнообразные защитники — родственники подсудимых охотно вверяют им судьбу своих близких в обмен на обещания спасти и вывести из тюрьмы. Почему?

Причиной, как полагает адвокат, являются модные сейчас рассуждения о том, что защита бывает «зависимой» и «независимой». Но от кого, кроме адвокатской коллегии, зависит адвокат — непонятно. Заключая договор с клиентом, профессиональный защитник часть² заработанного, и немалую часть, отдает коллегии. Чтобы сама коллегия жила и оплачивала юридическую помощь неимущим клиентам. Можно этой дани избежать, став независимым. И избежать заодно контроля коллег за качеством своей работы. Что там несет на суде защитник-непрофессионал — коллегии неведомо, и призвать его к ответу она не может. И суды, особенно по гражданским делам, легко превращаются в коммунальные свары.

Миф о том, что защитник-непрофессионал работает из соображений гуманизма, часто развенчивают сами же родственники подсудимого, его нанявшие. В случае провала они охотно вспоминают, сколько денег отвалили за каждый день работы проходимца. Конечно, профессионал может стоить дороже. Но чего стоит человек, который, не видя материалов дела, заявляет: вы — виновны? Примерно того же, что и врач, ставящий диагнозы по телефону.

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

Месяц назад в суде появился молодой человек, представил паспорт и удостоверение юридического предприятия с невыразительным назва-

нием. Попросил разрешения ознакомиться с делом. И умыкнул том уголовного дела, оставив хилое свое удостоверение.

— Так что же, суд вообще не способен противостоять нашествию юридических вандалов?

— В каждом конкретном случае вопрос о допуске защитника к судебному процессу решает суд, — ответил А.Г. Кузин, первый заместитель председателя Мосгорсуда. И строго добавил: бдить надо, чутье иметь.

Получается, что три человека — председательствующий и народные заседатели, — получив заявление защитника, должны, буравя его глазами, в течение нескольких минут определить, чист ли податель сего перед законом или нет, компетентен ли или нет, а также полноценен ли психически. Но в большинстве случаев вопрос о выборе защитника решают все же сами подсудимые и их родственники, в массе своей юридически необразованные. И с удорожанием услуг профессиональных адвокатов шансов на повышение юридической культуры народа становится все меньше. А жуликов — больше.

Евгения Д. все-таки осудили. Когда суд выносил частные определения в адрес лжесвидетелей, пытавшихся «помочь» ему (в отношении них возбуждено уголовное дело — врать в суде становится опасным), Евгений, не обращая внимания на окружающих, собирал со скамейки свои бумаги. Может быть, нашел другого защитника. Хорошо, если не из камеры предварительного заключения. Ксюха с мамой на приговор не явились — хватит с них заседаний.

Суд сказал свое веское слово и в адрес школ, ДЭЗов, инспекций и частных лиц, усиленно поливавших грязью девочку и ее мать. Вроде бы всем сестрам раздали по серьгам, и человек в рубашке цвета справки о судимости перестал маячить в коридорах.

Но надолго ли исчез и где теперь объявится Юрий Владимирович Кульчицкий? Не хотелось называть его фамилию. Но очень хочется, чтобы таких «защитников» как огня боялись. Он ведь еще придет и еще скажет свое слово.

“ПОМОЩЬ” ПРИХОДИТ ВОВРЕМЯ

Уважаемые читатели журнала «Столица»!

Вас приветствует медико-фармацевтическая компания «Помощь» (МФК «Помощь»). МФК «Помощь» – это прежде всего новая форма медицинского подхода к здоровью. В основе ее договоры на прямое медицинское обслуживание семейными врачами – многоопытными терапевтами широкого профиля. Знаете ли вы, кто такой семейный доктор? Это врач, который приходит ко всем членам вашей семьи и заботится о здоровье каждого из вас. Семейный врач посещает вас и по собственной инициативе, являясь как бы ангелом-хранителем вашего здоровья.

Оригинальная идея создания такого типа обслуживания принадлежит генеральному директору компании, ее организатору Виктору Михайловичу Запезалову.

МФК «Помощь» была зарегистрирована в 1991 году. Компания располагает высококвалифицированными специалистами, имеющими большой научно-практический опыт. Сначала компания заключила ряд небольших договоров о медицинском обслуживании с коммерческими организациями, впоследствии мы расширили свою деятельность. Следует отметить, что финансирование договоров ведется, в основном, за счет отчислений предприятий в фонд компаний на каждого сотрудника и его семью. При этом не исключаются и индивидуальные договоры на отдельные семьи.

Благодаря положительным результатам наблюдения и лечения компания расширила область своего влияния, и объем договоров значительно вырос, практически все организации продлили свои договоры.

Основной базой для деятельности компании является клиническая больница N 6 Управления медико-биологических и экстремальных проблем Министерства здравоохранения Российской Федерации (бывшее 3-е управление). Здесь гарантируется высокий уровень лечения в комфортабельных условиях для каждого пациента. МФК «Помощь» работает в тесном контакте с руководством 6-й клинической больницы в лице главного врача Павла Николаевича Захарова и его заместителя по лечебной части Лидии Владимировны Аверьяновой. В случае необходимости компания располагает достаточно широким потенциалом в выборе различных исследовательских центров ведущих клиник города Москвы. Также мы имеем свою детскую клиническую больницу N 38 того же управления, которая гарантирует высокий уровень специалистов и комфорта для ваших детей.

Что же выгодно отличает нас от других медицинских компаний? Как уже говорилось – семейные врачи, обладающие высоким уровнем квалификации. В случае необходимости компанией может быть оказана и скорая медицинская помощь посредством скорой помощи. Если нужно, с последующей госпитализацией, в основном в шестую клиническую больницу МЗ РФ. Мы можем оказать стоматологическую помощь. Осуществляем ведение беременных женщин на протяжении всего срока беременности.

Компания имеет право на выдачу различной медицинской документации.

Врачи компании используют строго индивидуальный подход к своим пациентам.

Каковы условия медицинского договора с нами?

Договор заключается сроком на один год с предоплатой 100 про-

центов, что должно быть удобно в условиях инфляции. Стоимость полиса на сегодня составляет 63 тысячи 600 рублей. И это одна из самых низких расценок в городе. Кроме того, для всех без исключения лиц работает система амбулаторного обследования с многопрофильными консультациями специалистов.

Наша компания – медико-фармацевтическая. С нашей медицинской деятельностью вы уже знакомы. Чем занимается наш фармацевтический отдел? Мы заключаем договоры с заводами-изготовителями медицинских препаратов как в России, так и за рубежом. Напрямую, без посредников. Снабжаем ими городские аптеки и больницы, имеем мы и свои аптечные киоски, стараемся расширить их сеть, так как цены на медицинские препараты у нас существенно ниже, чем в других коммерческих аптеках и даже аптеках города. Создана связь между аптекой и полисными клиентами – они имеют преимущественное право в течение срока действия полиса получать лекарства в наших аптечных киосках.

В заключение мы хотим сказать наш девиз: «Ваше здоровье – наш успех!» Мы приглашаем всех читателей журнала «Столица» уделить особое внимание своему здоровью и воспользоваться предложениями нашей компании.

МФК «Помощь» предлагает:

- годовое полисное медицинское обслуживание (стоимость полиса – 63600 руб.);
- постоянное наблюдение лечащим терапевтом;
- амбулаторное медицинское обследование и лечение;
- стоматологическое лечение;
- экстренная медицинская помощь.

Кроме того, возможно оказание амбулаторных медицинских услуг:

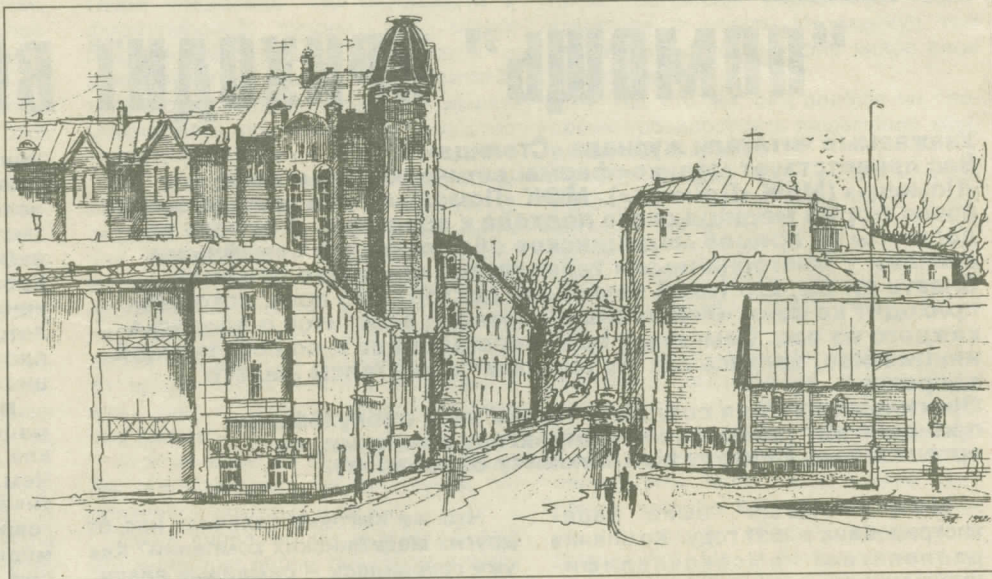
- эндоскопические методы;
- функциональная диагностика;
- рентгенологическое обследование;
- ультразвуковое исследование;
- радиоизотопные методы исследования;
- все виды лабораторных исследований;
- физиотерапевтическое лечение;
- баротерапия;
- консультации специалистов: кардиолога, гастроэнтеролога, пульмонолога, гематолога, невропатолога, хирурга, гинеколога, уролога, стоматолога, эндокринолога.

Мы ждем Вас!

Тел.: 132-20-52 Тел./факс: 190-31-06

Алексей
МИТРОФАНОВ

УЛИЦА ТИХОЙ ПЕЧАЛИ

В 1935 году ее переименовали в Метростроевскую. Неспроста — ведь тут открытым способом прокладывали первую линию метро, «от Сокольников до Парка». Улица превратилась в памятную жителям траншею, затем она вновь затянута землей и асфальтом, но на некоторых домах появились решетки. Сквозь них слышно, как ходят вагоны. А в 1986 году вернули старое название — Остоженка.

Улица — словно кактус, весь спокойный и домашний, но раз в жизни вдруг извергающий из себя буйное, тревожное соцветие. По примете — не к добру, и всем становится не по себе.

Выпустив и сбросив цвет, он сразу делается прежним — понятным, своим.

Так и улица — всегда прохладная, уютная, слегка провинциальная — вдруг разразилась революцией.

В доме 5 в 1917 году жила курсистка-большевичка Вера Инбер. «Это был плоский дом с трехгранными, как штык, балконами и двумя упадочными парадными. За его стенами решались судьбы Октябрьской революции,

а он был тих, замкнут», — вспоминала она.

В доме 16 в 1906 году заседал МК РСДРП. Заседание замаскировали под именины, те именины тайно посетил переодетый Ленин.

В доме 13 помещался трактир «Голубятня». «Еще задолго до 1905 года, — писал Гиляровский, — уютные и сокровенные от надзора полиции кабинеты «Голубятни» служили местом сходов и встреч тогдашних революционеров, а в 1905 году там бывали огромные митинги». В ноябре 1917 года из окна дома убили большевичку Люсику Лисинову. И спустя пять лет благодарная советская Россия перепутала все буквы в ее имени-фамилии, и появилась у нас странная Люсиновская улица.

На колокольне церкви Воскресения на Остоженке (там ныне — пустырь) был установлен огнемёт, у дома 15 окопались юнкера, у дома 17 — большевики...

Был окоп и в конце улицы. Там ранили «красного прапорщика» Померанцева. Думали, что он убит, назвали его именем ближайший переулок. Однако прапорщик всего лишь потерялся, выжил, стал

Остоженка — название старинное, почти былинное, были здесь разливные луга, на лугах поднимались стога, отсюда и Остоженка, иначе — Стоженка.

Рис. Ю. Николаевой

профессором молекулярной физики... Топонимикой и краеведением не увлекался, название переулка считал совпадением и умер лишь в 1979 году.

Но охладел революционный пыл — и опять тут не осталось места подвигу.

Улицы вновь сделалась спокойной и печальной.

Печалила она Булгакова — он частенько бывал в доме 7, на квартире у Ляминах. Там собирались московские снобы, они с пренебрежением относились к «писателю, приехавшему из Киева», к провинциалу. А тот, конечно, обижался и, в отместку, запустил туда Иванушку Бездольного, бегущего за черным консультантом. В ранней же редакции романа он был совсем откровенен в своих отношениях с домом:

«— Ах ты, хулиган! — страдая искренно, засипел швейцар. — Ты что же это делаешь? Ты не видишь, какой это дом? Здесь рабочий элемент живет, здесь цельные стекла, медные ручки, штучный паркет!

И тут швейцар, соскучившись, ударил с наслаждением Ивана по лицу... Ударив раз, он ударил два, очевидно, входя во вкус. Иван почувствовал, что слабеет».

О, как же хочется признания от ляминского круга!

«— Понимаешь ли ты, кого бьешь?.. Я ловлю убийцу консультанта, знакомого Понтия Пилата, с тем чтобы доставить его в ГПУ.

Тут швейцар в один миг преобразился. Он выпустил Иванушку, встал на колени и взмолился:

— Прости! Не знал. Прости. Мы здесь на Остоженке запутались и кого не надо лупим...

— Не смей в другой раз, не смей!»

Печалила Остоженка писателя Тургенева. Он жила здесь наездами, в доме 37 у матери-

помещицы, злодейки. Здесь сентиментальный романист с натуры написал Герасима, Муму и все, что с ними было. «Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, опутал веревкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел ее на шею Муму, поднял ее над рекой, в последний раз посмотрел на нее...»

Теперь этот дом печалит прохожих — тем, что на его фасаде две мемориальные доски. Одна — с правильными годами пребывания здесь писателя — «1841—1851», а другая — с неправильными — «1839—1851», зато с портретом.

А в середине Остоженки, в доме 19, построенном по проекту Льва Кекушева, владельца и автора соседнего буйного особняка, в 1925 году умирал патриарх Тихон. Там сейчас КВД и соответствующий стационар. После отбоя обитатели мужского и женского отделений собираются на лестнице — там курят, слушают магнитофон, танцуют. «У двух проститутки сидят гимназисты: Дудиленко, Барсов и Блок...» Впрочем, это я зря — лежат там лишь с кожными хворями: экземами да псориазами, ходят в специальную комнатку — «мазилку», где с головы до ног натираются противными средствами, а на ночь смотрят телевизор и танцуют под Богдана Титомира.

Под номером 35 — кирпичный страшила, начисто лишенный архитектуры. Он беспощадно бьет по мифу, что, дескать, до революции все у нас красиво строилось — возведен в 1904 году. В нем — магазины: продуктовый и коммерческий, с дорогими сигарами. Между ними — гудящая решетка, прирывающая бездну метро и окантованная для пущего безобразия орнаментомеандром. У решетки маленькая девочка ест

большую коричневую — неужели сигару? — нет, всего лишь сосиску, но тоже, наверно, противную, очень уж ее, беднягу, передергивает.

А неподалеку — парикмахерская с жутковатым названием «Авель».

Напротив — самое колоритное остоженское здание — дворец московского главнокомандующего Еропкина, усмирителя чумного бунта и с достоинством отвергнувшего дары императрицы — «тяну ножки по одежке, долгов не имею...» Сейчас там институт иностранных языков. Рассказывали, работал в нем один хохмач-преподаватель, так ему оторвало на войне две фаланги указательного пальца. Он входил к незнакомым студентам, приставив обрубок к носу. Сидящим в аудитории казалось, что он так глубоко ковыряет у себя в носу, некоторых даже тошнило.

Но это не мешало пить им пиво в заведении напротив. Правда, в конце восьмидесятых финансы студентов значительно пошатнулись — когда всем пединститутам повышали стипендию, из названия Московского государственного педагогического института исчезло столь важное слово

«педагогический». Но и пивные к тому времени уже начали закрывать.

А в самом последнем по улице доме (№ 53/2), в бывшем здании Наркомпроса («Но недвижимый в Остоженку врос, стоймя стал и стоит Наркомпрос»), жил Пантелеймон Лепешинский. Как-то Ленин пришел к Лепешинским, а хозяина не было дома. Он обвел глазами комнату и спросил у тогда восемнадцатилетней Ольги Пантелеймоновны: «Скажите, почему вы так выросли?»

— Давно виделись, поэтому и выросла, — ответила девушка.

Она не любила Ленина, а тот, вопреки всем легендам, не любил детей. Кстати, здесь, в этом доме, зародилась «домашняя» и малоизвестная кличка Ленина — «Шкурка». Пантелеймон Николаевич, прославленный своими карикатурами, изобразил Владимира Ильича в виде kota и подписал: «Рыжая шкурка, усы как у турка, на краже помешан, за то и повешен». С тех пор и пошло.

А улицы-печаль текла-текла — да и вытекла, растворилась в просторанстве под мостом — и исчезла, и стала рекою Москвою, могилой Муму. ■

Улицы Остоженки. Церковь Успения Богородицы. 1890-е годы

Фото из собрания М.Струкова

НЕ ОРИГИНАЛЬНО, НО ЭКСКЛЮЗИВНО

**«Смерть и дева»
«Современник»,
реж. Г.Волчек**

«Действие происходит, возможно, в Чили или в любой другой стране, где к власти пришло демократическое правительство после долгих лет тоталитарного режима» — этим заявлением театр подчеркивает актуальность постановки. Сданный в ноябре, спектакль родился трудно и лишь недавно вошел в стабильный репертуар труппы, а теперь стабильно собирает аншлаги. Марина Неёлова в главной роли подтверждает, что латиноамериканцы очень темпераментны. Спустя 15 лет после пережитых пыток ее героиня не только вздрагивает от шорохов, но и выхватывает при этом пистолет. Она не верит в результативность комиссии по расследованию преступлений хунты, куда назначен ее муж (Б.Дьяченко). Поэтому подозрительно рьяно требующий покарать прошлое, однако

сомневающийся в доказуемости фактов врач (В.Гафт) оказывается привязанным колготками к стулу. Зрителям предстоит самим решить, мучил ли тюремный доктор Паулину Салас под звуки композиции Шуберта «Девушка и Смерть» или он соглашается с обвинением, дабы не нервировать сумасшедшую? Застрелила ли в итоге женщина палача или со временем они еще встретятся, как в финале спектакля, спустившись со сцены в ряды партера? Автор пьесы, чилийский писатель, сподвижник Сальвадора Альенде, ныне профессор университета в США, Ариэл Дорфман ставит вопрос так, чтобы быть понятным зрителям на Бродвее и в лондонском театре «Ройял Корт», где два года назад состоялась премьера. Позволительно ли законолюбивому демократу собственноручно задушить того, кто изнасиловал его жену? И дополняет размышления проблемой допустимости для борца в отсутствие супруги простирает сотрудничество с подругами по партии вплоть до половых сношений. Книги Дорфмана переведены на

двадцать языков, эта пьеса стала мировым хитом, готовится экранизация в Голливуде. «Современник» получил эксклюзивное право на постановку ее в России. Для нас тема произведения не оригинальна, но, если вам неуютно в мире, сходите на спектакль — актеры, принимая на себя зрительские боли, делятся своей энергией жизнестойкости.

Нина ТИХОНОВА

МОЦАРТ В ЧЕСТЬ УЧИТЕЛЕЙ

**Концерт оркестра
«Санкт-Петербург
Camerata»
Большой зал
Консерватории**

Пианистка, не покраснев и не побледнев, ровным шагом, как входят к себе домой, вышла на сцену Большого зала. К ней придирчиво или ласково приглядывались: как выросла... Вот новость — дети вырастают! Однако далеко не за всеми так пристально следят, когда это происходит. Полина Осетинская много лет назад (а сейчас ей 17) прославилась как вундеркинд-исполнитель, после чего ее имя исчезло из афиш. Причем, если вспомнить, эта история имела сильный привкус скандала. Все эти годы она училась в классе петербургского педагога М.В.Вольфа и только недавно начала снова концерттировать. Оставив в стороне длинный шлейф разнообразных обстоятельств, порождающий одно устрашающее определение «девочка с прошлым», все-таки следует отметить добрую волю дирижера и педагога С.Сондецкиса, который взялся не только пестовать свой юный во всех отношениях оркестр, но и вывести спустя годы на главную столичную сцену такую девочку. Полина играла 24-й концерт Моцарта. У нее остались мягкость природного туше и детское обаяние «перебирания пальчиками», но, наконец, ушла музыкальная «грязь»,

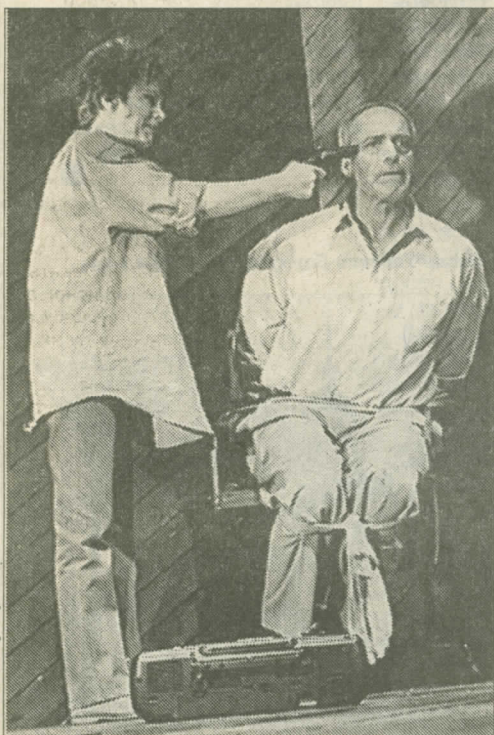
которая этому сопутствовала. И главное — ей удалось не только блистательно чисто перебирать ноты, но и выразить глубокий драматизм музыки Моцарта, который легко забывается, поскольку с детства и до старости нас пичкают сладкими словами о его «светоносности». Во втором отделении солисты и хор Владимира Минина представили фрагменты оперы Моцарта «Так поступают все». Уже сама по себе идея такой работы с хором достойна поощрения. Исполнение — того же. И не беда, что молодые оркестранты не смогли в этот день хорошо разыграться. У них есть учитель — один из самых опытных и знаменитых маэстро.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН ВМЕСТО ОБЕДА

**«Женитьба
Бальзаминова»
Театр имени
Евг.Вахтангова,
реж. А.Кац**

Жизнь есть сон, сегодня это сон кошмарный... Но вот появился спектакль, в котором реальность противопоставлена сновидениям в пользу последних. Для Бальзаминова реальность пагубна и тяжела, она таит в себе массу опасностей. В реальности он беден и потому всяческими путями пытается разбогатеть, а именно — жениться на двух невестах сразу. Зато в снах и мечтах ему хорошо, спокойно, уютно. Режиссер материализует сны Мишеньки в виде этаких балетных миниатюр. Насыщенность их увеличивается по мере приближения к финалу, и последний танец становится окончательной победой над действительностью, дающей возможность и дальше пребывать в вожделенной стихии сна. Спектакль вахтанговцев мягко ведет за собой, подчиняя обаянию легкости и воздушности. Возможно, его могли бы погубить

Сцена из спектакля «Смерть и дева»
Паулина — М.Неёлова,
Роберто — В.Гафт

Фото М. Чернова

Герои спектакля «Женитьба Бальзамина»: Бальзамина — А. Гунченко, Бальзамино — М. Васильев, сваха — Р. Праудина

алаяповатые костюмы и грубоватые конструкции художника Т. Швеца, но, по какой-то обратной логике, они неплохо работают на тему спектакля: жить в мире грубом, примитивном невозможно, единственный выход — мечтать, обретая другую реальность. Эту другую реальность и дарит нашей уставшей и раздраженной публике ясный, легкий, праздничный спектакль.

Яна МЕЕРЗОН

УМЕЮТ ЖЕ ЛЮДИ!

«Аляска, сэр!»
Ст. «Русь», реж. В. Ребров

Если мы переоденем немецко-фашистских оккупантов в русско-советских оккупантов, возьмем все атрибуты фильмов о ВОВ, а именно — барахолку, ресторан с весельем разлагающихся на глазах оккупационных властей и певичкой-героиней, тюрьму и засунем это в сентябрь 1939 года...

Если мы возьмем гангстерский фильм о соперничестве двух бандитских группировок и благородного грабителя с неблагодарными головорезами... Если мы возьмем притчу о неудачнике-изобретателе, на помощь которому приходит хороший, но все-таки разбойник... Да еще прибавим русского эмигранта, который одержим идеей переселить всех своих соплеменников на Аляску (Аляска якобы русская земля!), чтобы не было ни большевиков, ни европейцев, а одни только русичи... Вот если мы все это возьмем, перемешаем, добавим перчику, обнаженную ножку (не более, никакого там

новомодного сексу!) и французское белье, автомобильные гонки, «ероплан» и воздушный шар, заставим хороших актеров сыграть нечто романтическое про влюбленных, которым мешают то гангстеры, говорящие почему-то на бабелевско-одесском языке, то мордвороты НКВД, говорящие на немецко-оккупационном диалекте фильмов прошлых лет, то получится картина «Аляска, сэр!» с неплохой музыкой, после которой не остается никаких мыслей, кроме одной: ну ведь умеют же люди делать фильмы, на которых можно просто отдохнуть!

Владимир БАТШЕВ

ДОМ ВЫСОКИХ И ХРУПКИХ ВЕЩЕЙ

Выставка
Фиалки Штеренберг
ЦДХ

Судьбе Фиалки Штеренберг легко позавидовать. Она родилась в Париже, в знаменитом «Улье», младенцем ее нянчил на руках сам Пикассо. Дочь Давида Штеренберга, классика советского искусства, жена Валерия Алфеевского, замечательного книжного художника, — казалось бы, близкое присутствие и тесное общение с двумя ярко талантливыми мужчинами ее женский талант могли если не подавить, то заставить звучать вполсилы. И тем не менее. В негласном, всегда подразумеваемом диалоге с наследием отца Фиалка Давидовна выигрывает естественностью — красота вещей для нее органична. Статуэтки, вазы, цветы,

темно-бордовые драпировки, слепки с антиков, деревянная скульптура... Она рисует так, как если бы все это постоянно присутствовало в ее жизни, что, впрочем, соответствует действительности. Она могла бы сказать о себе словами известного философа: «...Я вовсе не нуждаюсь в намерении, а лишь в простом выжидании, чтобы невольно вступить в мир высоких и хрупких вещей: я там дома, моя сокровеннейшая страсть становится там впервые свободной».

Давид Штеренберг, выстраивая свои натюрморты, моделировал красоту. Фиалка ее чувствует изнутри. Что бы она ни выбирала «персонажем» своих холстов, предмет этот все равно получится драгоценной вещью. Благодаря цвету. Старомодное слово «колорит» в ее картинах более чем значимо. Фиолетово-лилово-бирюзовое sfumato присутствует в них постоянно, как если бы художник смотрел на мир через цветные стекла калейдоскопа, которые превращают знакомый пейзаж или интерьер в сцену сказочного фильма. Этот

Ф. Штеренберг. Желтые розы

колорит невозможно спутать — он впитал и герметически сохранил традицию великих колористов начала XX века. Фиалка Штеренберг — это живое олицетворение связи времен. Связи, которая, как нас уверяют, распалась. На самом деле ее постоянное присутствие так же неизбежно, как неизбежно само время.

Людмила ЛУНИНА

СКАЗКА — ЛОЖЬ

«Настя»
ст. «Ритм» киноконцерна
«Мосфильм»,
реж. Г. Даниеля

Замечательный режиссер Даниеля сделал плохой фильм. Ну с кем не бывает — вспомните хотя бы, как у него же «Слезы капали...» На сей раз известному комедиографу помогли в этом не менее известные и опытные Александр Володин и Александр Адабашьян — как авторы сценария (интересный эффект).

Дело не в том, что фабула элементарна: девушка Настя, недовольная своей скромной внешностью, заполучает смазливо-рекламный лик, но, естественно, в конце концов обретает счастье в своем прежнем обличьи серой мышки, пренебрегая всеми благами, которые сулит подаренная ей секс-бомбежная внешность. Сказка. Сказочка. Мы их (сказочки) любим, но мы ведь и до благостных пасторалей мы еще не доросли (или ну их на фиг вообще?).

Есть, однако, смешные реплики. «Мужик, дай мне по морде!» — а тот в ответ отмахивается: «Зимой, зимой!» (в кадре — как минимум июнь при этом). Когда хорошую комедию снимаем? Зимой-зимой? Подождем. Правда, Лев Аннинский в «МН» по-аристотелевски честно признался, что испытал от «Насты» — цитирую — экстазис и катарсис. Что ж: дай Бог ему еще и оргазмуса. Каждому свое.

Алексей ЕРОХИН

EXECUTIVE PRODUCER, ИЛИ Хозяин дома Юлий ГУСМАН

Западный термин, которым определяет себя сам Гусман, пояснить мне не под силу. Но со школы знаю, что executive talent — это организационный талант. Экзекуция, кстати, от того же корня.

Кажется, Гусмана все знают — со «старого» КВН («Мы противника берем улыбкой в плен») до «нового» КВН (самый грустный в жюри) или от первого «перестроечного» Московского фестиваля, где работал ПРОК (профессиональный клуб кинематографистов в Доме кино) с его веселой «ПРОКграммой», до сегодняшнего Дома кино, где он пять лет директорствует. Однако по ТВ почему-то всегда представляют: *кинорежиссер Юлий Гусман*. Мне стало интересно. В последнем издании (1986) советского кинословаря имя Гусмана с трудом можно обнаружить только в статье «Азербайджанской ССР кинематография», где упоминают фильм «Дачный домик для одной семьи» (1979). Еще Гусман снял телемюзикл «Не бойся, я с тобой», в нем, помнится, много пел Полад Бюль-Бюль-оглы. Юлий Соломонович перечисляет собственные фильмы скороговоркой, не акцентируя свою гениальность и не сокрушаясь о безвестности. До кино Гусман ставил мюзиклы в Баку — «Три мушкетера»,

«Человек из Ламанчи» — и фрагменты из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Последнее он показал в СССР первым — сразу же, в 1972 году. Пропаганду религиозно-американского дурмана быстро запретил чиновник из Москвы, но, видимо, за этот ущерб судьба (вместе с продюсером) подарила Гусману постановку в Америке мюзикла по пьесе Е.Шварца «Дракон». С успехом. Из всего перечисленного самая большая часть жизни Гусмана — это КВН. Для газеты «Новое русское слово» он наговорил про это сто машинописных страниц. Глупо было бы выжимать из него что-то еще. Ах да. Биография. Родился, вырос, учился, женился и долго жил в Баку. Профессорская семья, мама — английский язык, папа — медицина. В 19 лет уже работал в ЦК местного комсомола и не стыдится этого сегодня. Был членом партии. Окончил мединститут и аспирантуру. Тема диссертации — «Клинико-психологическая корреляция при церебральном атеросклерозе». Но братья Ибрагимбековы, КВН и закономерность случая привели его на Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Что было дальше — см. выше, поскольку в его жизни не поймешь, за какую ниточку надо тянуть сначала.

Со стороны я по-детски видела в нем героя «Волшебника Изумрудного города». Помните, огромная голова или соблазнительная красotka (судя по обстоятельствам) гулко вещают: «Я — Гудвин, великий и ужасный», — но Гудвином оказывается хилый бедолага. Он попал в этот дурацкий город и, не имея ничего кроме сообразительности, стал его владыкой. Другого выхода у него не было.

Идти к Гусману было страшновато, хотя он веселит публику, где бы ни появлялся, хотя о нем сказано и написано много хорошего — и все это правда. Но в злых сплетнях, от которых никто не огражден, Гусман предстает то головой с куриными мозгами, то недееспособной красоткой, то великим и ужасным гонителем, то плохим режиссером, то кавээнщиком с шутками дурного вкуса. Народ говорит: хорошее слово лежит, а дурное бежит. Наслушавшись и начитавшись «бежащей дури», не выславшись, влетаю утром в его кабинет — и вижу такие же усталые глаза и благодарную улыбку: спасибо, не опоздала, оценил. Зато первый вопрос — о слухах — не оценил и загрустил: «Ничего себе начало для интервью!» Мне стало стыдно. Я просто хотела «завести» его. Он «завелся», да еще в таком темпе и с таким темпераментом, какой мало у кого остался.

Фото С. Пожарского

— На вас много нападок!

— До меня доходят только приятные отзывы!

— Не верю!

— И правильно! Кавээнщик из Баку, толстый, усатый, в Москву просочился, директором стал, везде мелькает, все у него вроде получается. Зачем думать, что я пять лет работал в правлении Дома кино, жил в самолете между Баку и Москвой, что Мережко полтора года пробивал мою кандидатуру, что, в общем-то, все решил V съезд кинематографистов? Проще сказать: блат, деньги, азербайджанско-еврейская мафия.

— Нормально работающее «советское» сознание.

— Я это сознание ненавижу и на вверенной мне территории истребляю как могу.

— Зависть и амбиции не истребишь.

— Каждый сам в себе их должен истреблять. Да, в нашей стране всем недодано, поэтому кто-то сегодня пытается взять то, что недополучил. У всех перевозбуждены амбиции. А ре-

зультат? Одно из несчастий «советского человека» — признать чей-то ум, талант, успех, красоту. Раньше меня это не трогало. Но теперь, когда говорят все, что думают, вовсе не думая, а так — «несут» всех подряд, меня стало задевать наличие не только «желтой» прессы, но и «желтого» взгляда на мир. В театре жизни всегда главную роль играют ненависть и зависть. Жаль. Но раньше хотя бы интеллигенцию отличало отсутствие «громкого» проявления этих качеств...

— Как вы справились с «советским человеком» в своем Доме?

— Первое, что мне предложили, — всех уволить. И набрать хороших. Я ответил словами Сталина: дорогой, других людей у меня для тебя нет. Я не верил, что другие будут лучше.

— Почему?

— Есть десять лучших балерин, шоферов, спортсменов, уборщиц, журналистов. Где их искать, чем улетист, как платить? Но я же не в экстремальных условиях работаю — зачем эти проблемы? Мне нужны просто хорошие исполнители.

— Где вы их нашли?

— Здесь. Хотя «советский человек» шептал: этот пишет на тебя в КГБ, эта — антисемитка, а тот — дурак. Я сказал, что никого не уволю, но заставлю выполнять мои правила и докажу, что работа может приносить радость. Сегодня, без ложной скромности, думаю, нам с Мережко и Борисом Муромским удалось создать лучшую команду по организации массовых представлений. И нечего иронически улыбаться! Я понимаю, что в этой стране хвалиться шоу, мюзиклами и концертами глупо. Она пока не приспособлена для этого. Но мои голливудско-бродвейские мозги хотят придумать людям праздник. Южанин, в крови — пузырьки азота, как в шампанском, вхожу в магазин и всем улыбаюсь (широко улыбаюсь)...

— С чего бы это?

— Я хочу всем улыбаться. Конечно, если меня кто-то «пошлет», стану зверем. Этого не прощаю.

— Учту. С чего вы начали, вступив в должность директора?

— Все же я не директор... Я по сути — художественный руководитель: подписываю документы, счета и прочее (тут же зашла дама со списком)... но почти ничего в этом не понимаю. Зато меня не подводят заместители и главный бухгалтер. А я (тут он, наконец, свободно откинулся в кресле) — организатор «культурного» процесса.

— Слово «director» по-английски означает и «режиссер». Кроме того, я точно знаю, что чистые полы — это заслуга не только уборщицы.

— Благодарю (он поклонился), что заметили. Дом кино, на самом деле, организация нищая: наши микрофоны, покидая Москву, оставил Наполеон, а кинопроекторные — долюмьеровских времен, у нас нет иного света, кроме «лампочек Ильича». Зато — чисто, есть туалетная бумага и мыло, тихо-тихо играет музыка. Да, придя работать в Дом кино, я начал не с церемоний и праздников — что знаю, умею и люблю, — а с элементарных «низких» вещей. Смешно, да? Художник слова и зрелищ, красавец из Баку приехал в Москву покорять мир — и полез в сортир.

— Не смешно. Зардевшись, благодарю вас за это... Вы читали книги Дейла Карнеги?

— Да. Но многое приходилось самому вычислять, а потом читать у того же Карнеги. Мое главное правило — от людей надо требовать выполнения минимального урока. Вы можете написать грубую, неграмотную, неинтересную статью про Гусмана, но явиться к нему вовремя на интервью — обязаны. Этот урок вы знаете.

— Спасибо. Но минимум — ведь этого очень мало.

— Чтобы сдвинуться с нуля, надо подняться на уровень «один». Это уже непросто. А все, что выше, надо либо объяснить, либо оплачивать специалисту, либо никогда не требовать от кого-то лично. Я уже могу ежедневно механизмом Дома кино не заниматься — машина работает. Но сначала мы шли через слухи, сплетни, кабинетные войны, тупые разговоры, потому что мы — наступали. И главное, наступали на амбиции людей, не желающих или не умеющих что-то делать.

— **Теперь вам наступают на амбиции: ведь вашу «Нику» оценивают не только хорошо.**

— Дело не в том, что иногда пишут плохо, но — почему и как пишут. Вот у американцев основное качество, которое они в себе воспитывают, — это *be positive*, ищи хорошее. У нас — *be negative*, ищи плохое. Ведь вручение профессиональных призов кинематографистам может стать поводом написать вообще про кино. В той же Америке журналисты иногда ругают «Оскары» и прочие шоу. Но уважение к тому, как много Клинт Иствуд сделал в кино, выше криков о том, что сегодня он вроде бы приза не заслужил. Этот приз дала Киноакадемия. Все. Кстати, почитайте в «Московском комсомольце» про церемонию вручения «Оскаров» этого года — ведь видно, что у автора слюны от счастья текут. Это — когда «про них». А «про нас» — только брань. Надо научиться любить свое. Тогда свое станет хорошим.

— **А нашу — свою — прессу вы любите?**

— Я же вас всех читаю! Наша пресса резкая, грубая, лихая, стёбная, памфлетно-пасквильная. Вас всех надо вымыть, выпороть и сжечь! Но, по интересу чтения, вы — чемпионы мира. Наша пресса, выйдя на рынок, стала в чем-то очень «желтой», но это облетит, как листья осенью, а на перерное вырастут хорошие плоды. Уверен.

— **А наше — свое — кино вы любите?**

— Дочка, ты помнишь, к кому пришла? Я же кинорежиссер, директор Дома кино. Вкусы у всех разные. Я, например, обожаю мюзиклы. Но при чем тут вкусы, когда нет системы критериев? У нас даже в музыке иногда по одному счету судят Спивакова, Пугачеву и Титомира. Но кинокритики, эти всегда видят только высшую планку — Феллини, Тарковский. Почему нельзя ценить заслуги режиссера-экспериментатора, который развивает эстетику, и режиссера-комедиографа, рассмешившего наш несчастный народ?

— **Да, я вспомнила, к кому приш-**

ла. А вы помните, как впервые попали в Дом кино?

— В первый же день на Высших курсах мы узнали, что можем ходить в Дом кино. Я бывал в Москве в театрах, но тут — никогда. Опоздал, взбежал по лестнице, заглянул в щелочку, увидел амфитеатр, залитый серебристым светом из проекторской, и услышал что-то с экрана по-английски, а переводчик спокойно так: «Что ж ты... пошел ты... да я тебя...» Я обалдел: в то время не адаптированные цензурой фильмы можно было увидеть только в узком кругу кинематографистов. Просто шел американский фильм, где много мата. Переводил Кирилл Разлогов — теперь доктор искусствоведения. Дом кино меня потряс сразу.

— **В последние годы он стал еще и политическим клубом.**

— Да, мы стараемся поддержать демократические структуры, пришедшие к власти правовым путем. (Как умно сказал, а?) Это необходимо: люди типа Бабурина — никто, но, придя к власти из-за всеобщего молчания, уничтожат нашу чуть ожившую страну. Когда у нас шел митинг-концерт «Дать слово народу», около Дома стояла толпа наемников и кричала: чемодан, вокзал, Израиль! Милиция оттесняла их — и все. Эта толпа нарушила десяток законов, но ее никто не растащил по кузкам! Чтобы такой беспредел не стал нашей судьбой, Дом кино превращается иногда в политический клуб, чтобы не «терять лицо», несмотря на трудности.

— **Перед кем — не терять?**

— Перед самим собой. Перед интеллигенцией, что, надеюсь, одно и то же. Это и вашего журнала касается. На нас смотрят одни и те же люди, во многом воспитанные КВН.

— **Ну наконец!**

— Нет, не дожидетесь. Поясню только последнюю мысль. КВН — это единственная телепрограмма, которую мы придумали сами. С 60-х годов КВН, в частности, заложил тип мышления интеллигента, которым мы выгодно отличаемся от всего мира: язык быстрых ассоциаций, с виду невинных, но убийственных намеков и прочее. Сегодня у нас — от макроэкономики до киноискусства — можно объясняться только на языке КВН, языке стеба. Либо — заставлять. Управлять чем-либо здесь — значит сочетать смелые планы со строжайшим требованием выполнения минимума. Я люблю и уважаю Гайдара, но, скорее всего, такое удастся человеку типа Черномырдина. Гайдар умеет придумывать, но приказать не может.

— **Но вы-то выдумываете и «уроки» спрашиваете.**

— Да. Я умею. Где бы я ни работал, у меня все бы крутилось-вертелось. (Долго смотрит в окно.) Но ведь я же — Гусман. Балагур и весельчак. Вся жизнь на лбу горят буквы — КВН...

— **Вы хотите избавиться от этих трех веселых букв?**

— Ни за что. Мрачный, нелюдимый художник — это не я. Да, мы по-прежнему плохо живем. Но солнце светит, птицы поют, «Мальборо» — самые дешевые в мире. Накопил — купил. Не тянет на глубокую философию, да?.. Надо заботиться о стариках, нищих, больных, бездомных, а остальные сами могут себя содержать, зарабатывать, что-то делать и радоваться жизни...

Он делает. И, чтобы себя содержать, зарабатывает. И радуется. И благотворительностью занимается. Хотя слова этого не любит. В его доме она скромная: елка для детдома, вечера для ветеранов кино или, кстати, пресс-клуб, который я посещаю. Но недавно их осенила мысль, что есть пожилые москвичи, которые за всю жизнь ни разу в Доме кино не были. В кино — да, а в Доме — нет. И они провели «Рождественский фестиваль»: пенсионер приходил и по своему удостоверению получал билет. Они не знали, кто придет и сколько. А очередь на Брестской стояла до Белорусского вокзала. На морозе. Они даже испугались. Вместо запланированного одного дня работали пять. Веселый и находчивый Гусман, открывая вечер, почти все выступление проплакал. Наша циничная пресса и ТВ тоже ревели. Что же случилось? Ну — хороший кинотеатр, билеты бесплатные, фильмы неплохие, кто-то что-то спел или прочел. Но ведь — не более того.

Господи, мы все про что-то забыли! Надо вспомнить. Как легко человека порадовать: в январе в Доме кино пять тысяч стариков несколько часов **БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ.**

Чтобы убраться сентиментальную ноту, процитирую «Московский комсомолец»: «Гусман сказал, что можно сколь душе угодно сочинять пасквили под девизом «Юлька-дурак», но лучше дружить». Он правильно сказал.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

И ЧТО-ТО СЪЕСТЬ, И КУДА-ТО СЕСТЬ

«Дикий кактус», США,
реж. Джек Мундхрар

Эротический боевик. Героиня — роскошная супердива в самом соку. Да вот беда — не повезло с мужем. Во-первых, ученый, кактусы какие-то изучает. А во-вторых, не так сексуально озабочен, как его жена, тоскующая по настоящему эротическому приключению. И ее мечты сбываются в виде двух рецидивистов, мужского и женского пола, которые в перерывах между убийствами очень любят побаловаться со своими жертвами. Короче, героиня испытывает все прелести бисексуальной любви, но, когда возвращается недобитый подонками муж, не раздумывая становится вместе с ним на защиту домашнего очага. А потом и с мужем у нее очень и очень все налаживается. Мораль: настоящая женщина может все, и даже больше того (см. название заметки).

РАЗ ПОШЛИ НА ДЕЛО

«Авантюристы», США,
реж. Фил Элдон Робинсон

Итак, раз пошли на дело Роберт Редфорд, Сидней Пуатье, Дан Айкرويد, Бен Кингсли и еще парочка менее популярных актеров. А дело заключалось в том, что команда во главе с Редфордом грабила банки. Но вполне легально, ибо на следующий день они возвращали деньги банкирам и объясняли им, за гонорар, естественно, в чем заключается слабость той или иной системы сигнализации. Так и жили бы дальше и работали на благо банковской системы мужики-разбойники, если бы не вляпались в историю со сверхсекретным дешифратором кодов, который мафия, притворяющаяся русской разведкой, похитила у американского Агентства национальной безопасности. Надеюсь, сюжет дальше рассказывать нет смысла.

Фильмы представляет Петр Смирнов

Конечно же, главное в нем не что, а как. И здесь все придумано и осуществлено создателями фильма просто блестяще. Добавьте сюда яркую игру звезд, и вы получите великолепное зрелище.

СИГАЛ БЕЗ КОСИЧКИ

«В осаде», США,
реж. Эндрю Девис

«Любимец публики и женщин» Стивен Сигал продолжает свою «никониаду» в осаде, на американском линкоре, захваченном террористами. На сей раз он, правда, попытался замаскироваться: срезал свою знаменитую косичку и выдает себя за обыкновенного повара. Впрочем, маскировка не помогает, ибо зрителям сразу понятно, что и без косички Сигал — это Сигал и

плохо будет всякому (сколько бы их ни было), кто станет у него на пути. Тем более что повар на самом деле оказывается временно разжалованным командиром подразделения «Морских львов» — американского военно-морского спецназа. И тут остается только смотреть, как он расправляется с террористами. А смотреть есть на что, ибо делает он это, как всегда, лихо и красиво.

А СТОУН В РОЛИ ДЕВСТВЕННОИЦЫ

«Ножницы», США,
реж. Франк де Фелита

Шерон Стоун, ставшая новым секс-символом Голливуда после «Основного инстинкта», резко сменила амплуа. И предстала на экране в роли 26-летней... девственницы, которая а/ панически боится мужчин, б/ патологически любит ножницы. А все это потому, что в детстве мама на ее глазах уколошила ножницами

отчима, приревновав его к дочери. Дальше начинается психологический, хотя и несколько нудноватый, детектив, во время которого героиню заманивают в ловушку и пытаются свести с ума, дабы повесить на нее чужое убийство. Но она с честью, хотя и несколько рехнувшись, выходит из этой ситуации в полном соответствии с пословицей «Не рой другому яму». А появление в финале долго и безуспешно ухаживающего за ней героя обещает нам, что и с девственностью она очень скоро покончит столь же решительно, как и с преступником. Вот почему я лично с большим нетерпением жду продолжения «Ножниц».

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«Синие фиалки», США,
реж. Джек Фиск

Классическая мелодрама, которая, несмотря на расхожий сюжет (герои встречаются вновь через двадцать лет, он — женат, для нее работа превыше всего, борьба между чувством и долгом с победой последнего), снята просто, со вкусом и без присущих порой жанру передержек. Одним словом, что называется, старое доброе кино, на которое всегда был и будет спрос.

ВИДЕООБМЕН

БОЛЬШОЙ ВЫБОР
ЗАРУБЕЖНЫХ
ФИЛЬМОВ-НОВИНОК!
Для граждан — 60 руб. в сутки.
Для организаций по
безналичному расчету —
50 руб. в сутки.

Андрей ЧЕРКИЗОВ:

«Дурного имени у РАИС уже нет»

Фото Э.Кудрявицкого

«Столица» уже писала о сегодняшнем состоянии дел в области авторского права (см. № 2, 1993). Как говорилось в материале, изменить это состояние, по-прежнему плачевное, мог бы закон об авторском праве, ведь, по оценкам отечественных и зарубежных специалистов, он не только соответствует стандартам международных конвенций, но и идет дальше, учитывает современные тенденции совершенствования правового механизма в области интеллектуальной собственности. 29 апреля парламент наконец принял закон, и после

подписания президентом он должен вступить в силу. Никто, пожалуй, не ждет этого с таким нетерпением, как руководство Российского агентства по охране интеллектуальной собственности (РАИС). Ведь только действующий закон позволит этой организации, имеющей высокий статус центрального органа федеральной исполнительной власти, в полной мере реализовать свои функции. О проблемах и перспективах в работе агентства корреспондент «Столицы» беседует с генеральным директором РАИС Андреем Черкизовым (Семеновым).

— Андрей Александрович, по иронии судьбы вы были назначены президентом на должность в тот же день, 27 января нынешнего года, когда в Верховном Совете состоялось первое чтение законопроекта об авторском праве. В интервью вы уже подчеркивали, что новое руководство не «новая метла», которая «по-новому метет». Что вы намерены сохранять преемственность не только по отношению к вашему непосредственному предшественнику, М.А.Федотову, у которого вы работали советником, но и по отношению к деятельности вашей организации в целом, то есть со времен ВААП и ГААСП. Не могли бы вы уточнить, что имеется в виду?

— Это станет понятно, если мы уясним сперва, в чем состоит изменение

функций РАИС по сравнению с ВААП. Формально функция одна — охрана авторского права. Но фактически ВААП занимался этим «в-шестых», имея еще множество функций. Это была и идеологическая цензура, и плотина для «тамиздата», и способ «окормлять» начальников, и, конечно, крыша для ГБ. Поэтому так важно в наше время изменить «имидж» РАИС, прежде всего внутри страны, дать понять, что мы — «приличная» организация, главная задача которой — именно защита интересов авторов. Я все время говорю здесь на совещаниях, что мы — организация обслуживающая, и стараюсь добиться соответствующей манеры работы от сотрудников.

Но, работая по-новому, мы, по моему глубокому убеждению, никому не имеем права предъявлять счет за прошлое. Понимаете, в нашем бизнесе — а это, в общем, бизнес — опыт и личные связи играют решающую роль. Когда ГААСП в начале 1992 года упразднили, проще всего было уволить всех сотрудников. Но и Федотов, и теперь я всегда старались дать понять, что мы дорожим профессионалами, причем отдаем предпочтение тем, кто стоял, так сказать, у истоков еще ВААП и чей опыт, следовательно, больше.

Мы очень «штучно» подошли даже к вопросу о службе в ГБ. Например, есть один сотрудник, о котором было точно известно, что он состоял там на службе. Но ведь это удивительный профессионал, владеющий четырьмя языками, человек, которого много лет знают и уважают все наши партнеры! Он был поставлен перед выбором, сделал этот выбор, был оформлен в ГБ в отставку и сейчас работает с нами. Понимаете? Мне не важно, что вы делали в прошлом, мне важно, как вы работаете сейчас, — вот моя позиция. Ни одного легального сотрудника ГБ в РАИС сейчас нет, это я утверждаю. Зато сегодня, что мне очень приятно, к нам стали возвращаться уходившие в свое время старые работники, возвращаться, зачастую теряя в зарплате. Конечно, мы «новая метла», но та, которая не «метет», а аккуратно прибирает по углам.

— ВААП, как известно, только номинально считался общественной организацией, а на деле был организацией государственной. РАИС — уже государственная организация по своему статусу. Некоторые считают, что это идет вразрез с мировой практикой функционирования авторско-правовых организаций. Создается двусмысленное положение, ведь государство — крупнейший правопользователь, и именно от него следует защищать авторов-правообладателей.

— Я категорически возражаю против такой постановки вопроса. Так считают те, кто убежден — государство всегда противостоит гражданину. Но в том-то я и вижу новизну демократической России, что государство сейчас пытается взять на себя миссию защиты прав человека. Авторское право — важный элемент этих прав. Чем демократичнее режим, тем больше он уважает права творца: не случайно первый соответствующий закон, подготовленный Бомарше, был принят во Франции после «Декларации прав человека и гражданина», в Америке — за конституцией США. Это одна сторона — так сказать, методологическая.

С другой стороны, принятый закон обязывает нас изменить свой статус и превратиться в общественную авторско-правовую организацию. Но поймите, это нельзя сделать сразу. Обязательно нужен будет переходный период в год-полтора. Во-первых, исторически сложилось, что РАИС — организация многофункциональная. Мы одновременно: агентство в собственном смысле (в том числе — музыкальное агентство-издательство), то есть коммерческая организация, способствующая осуществлению культурных проектов; адвокатская контора, дающая консультации; фискальный орган, взимающий налоги с гонораров; наконец, авторско-правовое общество по коллективному управлению имущественными правами авторов (то есть по сбору гонораров за «публичное исполнение» — организация, по определению, некоммерческая). Отсюда — второе: дисбаланс в наших доходах-расходах и необходимость их перераспределения. Наш основной источник доходов — научно-техническая литература и периодика. Наши расходы — это содержание многочисленных уполномоченных, собирающих сведения, оформляющих и посылающих ежеквартальные отчеты в налоговую инспекцию.

— Однако расходы на такую денежную отрасль, как шоу-бизнес, приносит, как известно, наибольший доход зарубежным обществам...

— Конечно — но за счет чего? Телевидения, главным образом. А у нас только 3 августа 1992 года в «Основных гражданском законодательства» появилась статья, обязывающая платить за использование произведений на ТВ и радио. А до этого действовало постановление ЦИК и СНК 1929 года «О праве передачи по радио и проводам публичного исполнения музыкальных, драматических и других произведений, а равно лекций и докладов», из которого явствовало, что за эфирное использование ниче-

го платить не нужно. А вот постановление по минимальным ставкам тарифов за такое использование до сих пор правительством не принято. То есть брать мы уже имеем право, а сколько — не знаем.

Вы говорите: на Западе так-то. Но ведь там 200 лет этой традиции! А у нас? Отсюда и третья наша проблема: Россия все-таки страна очень бюрократическая, и прав здесь всегда начальник. Одно дело, когда я прихожу к пользователю, чтобы заставить его платить в качестве «полуминистра» Российской Федерации, и совсем другое дело, если я приду к нему как руководителю общественной организации. Знаете, куда он меня пошлет?

— Но закон позволяет решать дела через суд...

— О! Прекрасно. Вы давно были в суде? Вы этих судей видели? Тут было дело издательства «Текст» — они поймали пиратское издательство и подали на него в райсуд. Тот вынес решение, которое подтвердил и Мосгорсуд. Гениальное решение. Суд решил, что раз прибыль получили обе (!) стороны (!!), то в иске — отказывается. «Да они же вор-ры!» Ну и что? — прибыль получили, в иске отказать. Понимаете, нельзя впадать в некий «юридический дебилизм» и делать вид, будто мы уже живем в правовом государстве. Я по этому поводу все время спорю и с разработчиками закона. Самим судьям еще лекции надо читать!

Поэтому я и настаиваю на «переходном периоде»: необходимо изменить само отношение общества к проблемам авторского права и к статусу общественной организации. Кроме того, закон не является в полной мере законом прямого действия: необходимо еще множество подзаконных актов, которые урегулировали бы все вопросы взимания сборов за использование произведений. А уж на подготовленной почве можно создавать нормальное авторско-правовое общество. Курс на эту реорганизацию мы взяли и, в принципе, к концу года готовы ее провести.

— А как вы относитесь к возможности появления параллельных структур в сфере охраны авторского права?

— Неоднозначно. Что касается агентств — то их существует уже множество: и литературных, и театральных, и музыкальных издательств — это естественно. Но в том, что касается авторско-правовых обществ по управлению правами, то здесь демонаполизация как раз вредна, и европейский опыт нас в этом убеждает. В некоторых национальных законодательствах, как, например, в Испании, существует даже прямой запрет на

параллельность. (Я выступал за такой запрет и у нас, но разработчики закона со мной не согласны.) Может существовать разделение по типу прав (большие, малые, смежные) или по сфере деятельности: художники в одном обществе, композиторы — в другом и т.д. Но параллельность внутри одного вида вредна авторам, потому что разрешает пользователям играть на конкуренции, выбирая то общество, где ниже тариф. Два крупных параллельных общества есть только в США — BMI и «ASCAP», но полным членом SISAC, международной организации, является только «ASCAP». Главная претензия к BMI состоит в том, что это общество объединяет авторов и пользователей, что характерно для американской традиции, но противоречит европейской. А наше законодательство, конечно, должно ориентироваться на континентальные традиции, где право творца абсолютно неотчуждаемо, в то время как в Америке больше внимания уделяют праву производителя, продюсера. К моему заместителю недавно пришли люди из black market'a звукозаписи и сказали: мы хотим платить — кому и сколько? И мы, испытывая естественное чувство благодарности к этим людям, встали, тем не менее, перед серьезным затруднением: они просили нас «узаконить» их под своей эгидой, но формально, являясь членом SISAC, РАИС этого сделать не может. Однако не отталкивать же эту протянутую руку! Вот почему еще нужен «переходный период», во время которого РАИС мог бы помогать созданию подобных организаций.

— Но ведь поскольку реорганизованный РАИС, как я понял, сохранит ту многофункциональность, о которой вы говорили, то не состоится и разделение, подобное европейскому.

— Здесь работают люди с таким опытом и связями, что никто из них не держится за свое место — предложений они получают достаточно, — я уже об этом говорил. Некоторые могли бы создать свои частные бюро и агентства, кое-кто уже и создал. Но, с другой стороны, это не так уж просто. Что же касается авторско-правового общества — оно, вообще, едва ли возможно: слишком большие средства требуются, даже если не учитывать сверхмощное компьютерное оснащение, которое в любом западном обществе такое, что не снилось нашим космическим институтам. В наших условиях подобному обществу очень сложно сохранять рентабельность, поэтому уже есть, я знаю, некоторые агентства, которые требуют с авторов до 50% их гонорара. Потом, западные партнеры, начиная рабо-

тать или с авторами напрямую, или с новыми агентствами, предлагают зачастую такие условия, которые здесь, зная, какие у нас специалисты, просто постеснялись бы предложить. А если у вас возник конфликт с западным партнером — попробуйте-ка посудитесь, наймите адвоката где-нибудь в Америке!

— Иными словами, для отечественных авторов теперь «все дороги ведут в РАИС». А как, по вашим наблюдениям, думают сами авторы?

— Сейчас заключено свыше трех тысяч договоров. С нами работают практически все крупные российские авторы, исключения можно перечислить по пальцам. Это авторы, живущие большей частью за рубежом: Щедрин, Губайдулина, Шнитке. Могу сказать, что дурного имени у РАИС уже нет. Вообще агентов любить не могут — кто же станет любить того, кто берет деньги? Но можно ли без нас обойтись? Здесь, мне кажется, это уже начинают понимать. Хотя, конечно, существует множество проблем. Многие мы не можем решить сами, но винят все равно нас.

Прежде всего это проблема валютных выплат. Как известно, в декабре 1991 года во Внешэкономбанке были заморожены валютные счета за 1989—1991 гг. В свое время я два часа убеждал прежнего министра финансов, что в отношении РАИС эта мера незаконна. Ведь в чем тут дело: был заморожен так называемый «совокупный счет» ВААП-ГААСП на том основании, что это — счет юридического лица. Но на самом деле это, по существу, счет физических лиц, а такие счета первоначально не должны были блокироваться. Механизм действия этого совокупного счета таков: деньги поступают на имя автора, но на счет РАИС, а наши служащие уже дают указания Внешэкономбанку, как распределять суммы по личным счетам авторов. Министр никак не мог меня понять и остался при своем. Слава Богу, президент подписал 7 декабря 1992 года Указ о выдаче «блокадных» денег. Но опять же — физическим лицам. На колу мочало — начинай сначала. Теперь нужно было убедить Внешэкономбанк, что счет ВААП-ГААСП подпадает под действие Указа, для чего потребовалось получить специальное разъяснение вице-премьера Шохина.

Ну, шизофрения такая. Теперь вот 1 июля — день начала выплат — для нас грозная дата: мы открываем прямо здесь, в здании, кассовые узлы, где 120 тысяч бывших советских авторов должны будут получить в общей сложности 18,5 млн. долларов. Если, конечно, Внешэкономбанк ка-

кую-нибудь подлянку не выкинет.

Еще сложнее обстоит дело с выплатами зарубежным партнерам. Это 18 издательств, долг которым составляет 8 млн. долларов. Откуда этот долг и чей он? Во-первых, надо пояснить, что и ВААП, и ГААСП были до известной степени механизмом конвертации. Правительство (а вернее — ЦК КПСС) говорило: вот вам валюта — та же самая валюта, которую собирал ВААП и сдавал государству — рублевое покрытие такое-то, можете подписывать на эту сумму договоры. В 1991 году под планировавшуюся Московскую книжную ярмарку правительство Павлова обещало дать 400 тыс. долларов. Можно было подписывать контракты. Подписали. Потом путч, никакой ярмарки, распад Союза, блокада денег... А отечественные издательства рублевое покрытие перечислили по курсу 1 р. 60 к. за доллар. Они свои обязательства выполнили. А нам-то кто сейчас продаст доллары по такой цене? А по цене 1990 года, за который выплаты тоже не производились? Результат: государственный долг России, который считается долгом РАИС, ибо он — правопреемник ВААП-ГААСП. Понимаете? Партнеры теперь отказываются платить нашим авторам, требуя, чтобы мы сперва заплатили им. Ведь им трудно объяснить, что у нас «блокада», что нам обещали, да не дали. Они резонно отвечают: как это не ваш долг? подпиши под контрактом чья — Павлова, что ли? Да его вон из тюрьмы только что выпустили. Ваши подписи, вы и платите.

— Их не обвинишь в «юридическом дебилизме»...

— Ну, к чести их, надо сказать, что, в целом они понимают наши всеобщие форс-мажорные обстоятельства. Между прочим, ни один из них не подал в суд, хотя они имеют полное право. Им важно, чтобы мы признали эти долги и начали платить — пусть понемногу, сколько можем. Это, кстати, хороший аргумент в полемике с противниками вступления в Бернскую конвенцию, возражения которых сводятся к тому, что это нас разорит. Но посмотрите на Китай, вступивший в Берн не так давно, — он пока тоже не может погасить все свои долги и платить по обычным западным расценкам, но он платит потихоньку, и к нему у мирового сообщества нет претензий. Ведь главное для цивилизованных стран — честность в бизнесе.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Семен ЛУНГИН

ТЕНИ НА АСФАЛЬТЕ

Все долгие последние годы жизни и особенно теперь я постоянно перебираю в памяти все, что связано с Виктором Некрасовым. Я знал его большую часть моей жизни. Наш дом на Калининском стал его московским домом. А мы гостевали у них в Пассаже, в Киеве, а потом, после его изгнания, в Париже, на пляс Кеннеди, 3.

Поэтому пусть никого не удивляет, что я пишу эту историю, употребляя прямую речь, словно бы сочиняя. Мы с Некрасовым столько раз проговаривали ее, как всегда перебивая друг друга, проигрывали, развлекавая наших гостей (а мы очень любили изображать разные сценки и разных людей), и друзья наши могут подтвердить, что я верен здесь не только духу событий, но и их букве.

Нас очень всегда радовал этот наш маленький «театрик для себя», и когда мы валялись дурака, пародируя что-то, и когда в трусах, перед большим зеркалом у нас в передней напрягали «ну так не самые могучие мышцы» и втягивали животы, изображая стройных циркачей-силачей. Господи, до чего же нам бывало весело вдвоем и безо всяких «ста грамм»!

Все наши совместные истории от многих повторений становились своего рода «устными рассказами», и сейчас, в горькое время сиротства, когда он покинул нас, я решил вспомнить, как произошло наше знакомство.

Это было в сорок девятом. По стране, набирая силу, гулял «космополитизм». Черная волна разливалась все шире и, наконец, добралась до театра им. Станиславского, где я тогда работал. Меня вызвали в директорский кабинет и объявили, что отныне должность моя упраздняется и я могу убираться на все четыре стороны. Но если я хочу дожидаться лучших времен, хотя они едва ли предвидятся, то меня хоть сейчас могут оформить рабочим сцены.

Вот как раз в эти-то дни я и познакомился с Виктором Платоновичем...

Однажды в расписании объявили, что состоится читка новой пьесы «Опасный путь» лауреата Сталинской премии Виктора Некрасова. Это было новое имя.

...Все с любопытством поглядывали на автора, очень (во всяком случае, на первый взгляд) молодежавого человека, который в это время как раз снимал пиджачок и аккуратно умащивал его на спинке стула.

— Вы сами объявите, — осведомилась директриса и, справившись по бумажке, добавила, — Виктор Платонович?

Публикуемые воспоминания впервые были напечатаны в журнале «Синтаксис».

— Сам... Спасибо, сам, — весьма деликатно, но определенно сказал он, расстегивая третью пуговку клетчатой ковбойки. И теперь его загорелая грудь была видна чуть ли не до пупа. Слегка присвистывая на «с», он стал говорить о том, что пьеса эта лежала в литчасти МХАТа лет сто, если не больше. Ее улучшали, шлифовали, насиловали все кому не лень и довели, видимо — тут он криво усмехнулся в свои тоненькие пижонские усики, — вот до этого совершенства — и он поднял папку. Короче, того первого моего варианта, который хотелось бы вам прочитывать, здесь нет, есть, правда, дома, в Киеве, но кто же знал?... Значит, либо отложить, либо читать то, что есть, но за этот текст автор ответа не несет. Как обществу — он так и сказал: «обществу» — будет угодно...

Обществу было угодно слушать.

И он принялся читать. Не спеша. Внятно. Вроде бы поставленным голосом, во всяком случае, громче, нежели говорил. Он старательно играл за всех действующих лиц, менял голос, акцентировал наиболее важные места. Он читал, часто отрывая глаза от строчек, и проверял, какое впечатление производит его чтение. Я понимал, что этими нехитрыми уловками он рассчитывает вернуть тексту его первоначальный смысл, интонацию и колорит. Выглядел этот «драмкружок» довольно обаятельно, что вполне соответствовало некрасовскому облику, особенно в те моменты, когда его брови вдруг лезли на лоб и глаза выражали прямо детское удивление по поводу очередной нелепости в прочитанной им фразе. Как он огорчался, хоть вида и не показывал!.. Но я отчетливо слышал, как скрежет его душа от этих неожиданных и незаслуженных обид. Я, пожалуй, никогда потом не видел у него такого расстроенного взгляда... У него всегда хватало юмора одолевать всякую гадость.

...Наконец, добрался он до конца пьесы, с чувством, близким к отвращению, захлопнул папку и тщательно завязал тесемки. Раздались традиционные бессмысленные аплодисменты, на которые появилась директриса.

— Ну, кто желает выступить? — бодро воскликнула она на ходу.

Началась обычная вялая толковня.

Мне пьеса не понравилась. Мне показалось, что все в ней очень задано, что заранее предвидится конец. Да и автор, как теперь говорят, мне не показался, что-то снобское слышалось в его подчеркнуто-киевской манере говорить, да к тому же расстегнутая до ремня рубаха и густая гривка черных волос, как бы накинутая на покатый морщинистый лоб, тоже не радовали глаз. Эдакий перез-

Семен Лунгин и
Виктор
Некрасов
Париж, 1986

рельный пацан с днепровского пляжа! Все в нем было не по мне, даже то, что под закатанным по локоть рукавом виднелся глубокий рубец — след, видимо, ужасного ранения. Вроде бы в доказательство чего-то, что и без того известно. В общем, не понравился он, и все тут.

Когда дошла до меня очередь, я поднялся и сказал, что мне, к сожалению, не близок такой тип драматургии, что я предпочитаю пьесы, где меньше «быта» и «текущих» разговоров, и что мне всегда бывает неприятно подглядывать жизнь персонажей, так сказать, сквозь замочную скважину — эту фразу он никогда не мог мне простить. Его лицо, и так темное от загара, потемнело еще больше, стало злым. Кожа на скулах натянулась, но он ничего не сказал в ответ, только поглядел на меня с неприязнью, учтиво поклонился всем, благодаря за обсуждение, и ушел в сопровождении директрисы.

На этом, собственно, и могла бы закончиться эта история, если бы не одно абсолютно непредвиденное обстоятельство.

Через какое-то время меня вызвали в дирекцию и сказали, что возникла необходимость чуть ли не с завтрашнего дня начать работу с актерами над новой пьесой «Опасный путь». Выпустит спектакль как постановщик начальник Управления театров, а всю предварительную работу надлежит проделать мне.

— А то, что я так поливал пьесу?

— Значит, вы знаете ее изъяны и поможете их исправить.

Ясно было, что меня еще на какое-то время оставляют в театре, и я согласился.

Я пришел домой и в тот же вечер написал в Киев открытку:

«Глубокоуважаемый Виктор Платонович!

Волею случая я назначен режиссером на Вашу пьесу... Благоволите сообщить, когда Вы предполагаете приехать в Москву и уделить мне некоторое время для работы над текстом. С глубоким уважением» и т.д.

Мне кажется, что через неделю, не больше, я вынул из почтового ящика открытку с киевским штампом. Я ее хорошо запомнил — написанную крупными, круглыми буквами, которые я потом узнавал с расстояния в несколько метров:

«Глубокоуважаемый Семен Львович!

Я приеду в Москву такого-то и буду рад встрече с Вами. Но только не для работы над текстом, который мне остоеб... Бог с ним! Может, хватит? Уже поработали над ним всласть... С глубочайшим уважением» и т.д.

Ну, подумал я, это будет трудный случай.

Как-то рано утром мне позвонили из театра и сказали, что автор приехал. Я помчался в театр.

Некрасов стоял на залитом асфальтом дворе и курил.

— Здравствуйте, Виктор Платонович, — сказал я, задыхаясь от бега.

— Здравствуйте, Семен Львович, — сказал он, затянувшись «Беломором».

Он цепко всматривался в меня, потом ухмыльнулся:

— Значит, автор подглядывает жизнь в замочную скважину? А как же увидеть настоящую жизнь, если ее вам не показывают? А, хлопчик?

И что-то такое презрительное было в этом «хлопчике». Что-то такое неприязненное... Я никогда потом не слышал, чтобы он к кому-нибудь так обращался. И, откровенно говоря, не мог простить ему этого «хлопчика».

— Пойдемте, — указал я ему на ворота, ведущие на сцену. Мы прошли через сцену. Подвальный дух стоял в плохую

проветриваемом низком зальчике.

— Это что, — спросил Некрасов, спрыгивая со сцены в проход, — здесь начинал Завадский? Я же до войны тут... Ну это, знаменитое, с Мордвиновым... Тьфу, черт, как его?.. Шоу!

— Да, — сказал я, — «Ученик дьявола».

— Не знаю, — вдруг продолжил он, — понравился бы мне сейчас этот «Ученик дьявола». Сомнительно...

— Почему? — спросил я. — Говорят, был блестящий, настоящий театр.

— Игры было много... — он подумал и добавил: — Всякой «хуйни-муйни».

Вот так у нас и начался разговор, как теперь говорят, «по делу»...

— Мы что, здесь будем говорить? — спросил Некрасов.

— А может быть, пойдём куда-нибудь? И глянул на меня хитрым глазом.

— А куда?

— На Рю де ля Пэ.

— Куда? — переспросил я.

— Моя машинистка там живет и пускает нас с мамой, когда мы приезжаем в Москву. Там и переулочек тихий. Плотников.

— На Арбате? Так я же живу в пяти минутах ходьбы оттуда.

— Тогда пошли к вам.

И мы пошли.

В те годы многое случалось гораздо проще, чем теперь. А может быть, так кажется? Нет, на самом деле. Ну, скажем, пивные. Они были прямо-таки за каждым углом и безо всякой толчи и скандалов. «Полупорка с прицепом» — это из тех времен, а означало, для несведущих, сто пятьдесят граммов — «полупорка» и кружка пива — «прицеп». Мы уже прошли мимо одной такой забегаловки, как Виктор Платонович остановился, весьма лукаво поглядел на меня — о, этот взгляд сопровождал меня все почти сорок лет нашей дружбы! — и кивнул в сторону пивнушки. Я послушно пошел вслед за ним.

Сказочный запах разливного московского пива, который я уже так долго не вдыхал. Мы взяли всего по пятьдесят граммов и по кружечке.

— Ну, давайте знакомиться, — сказал он. — Вика...

— Сима, — сказал я. — Скажите, как вы вытерпели всю эту мхатовскую волюнку?

— Во-первых, из почтения. По этим коридорам... На этих стульях... Шутка сказать!.. Потом Павел Александрович Марков... Любезные разговоры за жизнь... Не угодно ли стаканчик чайку? Ебал я этот чаек!.. Борис Ильич Вершилов: «Я обнаружил вас в «Окопах Сталинграда», как в свое время «Дни Турбиных» в «Белой гвардии»... Солидно... Все неспешно... А во-вторых — гордыня! Гордыня одолела — лучший театр должен ставить лучшего писателя... А как же!

Изображая мхатовских мастеров, он изгибался в талии, шаркал ножкой, говорил медовым голосом, все это проделывал очень смешно, не обращая внимания, что на него смотрят стоящие поблизости и хохочут так же, как и я. Это было как раз то самое, что я любил, да и теперь люблю больше всего на свете — такую роскошную импровизацию! Мы допили пиво и двинулись дальше, чтобы ехать к нам. Но тут, как раз за углом какого-то переулочка, появилась новая «забегаловка» — дощатое строение, по периметру стен которого изнутри шла полочка для кружек, полных и пустых. Мы взяли по кружке и только устроились, стоя друг против друга, подняли их к губам, как вдруг некто, тоже стоящий с кружкой в руке и, как я заметил, не спускавший с Некрасова глаз, тронул меня за плечо.

— Отойдем, кореш, — сказал он тихо и отвел меня на несколько шагов в сторону. — Это писатель с тобой?

Я кивнул.

— Который «В окопах Сталинграда»?

Я снова кивнул. И спросил:

— А откуда вы его знаете?

— В газете снимок видел. Я его по усам узнал.

— По усам только товарища Сталина узнают, — сказал Некрасов, подходя к нам. — Не помешаю?

— Вот товарищ узнал вас по газете, — сказал я.

— Где воевал? — деловито спросил Некрасов.

— Третий Украинский, — ответил незнакомец. — Очень рад, что тебя увидел. Ну, я пошел... — заторопился он. — Желаю успехов... Слушай, капитан этот... как его?

— Керженцев?

— Это ты?

— Более или менее.

— Я так и подумал. Жалко, что не вместе воевали.

— Но ты же на Третьем Украинском.

— Вот я и говорю — жалко. Ну, здоровья желаю...

— Э-э-э! — воскликнул Некрасов. — Куда? А свои сто грамм? Пойди возьми, — и протянул мне десятку.

Он впервые обратился ко мне на «ты».

— У меня есть.

— Делайте, что говорят, — приказал он непререкаемо.

— Так точно! — сказал я, подхватывая игру...

Когда я принес со стойки три граненых стакана, обхватив их двумя ладонями, и поставил на мокрую от пивной пены полку, они о чем-то увлеченно говорили.

— И у меня локтевой сустав разбит, — сказал новый знакомый. — Видишь, не сгибается. Кон-трак-тура. Мне было приказано разрабатывать, а я думаю: хрен с ней... — На мой век хватит.

— И зря... Я разрабатывал, — сказал Некрасов. — Мне велели делать мелкие-мелкие движения пальцами все время, пока не сплю. Вот я и стал писать, в госпитале, лежа, карандашом. Ну, давайте со знакомством. Ты кто? Майор?

— Капитан.

— И я капитан. Будь здоров, капитан. Я очень рад, что мы повстречались.

— Вы уж простите, что я в вашу компанию...

— Не свисти, капитан. Ну, давайте!..

Мы, запрокинув головы, выпили до дна. Потом он попрощался и ушел.

— Бывает же такое? — сказал Некрасов, он был явно доволен. — Слушайте, Сима, пошли еще в какую-нибудь тошнилочку, — вдруг еще кого-нибудь встретим...

— Знаете, эта сцена — как из пьесы Арбузова, — сказал я.

— Это — жизнь, молодой человек, словно сквозь замочную скважину...

— Да будет вам, — сказал я, и мы вышли на улицу. — Забудьте.

Мы деловито шли по Лубянке, мимо «Стрелы» — закрытого распределителя НКВД, мимо московского управления в прекрасном особняке, за фигурным забором, хотели было свернуть на Кузнецкий, но двинулись к метро. «Детского мира» еще не было, был еще Лубянский пассаж и отличный ресторанчик в подвале, на углу Рождественки. Туда мы не пошли, а перебежали на другую сторону, к метро «Дзержинская». Там, в угловом доме тогда был продовольственный магазин. Мы переглянулись и вошли.

Боже, как иногда ярко запоминаются отдельные, вроде бы несущественные сценки многолетней давности. Я терпеть не могу словосочетания «как сейчас помню», но я действительно сейчас вспомнил, как он сказал: «Можно я куплю поллитра?» Как я полез в карман. Как он произнес: «Разрешите, я приду в ваш дом с бутылкой?» Как я в ответ сказал: «Тогда я куплю закуску». Как он показал на окно: «Встречаемся тут»...

Мы вышли из магазина и двинулись к метро. Солнце било нам в спину, и на тротуаре четкими силуэтами чернели

наши тени. Две, примерно одного роста. И я подумал: вот мы идем вдвоем, как шли, наверно, Станиславский и Немирович-Данченко из «Славянского базара» после того исторического разговора... И так же их тени рисовались на тротуаре, только одна высокая, в шляпе, другая сильно пониже, тоже в шляпе. А у нас не было шляп, и ветер, задувавший вдоль Никольской, вздыбливал наши волосы, и на черных тенях было видно, как поднимаются черные прядки...

Дома никого не было.
— Здорово, что мы пошли не на Рю де ля Пэ, а сюда. Большая квартира, а там как-то все давит, — сказал он.

Мы расставили бутылки и тарелки с закусками.

— Ну, Сима, значит, какое-то время мы будем существовать если не вместе, то рядом. А?

— Да, — сказал я, — если только меня не выпрут до этого «какого-то времени».

И я рассказал ему про мои дела.

Он почернел, как тогда на обсуждении пьесы, после моего выступления.

— Ну что за тра-та-та-та! — воскликнул он. — Что за мерзость!.. Эвреев они не любят, сволочи! Что вы им все глаза мозолите? Давайте...

Мы выпили по первой. Потом я стал рассказывать ему про пьесу. Как, по-моему, надо ее ставить. Какое оформление. Что следовало бы уточнить, что убрать. Фантазия моя включилась, я почувствовал себя свободным, особенно подхлестнул меня его удивленно-заинтересованный взгляд. Я вспоминаю эти минуты как одни из счастливых в моей жизни. Стали говорить о том, про что пьеса. И тут вдруг словно с цепи сорвались и начали говорить, да что говорить — орать о нашей жизни, о том, что творится в стране... Мы кричали, не закрывая рта, перебивая друг друга, о том, как все это ужасно и с евреями, и с немцами Поволжья, и с крымскими татарами, и про весь этот кровавый маразм, что творился вокруг. В Киеве какой-то инженер повесился от ужаса, что его сошлют на Колыму, и всю его семью с ним, и старую маму... «Откуда вы знаете?» — спросили его накануне смерти. «Ссылками всегда все кончалось, — ответил он, — а сейчас ими начинается...»

— Где Короленко? — закричал вдруг Некрасов. — Где эти благородные русские интеллигенты, которые всегда говорили правду властям в глаза? Жалкие трусы, почему мы молчим? Неужели нас так запугали, что мы потеряли облик человеческий? Я смолчу, но мама моя не смолчит... Гады! Гады! — он произносил «гады». — Вот уж правда: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...» Неважно куда, лишь бы в бой... На ту еврейскую старуху, так на старуху — в бой! А несчастный инженер удавился... Тра-та-та-та!.. Короленко на них нету!.. Деградация вонючая!.. Ну, японский бог, где Короленко?..

В это время хлопнула дверь. Пришла Лиля. Она была на последнем месяце — носила Пашку — и с трудом таскала свое брюхо.

— Что вы орете как полоумные? — сказала она. — На площадке все слышно.

— Вот это моя жена, Лиля, — сказал я. — А это Виктор Платонович Некрасов.

Он поднял руку и помахал ей. Лиля тоже махнула ему рукой и ушла.

— Твоя самка на сносях? Ну, хохмачи, нашли время рождать...

И снова разразился гневной речью, обкладывая все и вся...

Тут раздался тихий Лилин голос, она звала меня.

— Ты что, обезумел? — волнуясь, сказала она. — А если они подслушивают? Честное слово, это похоже на провокацию...

— Прекрати, — сказал я. — Это подтекст пьесы. Пойдем...

Я взял Лилю за руку и вывел ее в столовую.

Некрасов вроде бы разом отрезвел. Он улыбнулся и сказал тихо:

— Ваш муж — гениальный режиссер!.. Он рассказывал мне, как надо ставить мое произведение. Лучше и не мечтаю... Это будет потрясающий спектакль. Выпейте глоточек... Нет, надо! Я лучше всех знаю, что надо, а что не надо... Пожалуйста, из моей рюмки, за нашу дружбу. Этот ваш носач мне очень нравится. Ну чуть-чуть...

Лиля пригубила рюмку.

— И вы тоже... Такая пузатая, просто прелесть! Хорошая пара, честное благородное слово... Знаете, возьмите меня третьим...

И мы взяли.

Взяли на все годы и были с ним во всех местах на земле, где нам приходилось вместе бывать. Взяли, когда ему было тридцать восемь, и расстались, когда ему исполнилось семьдесят шесть. Нашему старшему сыну Павлику, оказавшемуся в те дни в Париже, пришлось видеться с ним, уже страшно изнуренным болезнью, и гулять вдвоем по Латинскому кварталу, и провожать его домой в Ванв, и сиживать в кафе, где они не спеша потягивали пиво из высоких стаканов — «деми», как их называют официанты. И Женя, младший наш сын, он и сейчас живет в Париже, постоянно виделся с ним и развлекал как мог. Только трудно было развлечь дядю Вику в те дни... Накануне ужасного конца Павлик позвонил в клинику, где Вика лежал, и сказал, что приедет его навестить.

— Не надо, Пашка, — сказал ему в трубку Некрасов. — Чего тебе тащиться сюда, в такую даль. Завтра меня обещали отпустить. Встретимся, как всегда, на втором этаже «Монпарнаса», выпьем «деми» и потреллемся. А сейчас даже разговор с тобой меня не веселит... Пока...

А завтра уже не было. Не было «деми», ни «своих ста грамм», не было ни чудесных разговоров о том о сем, не было его вопросов, что там у нас в Союзе, у друзей, про которых он хотел знать все.

Он умер 3 сентября 1987 года под вечер, там же, в больнице, где и лежал. Исхудавший, с пергаментной кожей, сильно поседевший и с измученным страданием лицом, без желаний. Господи, как это выражение не шло его натуре. Он так хотел везде быть, все успеть, всех увидеть, все досмотреть до конца. И то, что у нас. И то, что у них...

Он похоронен в чужой могиле на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. В чужой, потому что мест на этом русском кладбище уже давным-давно нет. И Галич лежит в чужой, и Тарковский в чужой. Под крестом маленькая табличка из белого мрамора, на которой золотом написано «Виктор Платонович Некрасов», а ниже по-французски «Nekrasov». Дорожки на кладбище засыпаны мелким гравием. Он хрустит под ногами даже в дождь. И когда кто-нибудь идет туда, то слышно...

Однажды в Париже, когда я в первый раз туда приехал, Некрасов повел меня в парк Монсури, где он еще в локонах и платьице гулял с мамой и тетей Соней. Я видел эту старую фотографию.

И когда мы переходили улицу, чтобы войти в ворота парка, я увидел на асфальте наши две тени рядом, и по движениям плеч было ясно, что мы идем в ногу. Я помню наши тени на тропинках Коктебеля, на шоссе, когда мы гостили у Ивана Сергеевича Соколова-Микитова в Карачарово, в Киеве на Бабьем Яре, в Ленинграде, на Кировском у «Ленфильма» (я приехал к нему на съемки «Солдат»), в Тулоне, когда выглядывало солнышко между короткими средиземноморскими ливнями... И я все думаю, неужели земля не впитала в себя наши тени, неужели она не запомнила их навсегда?

— А кто вообще сделал из вас художника-карикуриста?

— Ну, тут можно рассказывать долго. Многие влияли на меня вначале, пока я как-то не вырвался и не нашел свой образ...

— И вот теперь вы в «Коммерсанте». О котором сказано в последнее время столько хорошего, сколько не говорят, наверное, о покойнике. Нетрудно понять, чем тронул «Коммерсантъ» читающую и пишущую публику. А вот чем он «взял» вас, художника Андрея Бильжо?..

— Начнем с того, что я пришел сюда сам. Пришел именно потому, что мне понравилась эта газета. Она показалась мне близкой своими небольшими заметками с ироническим уклоном. Порой он доходил до цинизма, что ли, чем раздражал, но такое случалось крайне редко.

И вот однажды я принес сюда свои рисунки. Сразу предложили рисовать только для «Коммерсанта», эксклюзивно. Вначале мне показалось, что это как-то ущемит мои права. Но, с другой стороны, было в этом предложении нечто положительное: работая на одно издание, не нужно бесконечно бегать по редакциям, предлагая свои рисунки.

Теперь я просто прихожу сюда и рисую. Рисую в своем стиле. Одним словом, делаю свою работу, зная, что должен выдать определенное количество рисунков. Независимо от того, какое у меня настроение, какие проблемы. Я должен их выдать, и все.

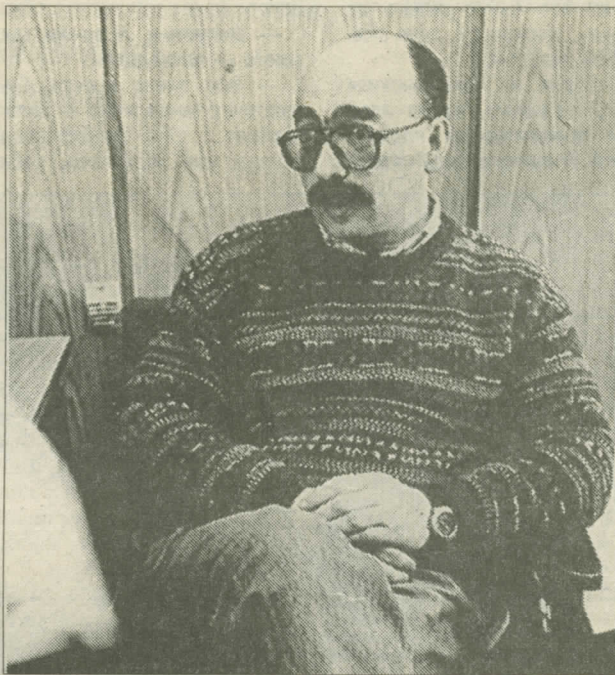
— Наверное, для того, чтобы работать в этой газете, просто необходимо полюбить буржуазию, «новых русских», как говорят на Западе. Вы — полюбили?

— Если честно, я с ней почти не знаком, знаю ее только как читатель. Поэтому не могу любить или не любить. Да и не вижу здесь какой-то связи. Я рисую смешные картинки не для буржуазии, а для человека достаточно образованного, обладающего каким-то запасом культурных знаний. А чем он занимается — неважно.

— Есть ли для вас какие-

Андрей БИЛЬЖО:

«Я воспитан на Хармсе»

По первой своей профессии он психиатр. Критик Андрей Ковалев во вступительной статье к его альбому уверяет, что «картины Бильжо могут быть употребляемы в качестве магического лекарства. Эффект же для всякого, кто не готов к астральным встречам (а таких еще много), может оказаться сокрушительным. Слишком уж велика сила реализма в картинах Бильжо». За последние два года ее испытали на себе зрители Брюсселя, Рима, Амстердама, Аахена и Москвы. Впрочем, у нас Бильжо больше известен другой своей ипостасью — графикой, точнее — карикатурами в газете «Коммерсантъ», журналах «Магазин» и «Утюг». Силу их реализма в сочетании с сарказмом некоторые прототипы его героев могли бы оценить, скорее всего, как убойную.

Первый его рисунок появился в «Неделе», потом был этап «Литературной газеты» — любимой газеты интеллигенции застойных лет.

то табу, «священные коро- вы»?

— Это про что нельзя рисовать? По-моему, рисовать можно абсолютно про все, юмор — вещь такая...

Я был воспитан на Хармсе, поэтому, я думаю, шутить можно абсолютно по любому поводу. Другое дело — как. Если плоско и неумно, то, по какому бы поводу ты ни шутил, это плохо. Особенно если это касается каких-то святынь. А остроумная шутка по поводу святынь, по-моему, вовсе не плоха: святыня от нее не теряет свою святость.

Обожаю шутки по отношению к себе, получаю от них какое-то мазохистское удовольствие. Но, конечно, если шутят тонко и умно.

— Про ваш художественный почерк один критик написал: «радикальный пессимизм» и восприятие мира как «истории болезни». Это правда?

— А мне в той рецензии на вышедший недавно альбом особенно понравилось сравнение моих героев с баклажанами. Действительно, они все похожи на баклажаны и в то же время — все разные. Собственно, не бывает двух одинаковых баклажан (или баклажанов?).

А радикальный пессимизм... Вообще-то я в последнее время становлюсь человеком не очень веселым. Если раньше мог много шутить, «остроумничать» — словесно, имеется в виду, — то сейчас другое. Но это, я думаю не зависит от того, что происходит вокруг: экономическая и политическая ситуация на меня пессимистически не действует, наоборот, как-то даже интересно. Хотя посещают ностальгические воспоминания о прошлом, о застое, о каких-то моментах утерянного безвозвратно. Споры об искусстве на кухне и так далее... Но об этом уже много писали.

— Давайте вернемся к психиатрии. Вы ведь защитили кандидатскую? На какую тему, если не секрет?

— О благоприятных исходах, то есть выздоровлении при юношеской шизофрении. Там было много практических вещей, например, снятие с воинского учета и т.д.

— А есть ли какая-то логика в том, что вы с таким багажом вдруг оказались сатирическим художником?

— Абсолютно никакой! Когда я приходил на работу в психиатрическую больницу, я был только врачом. А когда сегодня рисую — я только художник. И эти образы, эти человечки для меня вовсе не ассоциируются с конкретными людьми, с живым человеком. Это условность, аллегория. И если мой человек, допустим, без руки или без ноги — это вовсе не значит, что я смеюсь над каким-то инвалидом. Нет, здесь просто «ход», на котором построена шутка, — вот и все.

— Мне запомнилась ваша карикатура «...спикеров — к наполеонам...».

— Да, была такая. Кстати, даже Невзоров в «600 секунд» выразил недовольство: мол, смотрите, отношение к спикеру достигло предела, дальше некуда. Значит, узнал председателя Верховного Совета, несмотря на то, что никакого портретного сходства там не было, да и спикеров у нас, как оказалось, полно. В каждой палате того же парламента есть свои спикеры.

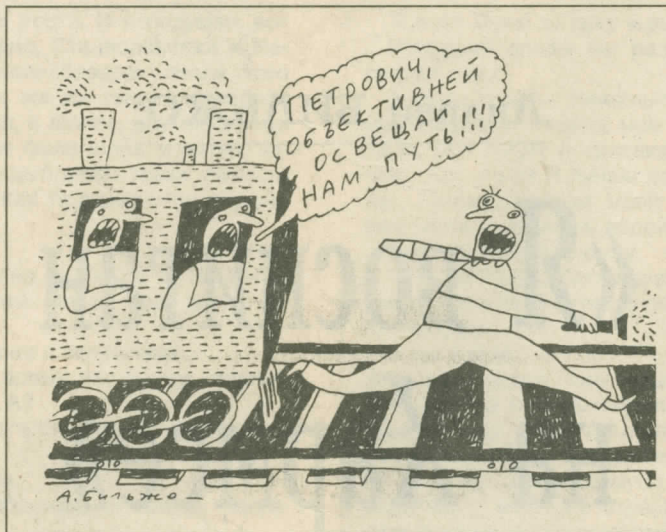
— Народ тоже понял, о ком речь. Так это был ваш диагноз — мания величия?

— По отношению к спикеру? Нет, что вы, я боюсь спикера, он человек суровый. Это, конечно, не диагноз. Просто шутка. Вообще, я вам скажу, вешать психиатрические ярлыки — упаси Бог. Кому бы то ни было, не только спикеру.

Работая в свое время психиатром, я общался за стенами клиники с массой художников. И если бы был настроен на психиатрический лад, мог бы многим поставить диагнозы (не вслух, естественно). Но я никогда не переносил психиатрию на общение с людьми.

— Мне вспоминается дневник Сальвадора Дали. По-моему, его идеи, мании — интересный материал для психиатра...

— Я думаю, Дали играл. Художник провоцировал общество, раздражал, заставлял его все время говорить о себе, ставить эти диагнозы,

— но это было далеко от истины, поскольку являлось, скорее, театром.

— Одна из «далианских» пьес, по-моему, стала лучшей политической карикатурой. Я имею в виду «воло-

вопрос.

— Допустим. А зачем так много — пятнадцать?

— Все очень просто. Существует такой жанр — автопортрет. Он существовал всегда, все художники себя

сяную историю марксизма» на усах Дали — от львинобородого Маркса до луноподобного Хрущева. Вам не приходилось делать подобные серии?

— В декабре—январе в галерее «А-3» проходила моя выставка. В одном зале была нормальная живопись, если ее можно назвать нормальной, а в другом — 15 автопортретов — в одном ракурсе, без плеч, с отрезанной шеей, примерно так же, как изображали на деньгах Ленина.

Отчасти это ответ на ваш

вопрос. Сделав однажды автопортрет, заметил, что у меня, оказывается, верхняя часть — как бы от Ленина, к тому же брежневские брови, очки, как у Берии, и сталинские усы.

В итоге получились смешные и в то же время достаточно серьезные полотна, с первого по пятнадцатый номер.

— Тянет на манию величия.

— Конечно. Но здесь,

опять же, игра, не имеющая отношения к действительности: у меня-то самомнение как раз занижено.

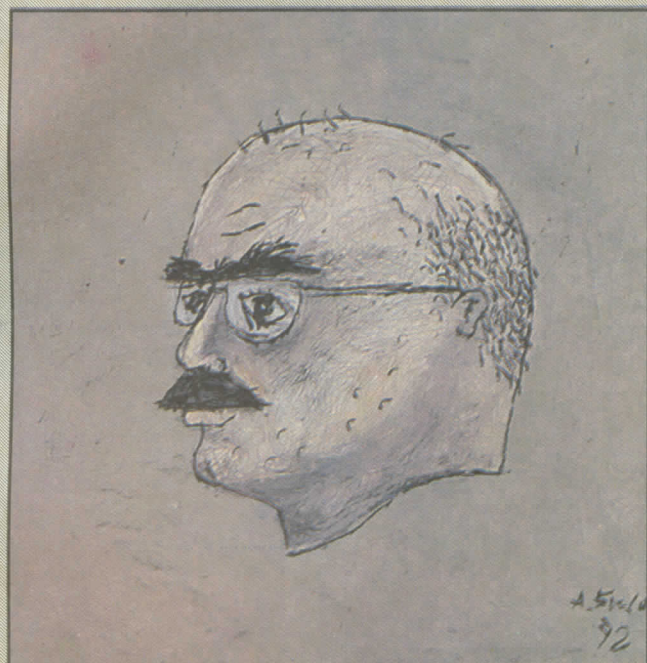
— А какое из этих направлений — живопись, графика или карикатура для вас главное?

— Знаете, я их не разделяю, для меня все это как бы единое целое. Способ существования, мышления, что ли. Это вещи близкие. Только в живописи большее значение имеет образ, цвет, пятно. В карикатуре — сюжетная часть, литературная. А что важнее?..

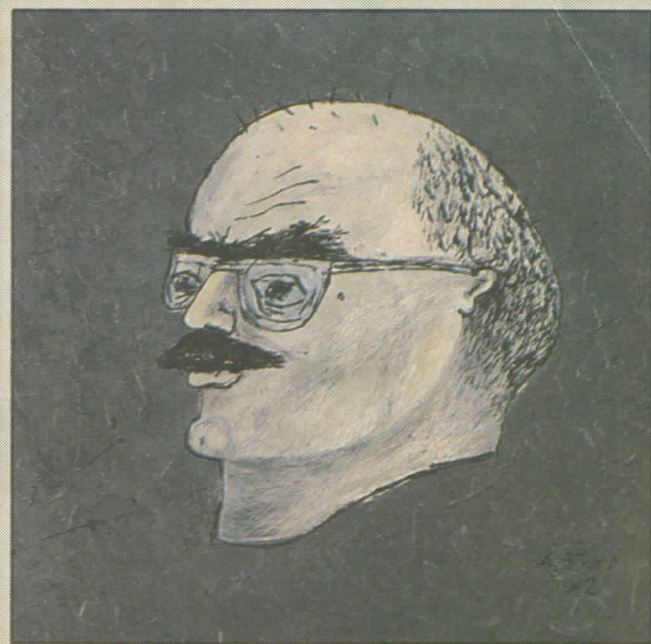
Скорее вот так: в карикатуре я получаю удовольствие от результата. Когда рисунок — пусть даже шестой или седьмой — удастся и все это признают, тогда у меня хорошее настроение, все нормально. А в живописи, наверное, гораздо большее удовольствие я получаю от самого процесса. Белила вываливаются из банки, как сметана. Розовый цвет, нежно-зеленый. Мне нравится смешивать краски. Взбивать их, как крем. Они соединяются друг с другом, съедают друг друга, спорят. Это что-то кулинарно-эротическое. Я люблю «готовить картины»... А результат здесь уже более спорный, что ли. Потому что живопись в чем-то сложнее карикатуры, которая как бы для всех, как эстрада, — рисунки-шлягера живут недолго: напечатали картинку, она прожита день или неделю и умерла. Потом рождается следующая. Такой легкий мотив. А живопись — это уже классическая музыка.

И тем не менее только что в ЦДХ несколько дней работала выставка «Следствие» (ее финансировало российско-германское акционерное общество «ИЛЛИ»), на которой была представлена не только графика, но и старые газеты с рисунками Бильжо. Газеты, прожившие долгую жизнь, — измятые и порванные, залепанные и разглаженные чьей-то аккуратной рукой. Словом, «Следствие» показало, что не всегда карикатура — однодневка и легкий мотив не вредит классике.

Сергей МЕЛЬНИК

Андрей Бильжо
Автопортрет 1
Х., м., 90 × 90, 1992

Андрей Бильжо
Автопортрет 2
Х., м., 90 × 90, 1992

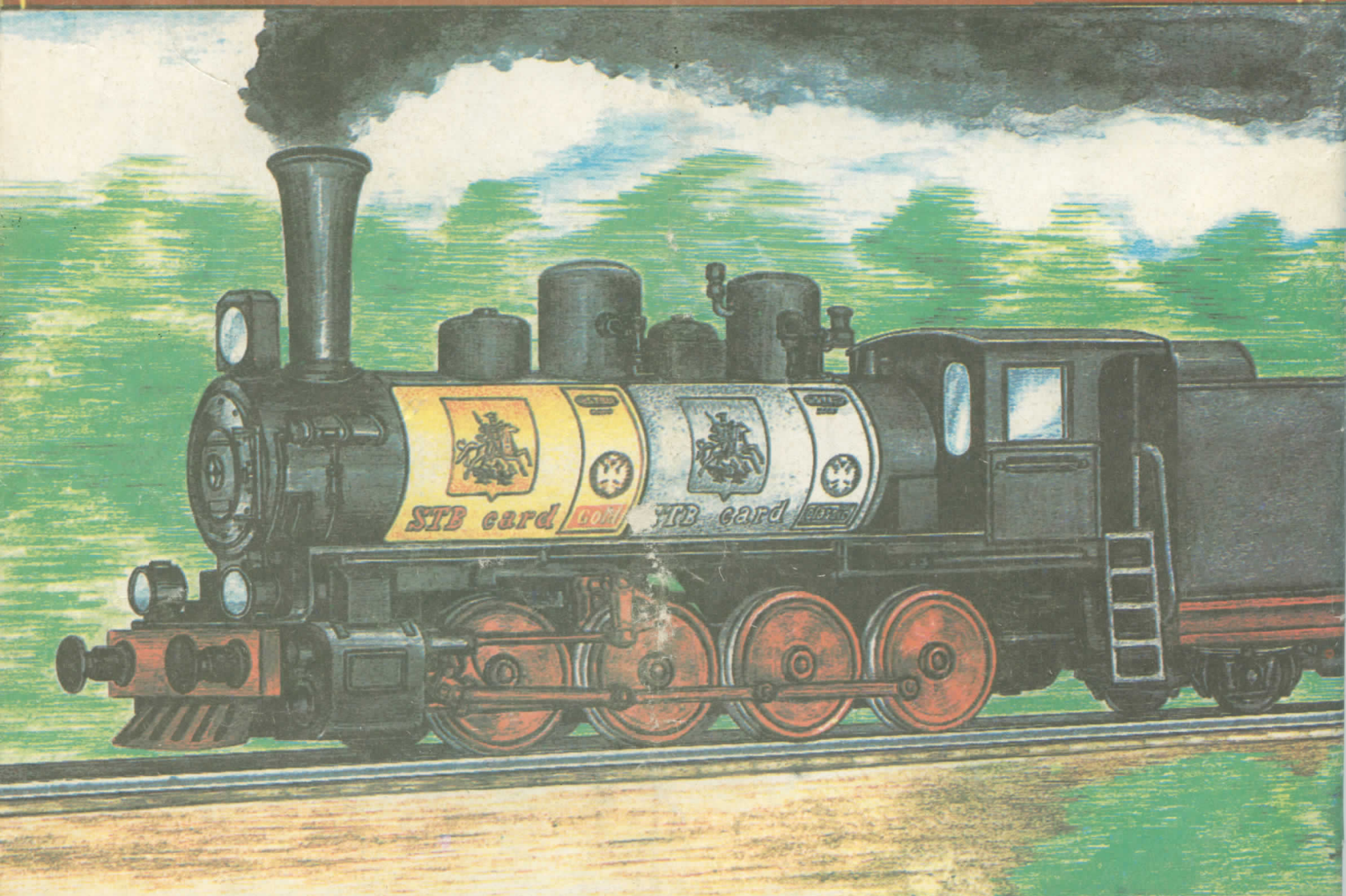

Андрей Бильжо. Ужин на двоих
Х., м., 94 × 141, 1992

БАНКОВСКАЯ КАРТОЧКА

CARD

OMNIA MEA MECUM PORTO....
... ВСЁ МОЁ НОШУ С СОБОЙ